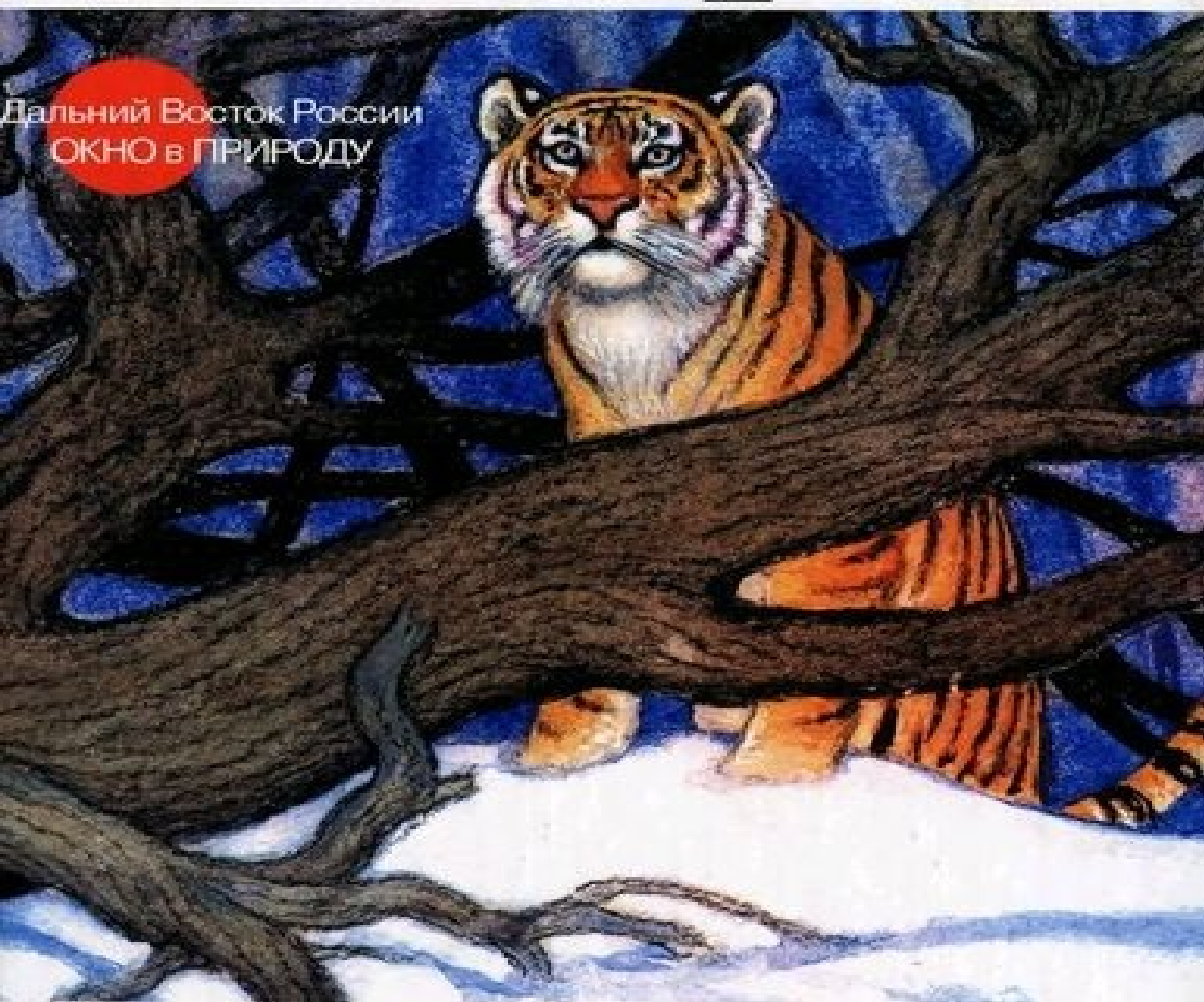

С. Кучеренко

Встречи с амурским ТИГРОМ

Дальний Восток России
ОКНО в ПРИРОДУ

*Издательский дом
«Приамурские ведомости»*

Annotation

Автор книги — известный дальневосточный писатель, ученый, биолог-охотовед, кандидат биологических наук. Много лет занимался изучением экологии тигра. Рассказы о встречах с владыкой уссурийской тайги, написанные на фактическом материале, позволяют многое узнать о повадках и образе жизни редкого краснокнижного хищника. В коротких повествованиях — и гордость за великолепного зверя, и сострадание к его несчастьям. Автор призывает читателей, всех жителей Приамурья и Приморья, уважать права зверя на его тигриный дом, быть в ответе за выживание амурского тигра на нашей планете.

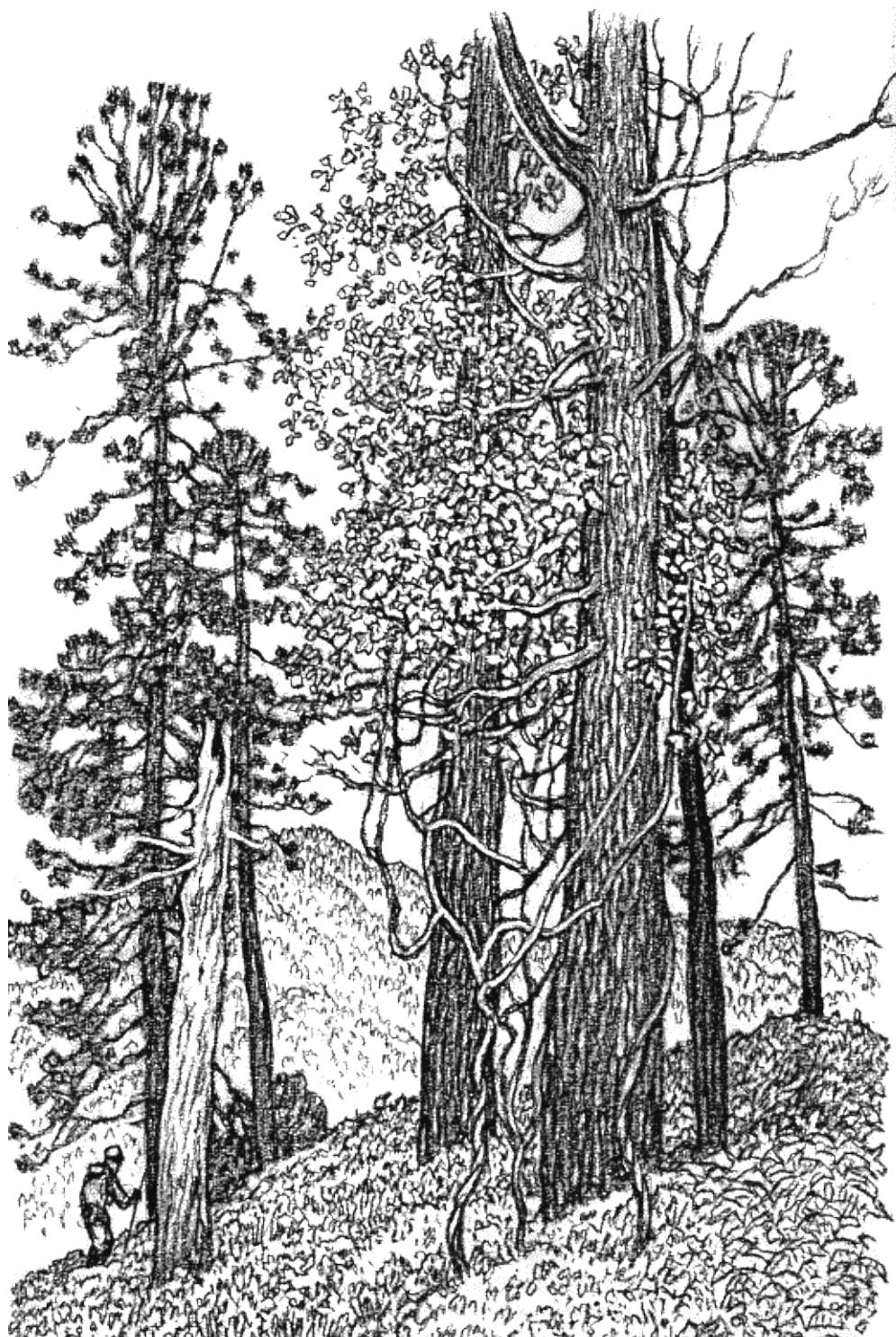
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- [Сергей Петрович Кучеренко](#)
 - [От автора](#)
 - [Можно ли забыть такое?](#)
 - [Страх](#)
 - [Тигриное презрение](#)
 - [Полосатый забавляется](#)
 - [В тигриных владениях](#)
 - [На таежной тропе](#)
 - [Глаза в глаза](#)
 - [В осаде](#)
 - [Полосатый под нарами](#)
 - [Бродяга](#)
 - [Ей снились тигрята](#)
 - [Месть ценою жизни](#)
 - [Здравствуй, амба!](#)
 - [Вечерние беседы](#)
 - [И на владыку находится сила](#)
 - [Свобода или смерть!](#)
 - [Пять дней по следу тигра](#)
 - [В черте большого города](#)
 - [Тоска тигрицы](#)
 - [Такие они разные — тигры](#)
 - [Откровение промыслового охотника](#)
 - [Не преступи закон?](#)

- [Вооруженный нейтралитет](#)
 - [У последней черты](#)
 - [И тигры шутят](#)
 - [Последняя встреча](#)
 - [Амурский тигр](#)
 - [Если вы встретили тигра](#)
 - [Без тигра мы все обеднеем](#)
-

Сергей Петрович Кучеренко
Встречи с амурским тигром

От автора

Тигр — один из тех немногих зверей, о которых кое-что знают даже

дети. И потому знают, что он единствен в своем роде: гипнотически красив, могуч и ловок, смел и в себе уверен, строг в повадках и умен. Во многих отношениях он — венец совершенства в мире животных. Однако знания человека об этом царственном звере весьма поверхностны, и потому цель этой книги — приоткрыть завесу таинственности над ним, заполнить белые пятна в знаниях его экологии.

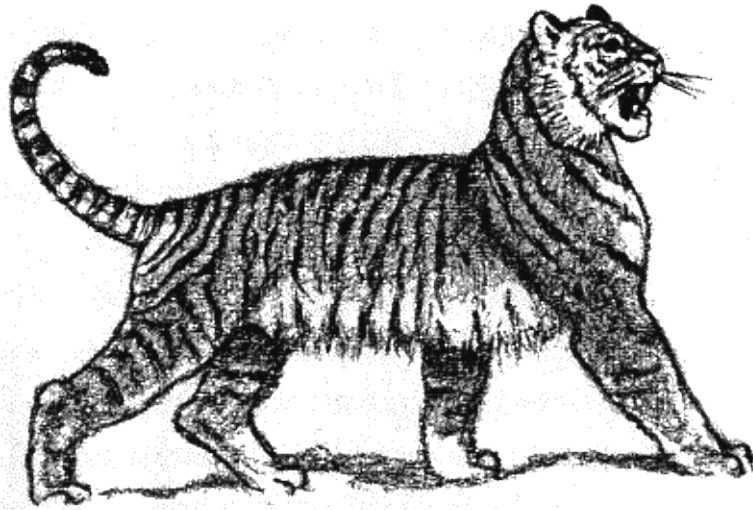
За долгие годы скитаний в самых глухих таежных дебрях Амуро-Уссурийского региона мне довелось пройти по тигриным следам и тропам не одну сотню километров, а вот встретиться лицом к лицу с тигром, столкнувшись в упор, посчастливилось всего лишь трижды. Но те короткие мгновения остались в памяти навечно. И сейчас, закрыв глаза, я отчетливо вижу это воплощение могучего совершенства, его трудно вообразимую силу, ловкость и... мягкую грацию, бесстрашие, настороженность и... любопытство, магнетизм единственных в своем роде глаз, до жути пугающую, но красивую и спокойную голову, готовую в неуловимый миг разразиться безудержным рыкающим гневом... И тут же уйти в свое почти философское самосозерцание. Разве можно этим царственным зверем не восторгаться? Не задумываться над его внешней и внутренней сущностью и красотой — страшщей и восхищающей? Не беспокоиться о его столь трагической судьбе? Не помнить ежечасно о том, что тигр в числе первых животных оказался на страницах международной Красной книги?

Изучению тигра я отдал много времени и сил. С детства зачитывался книгами об этом звере, то и дело открывал Арсеньева, Бажова и Пржевальского на тех страницах, где о нем писалось. На одном дыхании прочитывал Янковских, Капанова, Корбетта, Андерсена, Сингха... А потом, уже став биологом-охотоведом, принялся изучать его сам. Проштудировал всю доступную мне научную литературу, подолгу работал в самых тигриных «северных джунглях», тропил следы могучей суперкошки с целью познать ее жизненные устои во всех мельчайших подробностях, подсчитывал «тигронаселение»...

Но, пожалуй, более всего я уделял внимание сложным вопросам взаимоотношений этого совершеннейшего хищника с человеком, весьма изменчивым во времени и пространстве. Достаточно сказать, что повадки тигра времен Пржевальского и Арсеньева существенно отличаются от тех, что мы наблюдаем теперь: тогда к людям он относился, мягко говоря, неуважительно и дерзко, теперь же строит отношения по «закону вооруженного нейтралитета». Но природа есть природа, и потому случаются сбои. Впрочем, тигр во все времена был и

остается серьезным хищником, требующим к себе уважения.

В этой книге нет вымысла, ее рассказы и новеллы с точки зрения экологии строго выдержанны и основаны на фактическом материале. Моя цель — не просто поделиться с читателем таежными былями и происшествиями, но показать повадки амбы, его образ жизни, реакцию на те или иные действия человека. Тигр стоит восхищения, однако он не терпит вольного с собой обращения. Но все же, как это прекрасно: с замиранием сердца наблюдать за царственным зверем...

Можно ли забыть такое?

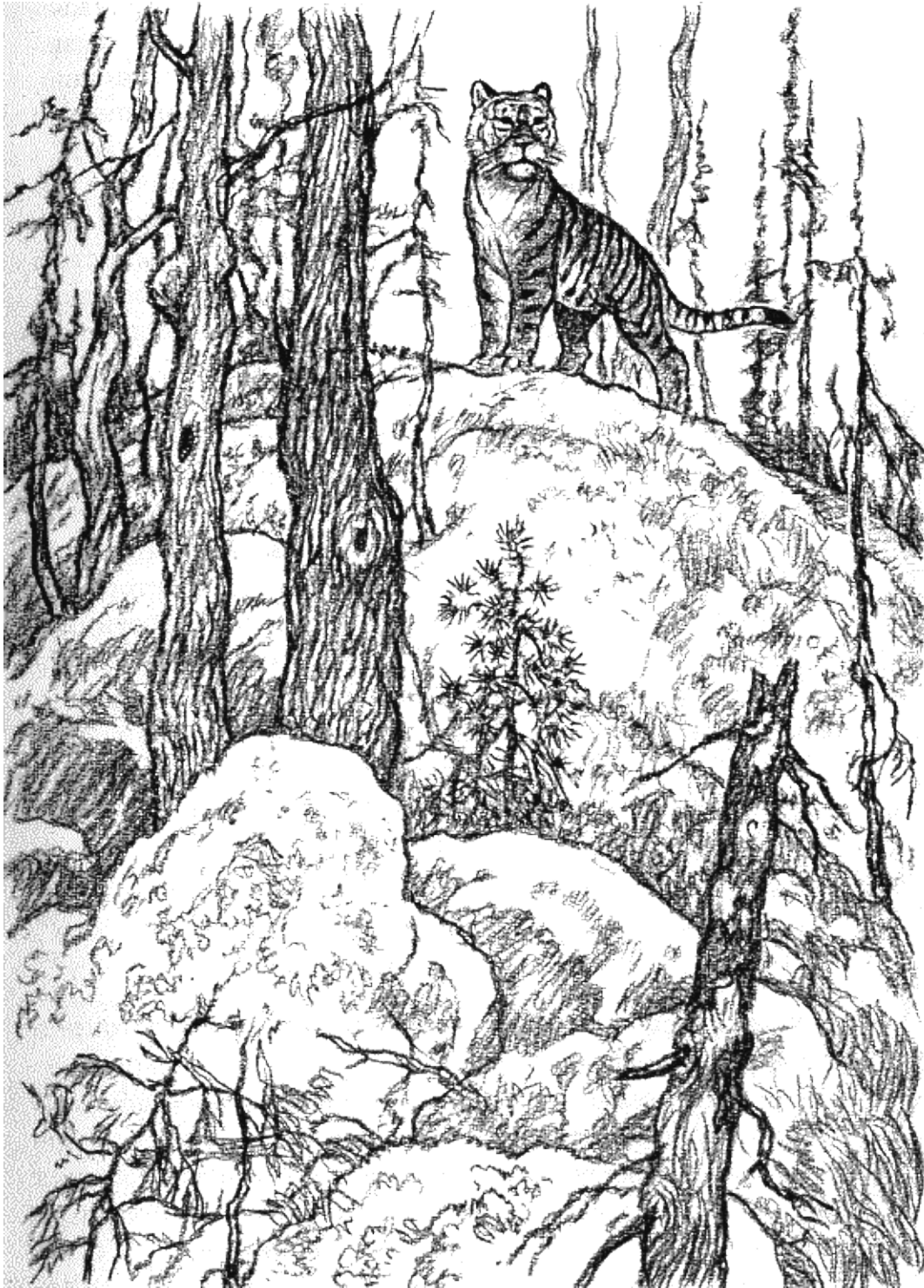
Случилось это в годы моей молодости на юге Приморья. Стояла та пора, тронутая первыми осенними морозами, когда снега еще не видно, но его неотвратимость чувствуется во всем. Мы охотились загоном на косуль в старом дубовом лесу, который бурными потоками покрывал невысокие пологие сопки отрогов Сихотэ-Алиня.

Часов в десять утра я вышел на макушку горы, и в эти же минуты из-за туч показалось солнце. Оно так яростно высветило еще недавно сумрачные горные дали, что я невольно залюбовался ими и присел на камень. Это было особое состояние красоты, тишины и торжественности, какое часто случается на зорях. Таял иней, мягко увлажняя сухой лист и насыщая пряностями воздух, напитывалось голубизной небо, зарождались таинственные лесные шорохи.

По плану коллективной охоты подходило время загона. К этому моменту мне надлежало сидеть на номере в седловине небольшого перевальчика с лесной прогалиной и ждать потревоженных моими товарищами косуль. До места засады оставалось метров пятьсот.

Я шел тихо, но быстро, издали высматривая тот перевальчик и удобную точку укрытия. В какое-то мгновение что-то неведомое, непонятное, но властное и жуткое пронзило меня и заставило остановиться. Я насторожился и начал тревожно осматриваться. Отметил между делом, что внизу, в распадке, мирно пасется табунок изюбров, однако мне было не до них: под сердцем нервозно звенел колокольчик инстинктивной тревоги. Скользя взглядом по изюбрам, я обеспокоенно продолжал шарить вокруг глазами... Да вот же он! Рядом! До жути пугающе, но невыразимо великолепен! Властелин уссурийских дебрей!

Тигр стоял не далее чем в пятнадцати метрах от меня. Стоял боком, но смотрел в мои глаза, тяжело и недовольно опустив голову. Я четко увидел весь затейливый черно-бело-рыжий окрас его головы, янтарные, с прозеленью, пронзительные глаза, разлет жестких белых усов, нервно подрагивающую нижнюю губу, резкие черные ремни полос на рыжих боках, в напряжении извивающийся кончик хвоста... Потом до меня дошел тихий глубокий басовитый рык рассердившегося царственного зверя. Казалось, где-то глубоко-глубоко под землей катанули каменные глыбы, да так, что она задрожала. Я почувствовал слабость в ногах, а сердце забилось будто бы в горле.

Тигр стоял не далее чем в пятнадцати метрах от меня. Стоял боком, но смотрел в мои глаза, тяжело и недовольно опустив голову

Тигр, судя по всему, скрадывал излюбров и встретил меня тоже совсем неожиданно. Возможно, в то самое мгновение, когда и меня что-то остановило. Я срывал охоту могучего зверя, и злился он, конечно, не беспричинно. Я прижался спиной к оказавшемуся рядом старому дуплистому дубу и застыл, пожирая тигра глазами. А тот с величавостью всесильного властелина медленно развернулся и тихо пошел назад в гору. Почему — не знаю. Понял ли, что охота испорчена, или со мною не хотел связываться? Шел бесшумно, покачивая головой, извивая хвост. Время от времени он оглядывался, бросал на меня сердитые взгляды. А я, словно под гипнозом, продолжал смотреть на тигра.

На вершине горы зверь остановился, повернул ко мне гордо поднятую голову и несколько раз отрывисто рывкнул: «унгг-о-оунг-унг». И словно сквозь землю провалился — абсолютно неслышно растворился во влажных лесных тенях.

Давняя быль, а закрою глаза — и вижу этого тигра как бы в двух стоп-кадрах: когда я его только что заметил и когда он сердито рывкал на макушке горы. Забудешь ли такое? Единственную в своем роде фигуру сильного и ловкого хищника с мощно развитой грудью, гибкой спиной и элегантно суховатым задом. Неторопливого в движениях, когда в этом нет надобности, и уверенного в своей мощи. Спокойного и благородно скрывающего под этой внешней невозмутимостью уникальную способность в едва уловимое мгновение взорваться бешеными скоростями и стремительностью, сопряженными с громадной силой... Такое незабываемо. Такое в памяти пожизненно.

Страх

Случилось это в дебрях уссурийской тайги. Лютовала зима с морозами и снегами, а в них привычно шагала моя охотоведческая работа по всевозможным наблюдениям да изучению жизни лесных обитателей, в первую очередь зверей и промысловиков. Зимовья, палатки, лыжи... Ну и охота, конечно же, при удобной возможности... С конца октября они были моими почти каждодневными спутниками, с ними я пришел к тому памятному февралю.

...Ночевал в древнем, давно покинутом староверами доме с бригадой связистов, которые ремонтировали важную телефонную линию. Простившись с ними утром, я встал на лыжи и пошел завершать свой долгий маршрут на экспедиционной базе, где предстояла встреча с коллегами.

Две собаки, бог весть почему постоянно жившие возле того дома, еще с вечера почуяли во мне охотника и теперь, радостно задрвав хвосты и взвизгивая, помчались вперед. Я хотел было вернуть их, потому что не люблю случайного знакомства с песьей породой на лесной тропе, да куда там! Да и связисты успокоили: побегают и вернутся. Ну что же, решил я, пусть разомнутся.

Было уже светло и прохладно, блекло желтели остатки зари, мороз хватал в цепкие клещи сначала лицо, потом руки, затем пробирал тело. Порывами налетал ветер, шумел жесткими дубовыми листьями, неприкаянно метался в кедровых вершинах, шевелил снега. И чем выше в небо вскарабкивалась льдинка солнца, тем сильнее он задувал, будто встречая короткий день своей удалью.

Псы сразу же умчались по своим интересам. Я на это даже внимания не обратил, ведь в начале таежного охотничьего дня собаки от избытка накопленных за ночь сил иногда покидают даже хозяина, как бы преданны ни были ему. словно эта сверхсила, сидящая внутри, мешает им работать спокойно и серьезно.

От дома я прошел по заснеженной, но хорошо видимой тропе не более четырехсот метров, как вдруг увидел мчавшихся ко мне псов. Впереди бежал здоровенный полкан, за ним — некое подобие дворняги. По телосложению и окрасу шерсти были они совершенно разными, это я видел издали, но когда собаки подбежали ближе, сначала с любопытством, а несколькими секундами позже с настороженностью заметил общее для

обоих: уши были плотно прижаты, шерсть по хребту стояла торчком, хвосты же загнулись между ног и улеглись вдоль брюха. Вид чрезвычайно жалкий. Улыбнувшись, я сказал:

— Ну и охотнички. Мотайте-ка до хаты!

Но нет, это я сгоряча отказал в крепости духа моим случайным попутчикам. Рослый, крепкий, лобастый полкан из тех настоящих зверовиков, какие и на медведя хаживают... Присев перед собаками, я начал с ними доверительную беседу, поглаживая рукавицей их морды:

— Кого испугались? Почему так дрожите? Может, пойдём и разберёмся? — полкан ответил поскуливанием, дворняга же нервно глядела в сторону тропы.

— И не стыдно вам, таежникам? Ай-яй-яй! Ну идем же, идем.

На всякий случай я снял с плеча карабин и понес его в руке, внимательно глядя вокруг. Собаки сначала недоуменно взирали на меня, потом замотали головами то в одну, то в другую сторону, как бы решая трудную задачу — куда лучше бежать? Но увидев, что я спокойно пошел вперед, робко пристроились сзади. Наступая на лыжи, они мешали мне идти, я пытался пустить их перед собой, да куда там! На их мордах отчетливо читалось: ни за какие куски наисвежайшего жирного мяса!

А все оказалось просто: на тропе пропечатались свежие следы крупного тигра. Чуть подальше, рядом с лежкой, снег на которой еще не смерзся, виднелась черная «веревка» помета, скрученная из кабаньей шерсти. «Веревка» тоже была мягкой.

Судя по всему, амба был здесь не более получаса назад. И собак, трясущихся теперь у моих ног, не стоило упрекать в трусости, потому что я сам, вооруженный человек, почувствовав, что могучий грозный хищник где-то близко, стал вдруг уж очень серьезным и не расположенным к шутливым разговорам со своими случайными четвероногими попутчиками.

От места лежки следы тигра уходили вперед по тропе. Мелькнула мысль: не лучше ли вернуться назад и отложить переход на день? Но тут же стало стыдно за свою трусость, к тому же на базе меня ждали. И я решительно зашагал вперед, мысленно напевая: «Мне не страшен полосатый суперкот, суперкот...»

Лес просматривался не далее сотни метров. На белом фоне пологого склона горы отчетливо чернели стволы старых дубов, искореженных временем, морозами, тайфунами и сыростью. Серели припудренные снегом кустарники. Разогнавшееся над сопками чуть разогревшееся солнце радостно обливало светом всех и вся. Искрился снег, искрились тигриные следы, и собачьи глаза искрились. Эта искристость подбадривала меня, а

уверенность в себе чуточку усмиряла животный страх в собаках.

Пока лес еще сносно виднелся, я шел спокойно. Без псов, правда, было бы лучше, ибо если тигр и не боится хлипкого двуногого существа, то во всяком случае и не ищет лобовых встреч с ним. А вот при виде собак амба становится дерзким до наглости. Я смотрел на псов, и сложное побуждение раздваивало меня. Чувство самосохранения подсказывало: «Прогони ты их, на что они тебе, чужие и никчемные!» Но этот голос заглушался уважением к собачьему племени, самоотверженному в дружбе с людьми, в бескорыстной услужливости. Вот эти две, например: чужие и почти незнакомые, а как преданно глядят в мои глаза. О чем-то просят. Разве же можно оставить их в беде! А если тигр, сотворив свою классическую петлю, уже позади? А если на наших следах?.. И я зашагал, позвав за собою псов.

На повороте тропы к заснеженному ключу показался мысок дубняка в густой шубе из бурой листвы. Я поглядел на него с опаской, потому что следы тигра ровной цепочкой по тропе уходили в плотное обрамление ключа и исчезали в нем. Мне же волей-неволей приходилось шагать по ним.

Ветер притих, он теперь осторожно ерошил дубовые листья, оставляя в воздухе невидимые следы и полоски сухого шороха. Я повернулся к дубовому мысочку, и стало еще тише: ветерок тянул в его сторону. Собаки глядели туда же, кончики их хвостов дрожали мелко и густо, уши направились, носы лихорадочно гоняли воздух. Мне тоже стало не по себе.

И вдруг там зашумело нечто грузное и вместе с тем легкое. Полкан в ужасе бросился мне под ноги, а меньшая ринулась назад, явно потеряв себя и ошалело взвизгивая. В дубняке то самое грузно-легкое нечто сначала замерло, прислушиваясь, затем невидимо зашумело на прыжках в сторону убегающей собаки.

Конечно же, это тигр, наконец-то обозначивший себя.

Бежать дворняге было трудно, ибо лыжня не выдерживала ее на прыжках, а по снежной целине сучонка увязала по брюхо. Было ясно, что если злыдень устремится за ней, погоня не станет долгой. Я пальнул два раза в воздух, надеясь, что вражина образумится и прекратит эту гонку. Но через несколько томительных минут, после того как собачки не стало видно, донесся ее предсмертный визг.

И все стихло. Мир праху твоему, мой мимолетный знакомец. Посидев несколько минут с папирсой, я все же, пересиливая страх, захотел взглянуть на место трагедии... Собачка успела отбежать не более трех

сотен метров. Судя по следам, вышедшим со стороны ключа на тропу, тигр настигал ее уверенно. Увидев свою смерть в упор, несчастная рванула в сторону от тропы, и кровавая развязка после этого наступила через несколько мгновений.

Взяв в зубы добычу, хищник ушел назад своим следом. А я ругнул себя: «На кой черт так глупо любопытствовать! Судьбу свою пытаться легкомысленно! Куда благоразумнее было бы побыстрее пересечь ключ и поспешить подальше от этого опасного места!»

Зверь, должно быть, решил поймать и другую собаку, а потом уже и съесть обеих, наслаждаясь излюбленным лакомством. Я постоял немного, теперь прислушиваясь к себе, и понял, что страх вошел в меня еще прочнее. Сердце билось учащенно, внимание обострилось до предела, во рту пересохло, руки сжимали карабин. И все же я себя не терял.

Вернулся к тому месту, где услышал тигра, — полкана нет, следы его уходили вперед по тропе. Чувствуя, что грозный хищник, скорее всего, затаился в том дубовом мысочке, метрах в тридцати от тропы на пересечении ключа, я заспешил вниз по склону, но лыжа зацепилась за присыпанную снегом ветку, я упал и порвал ременное крепление. Починка его заняла четверть часа.

Когда я снова заскользил вперед, навстречу ошалело выскочил полкан и все в той же трясушке прижался к моим ногам, озираясь назад. М-да-а... Положеньице...

Держа палец на спусковом крючке, я тихо шел вперед, слушая лес и стук своего сердца. Собака все время наступала на лыжи, я со зла толкнул ее прикладом, она обиженно взвизгнула, отбежала, но тут же вернулась, потому что не хотела повторить участь своей подруги и покорно снесла обиду. Свое спасение она видела во мне.

Но я никак не мог понять, почему она не убегала к дому. Боялась, что по этому снегу будет быстро настигнута полосатой смертью? Тогда почему не умчалась вперед по тропе? Знала, что там для нее спасительного ничего нет? А может, в страхе потеряла рассудок?

На другой стороне ключа росли высокий тальник и спирея, тропа с тигриными следами, затоптанными собачьими, входила туда, как в туннель. Чуть поодаль темнела стена разнолесья, в которой, должно быть, дальше десятка-другого метров ничего не увидишь. Постоял, послушал — все спокойно. Пошел, обернулся — собака не идет. Навострила уши, вперилась взором в этот туннель и стоит как вкопанная.

Опять подумал: не лучше ли повернуть к дому? Но что скажу связистам? И что станут думать на базе, не дождавшись меня к вечеру?

Ведь наверняка утром ринутся в поиск... Я снял рукавицы, приготовился к немедленному выстрелу в любом направлении и вошел в туннель.

Ветки шаркали по мне с обеих сторон, лыжи упирались то в одну кочку, то в другую. Против тигра, окажись он здесь со злым умыслом, я был беспомощным, и страх заледенил меня. На косогоре что-то хрустнуло — кровь остановилась в жилах, и тяжелый ком подкатил к горлу... Вот легонько треснуло что-то уже ближе к ключу... Я заспешил, взобрался на берег и быстро пошел прочь, и тут же заскользил по разнолесью... Когда оно кончилось, а тигриные следы с тропы резко отвернули в сторону, я облегченно вздохнул, вытер вспотевшую голову и вроде бы беспричинно улыбнулся.

А в эти мгновения со стороны ключа донесся треск сминаемого кустарника и душераздирающее «ай-ай-ай»! И тут я услышал глухой шум сильных тяжелых прыжков!.. Конечно же, тигр выследил-таки собаку, выждал удобный миг и бросился на нее... Я поднял карабин... Из чернолесья выскочил полкан и сломя голову понесся по лыжне ко мне. Через несколько секунд за ним вымахал тигр и частыми прыжками стал настигать жертву. Оба неслись ко мне, и оба через несколько секунд могли оказаться рядом.

Впервые я видел так отчетливо тигра в его яростном движении. Хвост был поставлен стрелой вверх, с каждым прыжком он как бы очерчивал им невидимый конус. В прыжке зверь пластался в воздухе, затем опускался на передние лапы, изгибаясь дугой, заносил к ним задние, отталкивался всеми четырьмя и снова взвивался, прогибаясь спиной. Мелькали полосатые бока, спина, белое брюхо. И в каждом его движении была неукротимая целеустремленность. А когда он оказался ближе, я увидел бесконечно хищные глаза и злобно прижатые уши. С каждым прыжком он приближался к собаке, и оба они — ко мне. А я стоял и смотрел. Все понимал, но не знал, что делать.

Когда собака оказалась от меня метрах в пяти, а тигр в пятнадцати, я мигом представил, как через мгновение пес ударит мне в ноги, а еще через одно — три тела смешаются в единый клубок, в котором я пострадаю ни за что ни про что. И только тут я понял, что надо было стрелять раньше, как только амба вылетел из кустов.

Швырнув к плечу приклад, я вцепился мушкой в тигра, наши взгляды встретились, и в его определенно осмысленных, внезапно округлившись глазах, как бы в недоумении и некотором испуге, мне почудилось запоздалое раскаяние хищника. Я бросил мушку вверх, и резкий грохот захлестнул уши, горы, небо.

Пес в последнем прыжке метил мне в ноги, но я успел отскочить и передернул затвор. И в эту секунду желтый ураган проревел совсем рядом и круто завернул в сторону. Мушка уперлась тигру под хвост, мне так захотелось запустить туда пулю, чтоб вышла она из агрессора через пасть, но выстрелил поверху. И еще, еще стрелял я, торжествуя освобождаясь от страха и долгого напряжения...

После четвертого выстрела тигр вскочил на высокий каменистый обрыв, зацепился лапами за его край и закачался, удерживая равновесие. Я снова приладил мушку под хвост, но приспустил ее и выстрелил в карниз обрыва, на котором зверь балансировал.

Вероятно, брызги камня хлестнули по тигриному брюху, потому что зверь рывкнул, свалился вниз и растерянно запрыгал вдоль обрыва. Хвост его теперь не стоял гордым флагом, а волочился по снегу. Да и вообще вид повелителя всего живого в уссурийской тайге потерял горделивость. Загоняя новую обойму в карабин, я удовлетворенно подумал: «Знать, и тебе, царь зверей, не чуждо чувство страха».

...Полкан лежал на спине. Смотрел он на меня неожиданно спокойно, даже равнодушно. Я легонько коснулся его носком ичига, он свалился набок, повернув ко мне глаза. Опустил на его морду горсть снега — он лишь моргнул... Собака получила глубокий нервный срыв, после которого ей было суждено стать пожизненной психической калекой.

Когда я присел и стал закуривать, мои трясущиеся пальцы «заговорили» о пока еще не оставившем меня страхе. В глазах все до сих пор мельтешил тигр, я думал о его невероятной силе и акробатической ловкости, о высоком интеллектуальном уровне и храбрости. И о том еще думал, что и такому могучему совершенству ведом страх...

И мне вдруг не стало стыдно за свои трясущиеся пальцы.

Тигриное презрение

Было время, работал я жарким августом все в тех же знаменитых уссурийских лесах. Древняя охотничья избушка, знакомая мне по прежним с нею свиданиям, чернела под пологом густой уремы неподалеку от речки. И оказалось на этот раз, что обосновалась здесь тигриная семья, густо истоптавшая речные отмели и берега. Она «оседлала» ближние звериные тропы и солонцы, и даже «присвоила» ту самую охотничью избушку. Судя по лежкам, мать укладывалась отдыхать на полу, а два ее уже крупных тигренка — на устланных сухой травой и хвоей нарах. И несколько не задумывались они, очевидно, о том, что в открытую дверь в любую минуту мог заглянуть человек. Или просто не боялись такого случая? Может, загодя знали его исход?

Мне тогда крупно повезло: семья полосатых к моему приходу была где-то в других местах. Разжег я на дворике дымный костер для упреждения нежелательного столкновения, выгреб из жилья траву и прочий хлам и спалил его. Подмел, вымыл кипятком пол, нары и стол, хорошенько проветрил избу, изгоняя стойкий кошачий запах. А на закате солнца для пущей важности выпалил пару раз из ружья в вечернюю тишину и подбросил в костер побольше трухлявых чурок, чтоб дымили и чадили подольше и подальше.

Пробыл я тогда в окрестностях избушки пару недель и многократно убеждался: мои полосатые соседи и не подумывали покидать свой семейный участок, они лишь перестали заходить в занятую хозяином избушку, хотя их свежие следы вокруг нее я находил почти ежедневно.

Однажды я, нагнувшись с котелком к речушке, услышал, как совсем недалеко за спиною глухо лопнула ветка под явно тяжелой лапой, и в нос ударил крепкий тигриный дух. Я, покорный судьбе, втянул голову в плечи, и от жути мой рассудок помутился...

Знал я, что амурский тигр на людей без причин не нападает, хотя всегда опасен, да что может поделать это знание с мощью психического воздействия все сильного владыки уссурийской тайги...

Но занемела поясница, затекли ноги... А оставался я живым... И распрямился... И обернулся... И никого не увидел, не услышал, не учуял... Подумал: «Может быть, показалось?» Пошел, посмотрел и обнаружил всего в десятке шагов только что примятую траву и совсем свежую «колбасу» тигриного «автографа», положенную, наверное, в знак полного

презрения к столь слабому двуногому существу, вся сила которого лишь в оружии.

Потом, успокаиваясь, с крепко стиснутым в руках котелком, я думал: «Каким же трусливым показался я в те мгновения этому полосатому совершенству! Каким глупым и слабым существом, лишенным и зрения, и слуха, и обоняния, а главное — того особого интуитивного чутья, без которого на вольных просторах делать нечего».

Через несколько дней пошел я в недалекий распадок с девственным лесом попытать счастья в поисках женьшеня. Шагаю беспечно звериной тропой, рассматриваю плечистые пышноволосые кедры, этакими могучими атлантами подпирающие знойное небо, красивыми рослыми березами-кариатидами в желтых пушистых чулках и зеленых платьях люблюсь. И мелкую узорчатую поросль папоротников затаенно разглядываю, мечтая заметить в ней ярко-красный кулачок ягод знаменитого корня жизни... Птицы щебечут, бурундуки посвистывают, белки прыгают, гудят комары. Струйки пота стекают со лба, взмокшая рубашка липнет к спине...

Справа, в метрах десяти, увидел черноту громадного шатра вывернутых корней кедра, и только подумал, что сотни четыре лет, или даже пять, посчастливилось прожить патриарху этих джунглей, как рядом с ним в полном безветрии подозрительно вздрогнула елочка-подросток... И еще раз качнулась... Я остановился — и деревцо замерло... Зашагал ускоренно дальше, пребывая в интуитивной уверенности, что совсем рядом прошел мимо тигра...

На обратном пути по этой же тропе вечерним часом усилиями воли и рассудка я скрутил в бараний рог свой страх и осторожно завернул к тому черному шатру корней свалившегося гиганта. Земля под его наклоненным козырьком была густо истоптана свежими следами тигрицы и двух рослых тигрят примерно полугодового возраста. А у той елочки, которая тогда качнулась, оказалась лежка взрослого зверя, явно за мной следившего.

Я живо представил, как затаившаяся здесь мать тигриного семейства внимательно и спокойно на меня взирает, и в ее пронзительных глазах было ко мне одно лишь высокомерное презрение, на что, думаю, оснований у нее было предостаточно.

Как профессионал я знал, что эта тигрица наблюдала за мной без злого умысла, и не столько из любопытства, сколько оберегая детей своих. Следила если и не ежедневно, то, во всяком случае, частенько. Не сомневался я и в том, что, не ведая того, не единожды проходил на расстоянии двух-трех ее возможных молниеносных прыжков, и каждый раз удивлял ее беспечностью, неосторожностью и легкомыслием.

Глядя, как я плетусь по лесу, обходя, а не перепрыгивая, валежины, как опускаюсь на четвереньки на крутом подъеме, как неумело, качаясь и оскальзываясь, перехожу речку, как совершенно беспечно и беззащитно разваливаюсь в траве или в тени дерева на отдых, она наверняка думала, что отпустила меня мать моя, освободив от родительской учебы и опеки, слишком рано, не обучив как следует премудростям самостоятельной таежной жизни.

Думаю, что только из полного пренебрежения ко мне эта тигрица в те часы, пока высматривал я красный кулачок женьшеня в зеленом лесном разливе, еще раз пришла к моей избушке и перед входом в нее оставила свидетельства презрения к моей персоне. А может быть, тем самым и предупредила: мол, способна придавить в любой момент, да строго соблюдает договор о ненападении, чего и от меня требует.

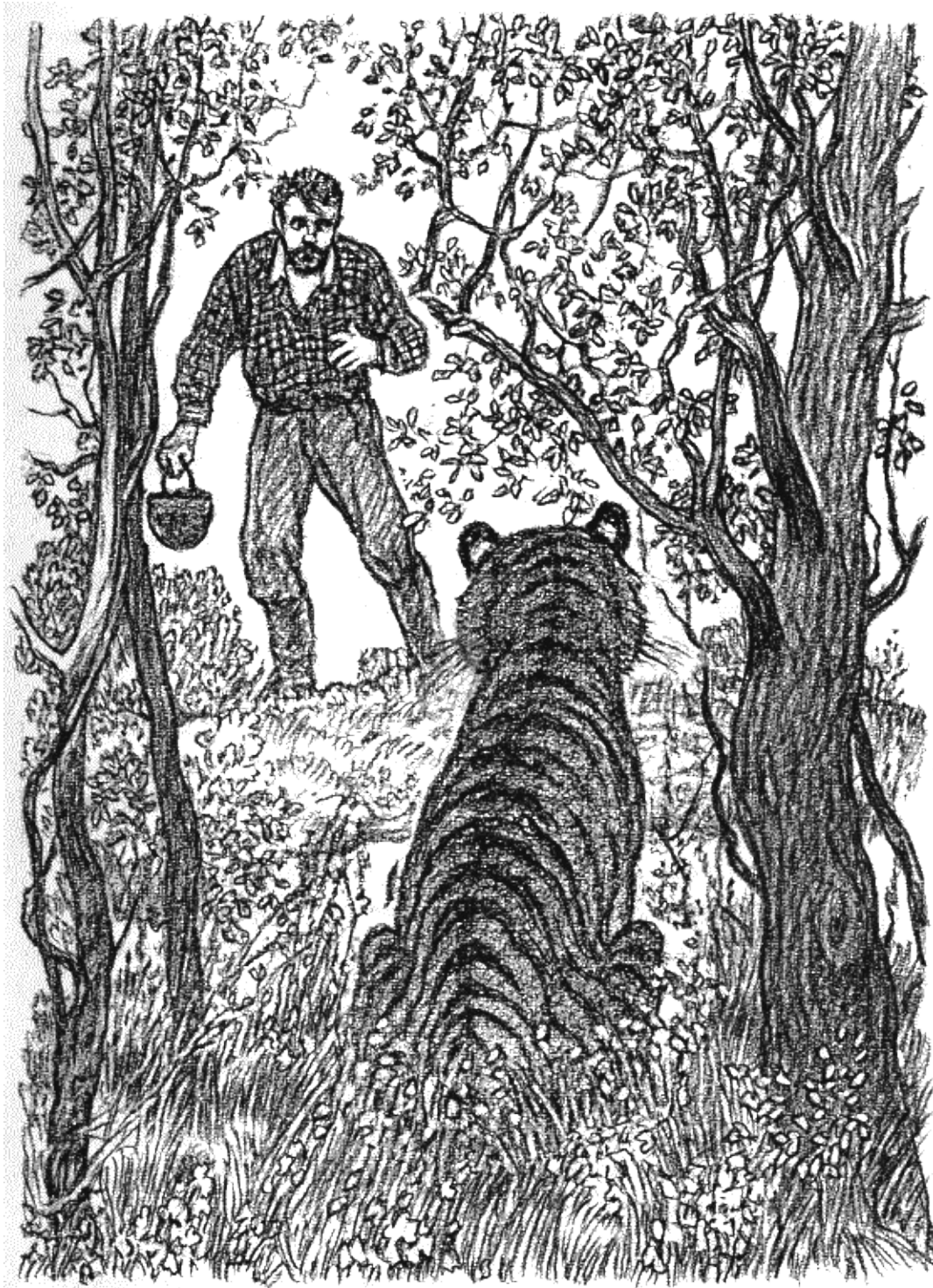
Полосатый забавляется

Мой давний друг Петя Остапенко, геолог по профессии, поведал как-то свою историю о таежном «свидании» с амурским тигром. Она меня не поразила, не удивила и не побудила к сомнениям, но запечатлелась в памяти так крепко, будто я и сейчас слышу голос друга, его спокойный и обстоятельный рассказ.

— Мне надо было взять пробы грунта и воды с большого природного солонца на Бикине. Заночевал я в зимовьюшке, что было в пяти километрах, а на солонец пришел еще до полудня. Побродил вокруг, поудивлялся, как много на него всякого зверя ходит. Представляешь, выеден в земле котлован в человеческий рост и в полгектара площадью. Тропы к нему со всех сторон наторены почти по колено. А следов, свежих и всяких, полным-полно. На окраине поляны, примыкавшей к карьере, была устроена сидьба. На ясене. Толстое такое дерево, площадка из жердей в развилке кроны метрах в двенадцати над землей, а по стволу палки поперечно набиты, чтоб залезать.

По всему видно было, что и промысловый люд на этот солонец ходит, а раз так, должна быть где-нибудь недалеко избушка. Осмотрелся, подумал и решил: будь я охотником, соорудил бы ее вон в том ельнике по ключу, метрах в трехстах. Не поленился сходить туда и действительно нашел там такую полуземлянку, хитро и старательно устроенную в косогоре. Нары, столик, печурка... Оконце в газетную четвертушку. Всякие охотничьи принадлежности развешаны и разбросаны. Котелок, кастрюля, чайник, по паре мисок, ложек и кружек. Сухо, прохладно. А день был жаркий и душный, я вспотел, устал и, понятно, присел отдохнуть, потом прилег и незаметно задремал...

За пробами пошел часа через полтора. Отправился налегке, оставив в избушке и рюкзак, и ружье. После отдыха благостно было на душе и легко. Шагаю по тропе и легкомысленно посвистываю... А когда стал проходить поляну, из-под ветерка справа в нос мне шибанул резкий такой дух, звериный. Привык я к обычным лесным запахам из хвои, смолы, листьев всяких, трав и цветов, а тут... Повернул голову и остолбенел: в каком-нибудь десятке метров, не дальше, сидит по-собачьи тигриная громадина и глазеет на меня с любопытством. У тебя когда-нибудь кровь в жилах леденела? Коленки тряслись? Волосы на голове вставали дыбом? Значит, нет надобности пояснять, что бывает при страхе.

Повернул голову и остолбенел: в каком-нибудь десятке метров, не дальше, сидит по-собачьи тигриная громадина и глазеет на меня с любопытством

Ну, думаю, вот и мой смертный час настал. Все. Хана. И костей не найдут. А тут еще как зевнул этот зверина, как раскрыл пасть свою розовую и клыкастую, как шамкнул челюстями, так сердце мое и замерло, и ноги совсем подкосились. А сам с перепугу о чем попало думаю. Удивляюсь: белый-то какой тигр, скажи кому — засмеют. Это потом я узнал, что у него низ тела белый, а повернут он был ко мне как раз брюхом... Усищи такие жесткие и растопыренные, да вздрагивают, как будто ухмыляется, наглец, над моим страхом.

Но тут я обратил внимание, что моргает зверь спокойно и даже лениво. Значит, думаю, не во зло хищник. Хотел бы задавить меня — уже испустил бы я дух свой. Стало быть, есть у меня серьезные шансы на спасение. И оглянулся вокруг в поисках тех самых шансов.

До ясеня с сидьбой метров двадцать было, вот я к нему и попятился. Тихонечко так. Соображаю, что от хищника бегать опасно. А тигр сразу уловил, что я удирать собрался, и совсем, гад, залюбопытничал, даже пасть приоткрыл от интереса. Видно, тоже впервые ему приходилось разглядывать человека в такой близости... отошел я метров на десять, а он встал — и за мной. словно подкрадывается. Голову ко мне вытянул, шагает медленно и плавно, а то постоит с приподнятой передней лапой, как легавая на стойке, потом опустит ее осторожно, будто на битые бутылки у заброшенных таежных баз. А я все задним ходом... Когда добрался до ясеня — влез на него, как обезьяна, оглядываясь на супостата через плечо. А тот несколькими игривыми прыжками подскочил и наблюдает, как я карабкаюсь. Удивленно так смотрит, дескать, что за невидаль, с чего это двуногий так ретиво по деревьям лазает?

— А скажи-ка, успел бы он тебя ухватить, когда ты на дерево только начал взбираться? — спросил я.

— Запросто. Но это я потом понял. Тигр просто любопытничал. А тогда страх все затмил... Забрался я на сидьбу, отдышался, лег на живот и смотрю сверху. А зверь постоял, обошел дерево вокруг, не спуская с меня глаз, и опять сел по-собачьи. А через несколько минут лег, поглядывая на меня: вроде бы сторожить собрался. Сверху-то он рыжим-прерыжим оказался, в черных поперечинах. Хвост до половины тоже рыжий, а дальше — белеет, и черные кольца по нему. Им он небрежно пошевеливает, в основном самым концом, который, как живой уголек, в зеленой траве играет...

Спокойно полежав, вальяжно распластав зад и вытянув передние лапы, полосатый опустил голову на них и вроде задремал: видать, надоело ему

забавляться. Однако стоило мне пошевелиться, как он поднимал башку свою и сверлил меня взглядом. Ну, думаю, тут мне и околевать.

Но через час тигр, похоже, стал и в самом деле терять ко мне интерес. Сел, начал облизываться и умываться — ну точь-в-точь как домашняя кошка. Отошел метров на пять, прилег и принялся внимательно слушать лесные шорохи и звуки да на солонец поглядывать. Но и на меня нет-нет да зыркнет. Потом он что-то учуял и начал подкрадываться к карьеру. Ну прямо как в кино. Видеть, как тигр крадется, это же удивительно! Однако как вспомнишь, что он держит тебя в осаде, снова страх обурекает. Нет-нет да подумаю: дальше-то что делать? Солнце уже всю катит под уклон. Спасение свое я видел в избушке, где оставил ружье, но ведь до нее триста метров... Когда-то я стометровку пробежал за двенадцать секунд, а четырехста — за минуту с хвостиком. Но таежная тропа — не стадион, а тигр, я это знал, — как молния.

Когда он прилег на краю солонцового карьера и все свое внимание сосредоточил на нем, я решился — будь что будет! — бежать к избушке. Но стоило мне заскрипеть жердями, как зверь обернулся и привстал. Я опять лег, чуть не плача. А вражина, как назло, возвратился и снова устроился под моим ясенем. Сперва задремал, положив голову на лапы, потом позевал и завалился на бок. Уже в дреме повернулся на спину и дрыхнет кверху пузом, полусогнутые лапы над мордой сложил... Видно, самец это был, в расцвете лет, большущий. Наверняка центнера на три потянул бы. И жутко красивый!

К вечеру солнце начало краснеть, и мой «друг» изволил проснуться. Потянулся, зевнул, умылся на кошачий манер, уже лишь изредка и равнодушно поглядывая на меня. Потом встал и твердым шагом пошел к ключу — пить, должно быть, захотел. И только он скрылся в кустах, я стал быстро спускаться, поглядывая в сторону тигра. Коснувшись земли и убедившись, что его не видно, я тихо, но быстро, ступая на носки, двинулся по тропе, а метров через пятьдесят бросился во весь дух. Оленем прыгаю через валежины, едва успеваю увертываться от сучков... Никогда так не бегал ни до, ни после тех незабываемых событий.

...До избушки оставалось не более сотни метров, как услышал за собой погоню. Чую, что настигает меня тигр, но ходу не сбавляю. В те секунды я вообще уже ни о чем не думал, потому что был в полной власти ужаса. Уже догнал меня полосатый, забежал сбоку и мчит, гад, рядом. Мчит легко и мягко, словно играючи. Метрах в трех — пяти скачет пружинистыми прыжками, да еще ухает и фыркает, приоткрыв пасть и приподняв хвост дугой.

Опомнился я, когда захлопнул за собой дверь избушки. Отдышавшись, зарядил двустволку пулевыми патронами. Ну, думаю в сердцах, пришел мой час расплаты с тобой, вражина! Выглянул в щелку, а он сидит рядом и с любопытством на дверь поглядывает. И тут я подумал: он мог придавить меня раз сто, зачем же в него стрелять? Достаточно отплатить страхом за страх. И, приоткрыв дверь, я жахнул над тигром дуплетом. Пока гром выстрелов катался эхом по горам и утихал за горизонтом, зверя было уже не видно и не слышно. Но я еще раз выстрелил ему вдогонку, стыдя и предупреждая... Потом выпил несколько кружек воды, и мне неодолимо захотелось спать. Лежал я на нарах в сумерках, всю ночь вертелся, но заснуть так и не смог. Открыты ли были глаза, закрыты ли, а все одно в них стоял тигр... Да и теперь, хотя прошло много времени, вижу его. И это на всю жизнь...

В тигриных владениях

Мой коллега по экспедиции опытный охотовед Юрий Зубков дал мне как-то почитать свой дневник, в котором в числе прочего были и краткие описания нескольких его встреч с тигром. Я уточнил обстоятельства заинтересовавших меня событий и получил разрешение переложить их на бумагу своим языком. И вот каким получилось одно из них.

23 июня. Ходил попантовать на природные солонцы в истоках Соболиного ключа. Остановился в зимовье в километре от них. В первый день припозднился, вышел к засидке чуть выше солонца уже при заре и следить вокруг не стал.

Засидка старая, из четырех толстых венцов, плотно подогнанных и срубленных в замок. Крыша — из расколотых бревен, надежно прибитых. Бойница окантована войлоком. Лаз сзади прикрывается толстенной плахой, передвигающейся в пазах. На полу ворох травы и лапника... Все устроено со знанием дела, с расчетом на защиту от грабительского интереса медведей. Внутри можно лежать или сидеть на корточках.

Устроился, осмотрелся из бойницы, прикинул, что и как делать при подходе на солонец пантача. Однако было еще довольно светло, и я прилег, обдумывая вечную промысловую проблему: придет добыча или и на этот раз не будет форта...

И вдруг услышал шумные вздохи явно крупного зверя у самых щелей закрытого лаза. Стукнула и скрипнула плаха... Что-то тяжелое взметнулось сзади на крышу и, потоптавшись на ней, прыгнуло вперед... и я увидел в бойницу сначала задние ноги тигра. Потом грозный «гость» развернулся легким махом и заглянул... мне в глаза. Мы смотрели друг на друга с расстояния не более тридцати — сорока сантиметров...

Ужас вытеснил из меня все и почти парализовал. Я видел, как тигр положил на бойницу лапу и протянул ее ко мне. Но щель оказалась узкой и пропустила лишь тигриную «ладонь»... Я обалдело глядел на широко растопыренные, что-то ищущие «пальцы» с выпущенными, напружиненными серпами громадных белых когтей. Зацепившись ими за край нижнего бревна, зверь сильно потянул его наружу, оно заскрипело, что-то в нем треснуло... Покачнулся весь сруб... Но выдюжил. Лапа из бойницы выскользнула, разорвав войлок, и вместо нее втиснулось такое утробное рычание, что некая сила бросила меня в дальний угол засидки.

Упершись руками в пол, я вдруг ощутил холод стали, и только тут до

меня дошло, что со мною надежный драгунский карабин. Схватил его, клацнул затвором... Но тигр уже сопел со стороны моего угла, и нос его был не дальше тех же тридцати — сорока сантиметров. Поторкался в «дверь», поскреб по ней когтями, зло рыкнул несколько раз. Приподнялся передними лапами на угол сруба как раз над моей головой и так тряхнул укрывавшее меня строение, что с потолка посыпался всякий мусор, тяжело вскрикнули замки пазов и коротко вздрогнула крыша.

Неожиданно все стихло... Нудно звенели комары, неподалеку спокойно лепетал ручей, высоко в небе деловито прогудел самолет. Сердце мое стучало в затылок, в виски и кончики пальцев. К горлу подкатило что-то чужое...

Успокоение пришло через час. Посветил через бойницу в плотно загустившиеся сумерки лучом фонаря — солонец был пуст. Приоткрыл лаз и в него посветил, но в потоке света лишь плавилась всякая зелень. Вылез, обошел вокруг засидки, увидел совершенно свежие тигриные следы и понял, что на солонце мне делать нечего, по крайней мере, в эту ночь. Ее я скоротал в своем укрытии. Дремал одним ухом и одним полушарием мозга. И раз за разом обдумывал случившееся. Во веки веков незабываемое. Впрочем, так можно сказать о любой встрече с тигром.

24 июня. Поднялся чуть свет осмотреть солонец. Увидел густое переплетение изюбриных следов, косульих и тигриных. «Кот» был крупный и, судя по всему, хаживал сюда частенько. Нашел обглоданный череп изюбра с целыми великолепными рогами и прихватил их.

Вот так, достаточно осторожно прохаживаясь вокруг солонца, я все-таки... едва не наступил на тигра. Он спал под елью, головой ко мне, положив ее щекой на вытянутые вперед лапы, и было до той головы не далее трех метров. Я увидел его белесые усы и ресницы, розоватую мочку носа, ухоженные бакенбарды настоящего джентльмена.

На этот раз я держал себя в руках, в них в тот момент был большой череп с развесистыми рогами, а за плечом — карабин. Но только сделал шаг, как предательски хрустнула под ногами ветка. Тигр неспешно поднял голову, однако, увидев меня на расстоянии полпрыжка, резко вскочил, рявкнул, мгновенно напряжился в решительном и несомненном намерении броситься на меня...

Я закричал во всю силу горла, швырнул в зверя рогатым черепом, как мог высоко подпрыгнул, широко разбросав руки и расставив ноги... Тигр уже не мог удержаться от прыжка, но, очевидно, я его все же если и не напугал, то во всяком случае «предупредил», что за последствия не ручаюсь. И он, взметнувшись во всю мощь, перепрыгнул через меня. За ту

единственную секунду, которая понадобилась мне для того, чтобы сдернуть с плеча карабин, оттянуть пуговку затвора и обернуться, он уже невидимо шумел в плотной зелени кустарника.

А на пути к засидке — в сотне метров от нее — я наткнулся на полусъеденную, уже попахивающую тушу здорового быка. Панты его были обглоданы по самые венчики. Мне стало ясно, почему так ревностно заинтересовался моей персоной этот тигр, когда я появился подозрительно близко от его кровной добычи. Я оказался в его владениях.

И еще я понял, что был сегодня совсем рядом с несчастьем, а миновало оно потому, что в критический миг кто-то стремительно и властно вмешался в мои действия, заставив закричать во всю мощь, бросить в грозного врага рогатый череп и высоко подпрыгнуть, разбросав руки и ноги вширь...

Думается мне, что точно так же поступил бы в подобной ситуации наш едва поднявшийся с четверенек очень далекий предок. Значит, он до сих пор живет и во мне, давая о себе знать в такие вот критические мгновения, когда разум растерян. И даже бессилён...

На таежной тропе

Я был хорошо знаком с талантливым зоологом Анатолием Григорьевичем Юдаковым. Познавая таинства жизни амурского тигра, он трагически погиб «при исполнении служебных обязанностей» в свои еще не вызревшие годы.

Поболее тридцати лет прошло с того скорбного дня. Однако память то и дело высвечивает мои встречи с Анатолием, долгие беседы о разном, но более всего о жизни уссурийских зверей, и особенно часто — о тигре. Иной раз я так отчетливо вижу своего друга, слышу сердцем, что не верится в его небытие.

А недавно, листая старые полевые дневники, натолкнулся на свои беглые записи рассказа Толи Юдакова о том, как столкнулся он с тигром на трудной таежной тропе почти нос к носу. Уместились они на единственной страничке. Читал я их, а вроде бы слышал все получасовое повествование — спокойное, обстоятельное, немного ироничное.

— Весна была в разгаре, шпарило уже горячее солнце, днем снег разогревался и промокал на всю свою толщину, — рассказывал Анатолий, устроившись возле жарко горевшего костра и подправляя длинным прутом головешки. — Наст надежно выдерживал лыжи лишь ночами да утром не далее десяти часов, но на лесных проселочных дорогах и солнцепеках снег во многих местах уже сошел. И я сдвинул свои походы на раннее время, выходя из зимовья чуть свет, с расчетом добраться до тигриных набродов до восхода солнца. У меня было достаточно времени, чтобы вдоволь побегать на лыжах по крепкому насту. А вот возвращался в избушку с трудом: пробираясь по вытаявшим полянам да кое-где по очистившимся дорогам, месил ногами тяжелый мокрый снег...

Толя полистал свой дневник, подумал о чем-то, улыбнулся, мягко потерял нос...

— Девятого апреля это было. За полдень уже. Брел я в хату, мечтал о чае и нарах, подумывал о том, что хочешь не хочешь, а срок выходить из тайги подошел. И неожиданно увидел ну совсем свеженькие следы тигра! От моих ног вверх уходил вытаявший склон, прямо над ним каркало воронье, облепив дубы. Спокойно каркало, даже лениво, словно ждало своей очереди потрапезничать на чужой добыче... Постоял, прислушался. Почудилось, будто под воронами живой опасный зверь. Снял и положил на лыжи увесистый рюкзак с кинофотопричиндалами, надеясь сходить на

разведку налегке. И только шагнул пару раз, как услышал шум тяжелых, но резких и сильных прыжков. Остановился, пригляделся... И увидел в полусотне метров затаившегося за деревом тигра. Надо же, — ругнул себя, — не взять фотоаппарат с телевиком. Какой бы кадр можно было сделать — амба в потоке света надеется спрятаться от человека за дубовым стволом! Но не все еще, думаю, потеряно! И медленно попятился к рюкзаку, не спуская с полосатого глаз. И опустил-то их всего на несколько секунд... А поднял — нет моего зверя. И никакого шума. Будто призрак привиделся и растаял. Но следы-то! Вот же они! Разобрался в них. Оказывается, то была моя старая знакомая. Хозяйкой ее прозвал еще с осени. Тигренка водила.

Видимо, доглядывали они изюбра. А накануне навещался сюда ее друг — Хозяин. Его я тоже признал по следам. Подпустила же меня Хозяюшка всего-то на полтора десятка метров. Тоже, должно быть, признала меня, когда тропил ее не раз. Затаилась в надежде, что не замечу...

Отсветы огня из костра крошечными сполохами метались по лицу рассказчика. Вызрело звездное небо, тайга уснула. Тишину нарушало лишь потрескивание дров...

— Посидел, попереживал, а только и оставалось мне, как шагать к избушке, — заговорил, разобравшись в памяти, Толя. — По дороге идти было сносно, а потом, когда она кончилась, пришлось двинуться на штурм оставшихся до избы трех километров по целине. Настоящая мука! В раскисшем снегу лыжи глубоко проваливались, на них налипали тяжелые глыбы. А без них увязал в сугробах почти по пояс... Выдохся и решил оставить рюкзак с карабином на приметном месте и идти налегке, а завтра вернуться и сходить еще раз к месту встречи с Хозяйкой. Полюбопытствовать, чем она займется ночью... Выбрался в долину ключа, вроде бы легче стало передвигаться. Поднялся на террасу и... увидел свежие следы крупного тигра-самца. Он только что шел мне навстречу, но, заслышав человека, повернул обратно — туда же, куда я шагал. Мне ничего не оставалось, как идти вперед... Быстро смеркалось, а в моих руках всего лишь топорик. Смотрю, да тут и другие следы — тигрицы с малышом... М-да-а. А идти все труднее и труднее, снег сверху стал подмерзать, но еще не держал, корка мешала... То на ключ поверну, то на заснеженную тропу выберусь, то на терраску вскарабкаюсь. И куда ни пойду, обливаясь потом, везде свежие тигриные следы. А как стемнело, рычать стал Хозяин. Потом я разобрался, что это был именно он. Совсем близко двигался возле меня. Как бы конвоировал. То впереди рывкнет, то чуть сбоку. Следит, пугает.

Мстит, видно, за то, что немало ходил я по его следам. А напасть или не решается, или умышленно не желает.

— Страшно было? — спросил я.

— Ну а как же! Да и кто бы не испугался? Ночь, тайга, бездорожье, а рядом — тигр. Что ему задавить человека — пустяк! И ведь он все видит в темноте, а я почти слепой, безоружный, снегом скованный... Страха не ведают лишь безумцы. Я знаком с этим чувством с детства еще, но всегда при этом держу себя в руках, не даю воли панике. Успокаиваю себя и стыжу, убеждаю, что не так страшен черт, как... Ну да ладно, вернемся к делу.

Пробираюсь все же вперед, громко покашливаю, топориком по лыжам стучу. А он мне отвечает рыком. И так — два километра до зимовья. Полтора часа в борьбе со снегом и ужасом.... Разве их забудешь! С тех пор с карабином не расстаюсь.

Я пошел было к речке, решив, что тем и закончилась эта история. Но Юдаков остановил меня:

— Постой! Думаешь, про страх тебе рассказываю? Не-ет! Главное — впереди. Оно было на другой день... Всю ночь глядел в потолок и заново переживал раз за разом вечернее потрясение. Был уверен, что испытывавший мои нервы тигр, а он наверняка чувствовал при этом мой страх и злорадствовал, оставался поблизости. Надеялся, наверное, что помру от ужаса... Чтобы побезопаснее добраться до спасительного карабина, я решил выйти в полдень, когда всякий порядочный тигр блаженствует во сне... И все же нутром чувствовал: новая встреча неизбежна. Молил Бога, чтобы произошла она после того, как доберусь до карабина.

Ярко полыхало солнце, снег плыл. Выбирая места почище, я напряженно всматривался в каждый подозрительный куст, пень или пучок травы, прислушивался ко всем скрипам и шорохам. И все гнал, гнал себя вперед, подсчитывая, сколько еще до оружия. Скрутил себя всей волей, что находилась во мне. И все же увидел его неожиданно, вблизи, во весь рост. Во всей красе и мощи. Он стоял чуть в стороне от раскисшей дороги, на которую я выбрался. Всего в двух километрах от карабина встретились-таки... Стоял зверина на бесснежной, обращенной ко мне возвышенности. Застыл в напряженной позе, вперив в меня взгляд... Он был как туго взведенная мощная пружина, готовая в мгновение распрямить всю свою силу, и совсем не исключалось, что именно на меня. Ему достаточно было двух секунд, чтобы достать меня, и еще миг, чтобы вытряхнуть мою душу... Тем более он хорошо понимал, что я безоружен.

— Но ведь сам же говорил и писал, что наш тигр на людей не нападает, — сказал я осторожно.

— Не нападает. Но кто станет спорить, что он все равно был и остается опаснейшим для нас хищником! И вовсе не исключал я в те секунды бросок на себя. Быть может, спасло меня то, что принял я, пожалуй, единственно верное, спасительное решение: ничем не выдавать, что вижу его. Я шел в прежнем темпе, чуть кося при этом на него взглядом. Шел, приближаясь к нему, медленно нащупав рукоятку ножа. Для некоторого успокоения, что ли. Видел тигра и всего сразу, и по частям. Боковым зрением. Мог пересчитать усы. Заметил, как чуть вздрагивает нижняя губа и вертится черный кончик хвоста, как то расширяется черный зрачок во весь его глаз, то узко встает поперек...

— А ведь черный зрачок во весь глаз — свидетельство самых агрессивных намерений зверя, — зачем-то вставил я.

Анатолий это знал.

— Да, самых агрессивных. В том и дело. Можешь представить мое самочувствие?

— Выходит, пока ты был в избе, он шестнадцать часов ждал встречи с тобою?

— Выходит. И я не ошибся в своих предчувствиях... Шагаю, тоже напряжинившись. Но вот он рядом... Уже прохожу его... Уже не вижу и краем глаза, но голову не поворачиваю... Это были самые тяжкие секунды... Обдало тигриным духом... Молюсь, чтобы не застыла кровь, не лопнуло сердце, не скрипнули зубы, не вырвался крик. И слушаю, слушаю. Но слышу лишь гулкие взрывы сердца и чавканье ичигов в мокром снегу. И еще чувствую, что немеют пальцы на раскалившейся рукоятке ножа. Но никаких звуков со стороны супостата... И растаял его дух... Автоматически считаю шаги. Когда счет перевалил за сотню и дорога повернула за пригорок, пошел чуть быстрее. И еще чуть. Наступил черед о карабине думать больше, чем о тигре. А когда через двадцать минут взял его в руки — по телу крупно пошла дрожь и во мне все смешалось: радость и злость, отчаянье и ликование. Страх выходил. Я почти бегом заспешил назад, к тигру, жаждая встречи с ним на равных и — реванша.

— Неужели застрелить хотел? — спросил я полушутливо.

— Зачем же. Однако отомстить страхом за страх да проучить стоило бы. Чтобы впредь почтительнее относился... Но тот почти роковой пригорок оказался опустевшим. Лишь лежки с протаявшей землей говорили о том, что караулил меня зверь все шестнадцать часов. А ушел в сопки, когда услышал из-за взлобка мой решительный и скорый обратный

шаг и почувствовал во мне опасную для себя силу. Благоразумие всегда украшало джигитов.

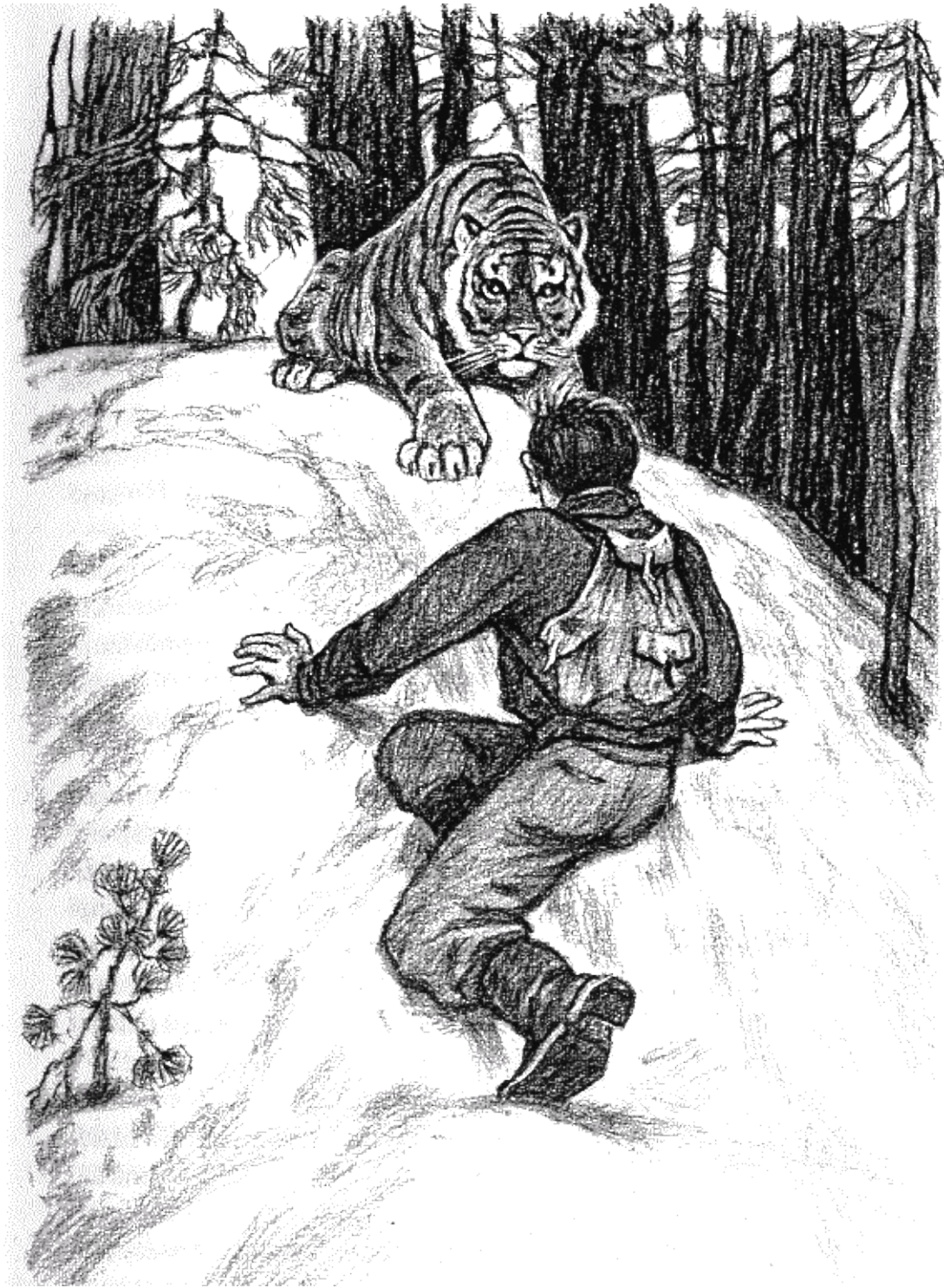
...Вот и теперь я вроде бы вижу и слышу Толю Юдакова, хотя прошло уже много лет, как его не стало.

Память, память... Что значила бы наша жизнь без нее?

Глаза в глаза

Уж сотни раз подтверждена истина, ставшая аксиомой: всякая встреча с тигром, когда он в своем доме, опасна. Разве можно предугадать, как поведет себя сильный, смелый зверь с врожденными повадками владыки и тирана? И сколько же в подтверждение этого написано! Но вот произошло такое, что не укладывается в какие-либо представления о полосатом хозяине тайги.

Случилось это ранней весной 1987 года на юге Приморья. Молодой зоолог Виктор Коркишко в одиночку разбирался в рысьих следах на снегу. Неожиданно он услышал треск, а в следующее мгновение увидел крупного взрослого тигра, застывшего всего в десятке метров. Пару раз приглушенно рыкнув, оголив для острастки пасть, хищник с явно агрессивными намерениями быстрым шагом направился к человеку.

Неожиданно он услышал треск, а в следующее мгновение увидел крупного взрослого тигра, застывшего всего в десятке метров

А тому, совершенно безоружному, только и оставалось, что решительно замахать руками да громким, хотя и в меру спокойным голосом просить его удалиться от греха подальше: «Уходи отсюда... Тебе здесь делать нечего, я ничего плохого не затевал...» И еще кое-что более резкое, для печати неприемлемое, добавил.

Разумеется, Виктор не мог в этой ситуации не испугаться, но уже тот факт, что он не бросился в панике прочь и не потерял контроль над собой, говорит о его крепком и смелом характере. И все же, не уловив в голосе человека страха, не побудив его к бегству, зверь подошел к нему на расстояние уверенного прыжка — всего пять метров! Ничто не разделяло почти безоружного молодого человека и профессионального убийцу!

Вряд ли теперь можно ответить на вопрос, почему хищник не бросился на парня. Испугался? Исключено. Имел ли цель напасть? Скорее всего, нет. При этом намерении он подкрался бы к жертве и убил ее одним ударом, так что несчастный заметил бы врага лишь в свое последнее мгновение... Возможно, полосатый просто забавлялся? Есть ведь у тигра склонность пошутить над своим извечным недругом, поиздеваться. Но вернемся на место той драматической встречи.

...Запредельным усилением воли Виктор взял себя в руки и принялся говорить с грозным зверем еще спокойнее: «Киса, ты же умница... Большая, красивая, могучая, зачем тебе меня трогать?.. Мало, что ли, изюбров да кабанов? Или медведей? Давай разойдемся по своим делам, не бери грех на душу, отпусти...»

Теперь и тигр стал заметно спокойнее, словно внял просьбе человека. Воспользовавшись этим, Виктор попытался отойти в сторону. Но только зашелестели под его ногами подтаявшие листья, как «киса» резко повернулась и начала обходить его снизу по склону. Парню только и оставалось, что продолжить спокойный разговор и все время держаться к хищнику лицом, ни в коем случае не показывая спину. Тигр вновь остановился.

Виктору неудержимо захотелось закурить и, возможно, запахом дыма отпугнуть опаснейшего неприятеля. Но медленно извлеченный из кармана коробок оказался без спичек. Стал было снимать с плеч рюкзак, в кармашке которого имелись запасные, но этим возмутил тигра. Тот сделал к человеку несколько решительных шагов, низко наклонив голову и приоткрыв пасть, опять-таки стараясь зайти со спины и скрыться с человеческих глаз. Но зоолог все время поворачивался к нему лицом, пытаясь умиротворяющим голосом образумить зверя, удержать от последнего прыжка.

Он все же снял рюкзак, но под его ногою хрустнула ветка, и явно занервничавший амба оказался от него всего в двух метрах... Но затем успокоился, чуток попятился, стал зевать, во всю ширь раскрывая пасть, вроде бы безразлично поглядывая по сторонам. Однако стоило человеку попятиться, как он снова заволновался. Виктор кинул зверю шапку, тот посмотрел на нее, понюхал, жамкнул во рту и выбросил.

Медленно отступая, Коркишко поскользнулся на крутом склоне и упал. А тигр моментально присел и изготовился для прыжка. Шерсть его вздыбилась, хвост недобро извивался. Но упавший успел вскочить! И хищник медленно приподнялся... Шагнул к человеку раз, другой... Еще... И застыл всего в метре... Между ними был лишь полупустой рюкзак, который Виктор держал в руках перед собою как последнюю надежду на спасение.

Он видел в упор тигриную голову, блестящую и гладкую рыжину лба с четко прорисованными на ней черными «иероглифами». Даже мокрое пятно на нижней губе рассмотрел. И пронзительно яркие желто-зеленые глаза...

И без того до предела напряженная обстановка продолжала накаляться. Пристально глядя человеку в глаза, снова опуская голову и угрожающе вытягивая ее над землей, тигр сделал еще один шаг и стал... медленно протягивать лапу с выпущенными «лезвиями» когтей к ноге своей жертвы, приблизив к ней подрагивающий нос с влажными ноздрями всего на какие-то полметра... Думаю, в девяноста девяти подобных случаях из ста у других людей, оказавшихся в положении Виктора Коркишко, развязка вполне могла быть трагической.

Читателю непросто представить, как это страшно — видеть совсем рядом могучего дикого хищника, способного убить и растерзать в считанные секунды. А вокруг — безлюдные тайга и горы. Мало сказать, что здесь проявились беспримерная воля, выдержка и отвага, но еще и таинственный психологический феномен, в котором и сам Виктор не разобрался. Вполне возможно, его спасло НЕЧТО вроде фантомного двойника, которого мы носим в себе пожизненно. Этакого мыслящего астрального мозга... Или бессмертной души? Или подсознания с мудрым инстинктом самосохранения и опытом предков, умеющего в погибельные секунды действовать единственно верно и решительно?

...Он все так же глядел в глаза тигра и продолжал его убеждать прекратить забаву. Зверь наконец вроде бы внял его бессвязной речи, отвел глаза в сторону, обнюхал рюкзак, даже потер о него морду... И отступил на шаг. Потом прилег. А солнце тем временем село, и начало быстро темнеть.

Ночью же человек почти слепнет, а тигр видит прекрасно. Уходить надо было любой ценой.

Но стоило Виктору снова попятиться, как тигр тут же встал и сделал шаг в его сторону. Когда он опять поскользнулся, но быстро вскочил, тигриная голова была в метре, причем на одном уровне, потому что полосатый находился выше его по склону горы. Что же делать, не бросить ли вражине рюкзак? Нет, лучше то, что в нем. Достал и кинул веревку — тигр ее обнюхал, взял в пасть и принялся старательно жевать, откусывая куски. Это его отвлекло, и он отпустил человека на пять-шесть метров. А вот меховая «душегрейка» заинтересовала зверя куда сильнее: взял ее в пасть и отошел в сторону. И пока он ее азартно теребил и рвал, Коркишко успел отойти метров на пятнадцать, приготовив тем временем меховые варежки и шерстяной шарф.

Разделавшись с «душегрейкой», тигр снова догнал человека, опять приблизившись к нему. Склон в том месте оказался особенно крутым. В безвыходном положении Коркишко соскользнул немного ниже, а тигр тотчас же прыгнул на то место, где он только что стоял. Виктор повернулся к преследователю лицом и машинально выставил перед собой рюкзак...

Ужаснейший миг. Самый страшный в этом долгом потоке страха. Но мало этого, зверь медленно заскользил в сторону человека, не удерживаясь на крутяке, и Виктору оставалось единственное — еще немного отступить. И все же тигр скатился почти к его ногам.

И вот так, шаг за шагом, уже в густых сумерках, человек и зверь оказались на ровном месте. И здесь в поведении тигра появились новые агрессивные устремления: он демонстративно скрадывал свою жертву на дистанцию уверенного прыжка. Затаивался, затем шел на полусогнутых лапах, низко пригнувшись к земле, то и дело припадая к ней.

Но неподалеку от речки он неожиданно отстал метров на двадцать, потом и вовсе исчез из виду. Виктор на радостях устремился к ней... Однако тигр вновь оказался в пяти шагах. Правда, через речку за человеком не пошел. Высоко подняв голову, он смотрел на него. Быть может, раздумывал над очередным туром своей жестокой забавы? Но в эти секунды донесся быстро приближающийся рев снегохода: обеспокоенный друг Коркишко мчался на розыски своего подозрительно припозднившегося спутника по таежным зоологическим скитаниям.

...Вдумаешься в смысл этого совершенно необычного происшествия и невольно усомнишься: могло ли случиться такое? Но ведь случилось. На другой день несколько человек тщательно обследовали место той единственной в своем роде драмы и по следам на снегу бесспорно

установили: все произошло именно так, как рассказал Виктор. И еще выяснилось, что тигр был сыт: незадолго перед «игрой» он съел почти целую косулю.

А если бы он голоден был?

Однажды на многолюдном совещании по проблемам тигра я наблюдал за Коркишко, слушал его спокойное, рассудительное выступление. А в перерыве спросил:

— Так все и было, Виктор, во время той встречи с тигром? Глаза в глаза?

— Так и было, — ответил он, улыбнувшись удивительно открыто.

В осаде

На бурной горно-таежной реке это было, на Сихотэ-Алине, летом. Поднимались мы против течения на лодке с проводником-мотористом Изотом Ивановичем — шестидесятилетним крепышом. Однажды прихватили нас врасплох проливные дожди. Мы хотели было пересидеть их в палатке, но за сутки сами насквозь промокли и промочили все свое имущество. А с неба все било как свинцовой дробью, барабанило по скатам палатки, стучало по листьям, густо рябило воду. Мрачные, темные лохмотья туч опускались все ниже, и дальше полукилометра уже ничего не было видно. Утратив всякую надежду хотя бы немного обсушиться около палатки, мы быстро свернули наш табор, погрузились в лодку и устремились под потоками дождя к ближайшей охотничьей избушке, до которой было около тридцати километров.

Там стало легче: обсушились, обогрелись. А дождь все лил и лил, словно разверзлись хляби небесные, и ничего в этом мире кроме дождя не осталось.

К ночи мы стали было успокаиваться, как вдруг прямо над нашей избушкой совсем низко ослепительно вспыхнула молния, бросив в оконце и дверные щели яркие потоки света. Тут же оглушающе и раскатисто ахнуло, да так, что стены вздрогнули, печь пыхнула дымом, и чайник на ней зазвенел. Мы вскочили с нар и застыли, соображая, что к чему. А над крышей загрохотало еще сильнее, окно засинело мигающим электричеством, запахло гарью... Но вскоре грозовые тучи укатили за сопки, мы слушали их отголоски и посмеивались над своим испугом. А потом Изот Иванович угнездился на нарах поудобнее, приподнял на локте голову над подушкой и заговорил:

— Это разве страх! Вот расскажу я тебе, Серега, как можно совсем от него обмереть... Начал я как-то промышлять норку да колонка еще по первоснежью. А для удобства на берегу речной протоки разбросил палатку — маленькую такую, двухместную, в рост не подняться. Лежанка внутри, печка да угол для всякого барахла. Ночевки в ней устраивал на длинном переходе...

Припоминая события, мой спутник долго смотрел на беспрестанно мечущийся лепесток свечного огонька, наконец заскорюзлыми пальцами смахнул с него обгоревшую нитку, свесил с лежанки ноги и продолжил:

— Я еще по чернотропу приметил, что ходит по моим тропам тигра.

Ну и ходи себе, соображаю, ты меня не трогаешь, и я на тебя не покушусь. Ан нет, начала она нарушать таежные правила: сначала приманку стала вынимать из ловушек, потом енота в ней слопала, колонков принялась красть. Чую, промышляем мы с ней на одном участке, а чей он — не поймешь. Она-то, конечно, считала, что тайга ее, я же воровски влез в чужие владения. А тигры очень такое не любят, сердятся. Другой раз спиною чую, что глядит на меня полосатая, а обернусь — не вижу...

Перед ноябрем погода испортилась и враз похолодало. Вечер застал меня в палатке у протоки. Натаскал я дров, пошел с ведерком за водой. А снег повалил так густо, что на пять саженей вперед не видать. Иду по тропе, снегу на ней уже в два пальца. Да так спешил, что аж когда ведерко опустил в воду, соображать стал: а кто же передо мной по той тропе протопал и наследил? Чутьем насторожился, нутром почуял: что-то не так и не то... Иду назад, озираюсь и вижу: стоит тигра около тропы, здоровущая такая, в двух саженях, и глядит на меня в упор. Ко мне боочиной, голова задрана так, что чуть не сверху смотрит мне прямо в лицо. Я обмер, но как шагал, так и шагаю — вроде бы машина. Только помню, как сквозь вату подумал, что бежать в такое ненастье кроме палатки некуда, а был я в одной лишь кацавейке... И что же ты думаешь? Прошагал от нее — рукой достать было можно. Даже духом кошачьим в нос шибануло. А перед тем как нырнуть в палатку, оборотился и вижу: тигра медленно так шагает за мной, только голову, как котел здоровущую, опустила и озирает меня уже снизу. Хоть и зло, однако с интересом так озирает. А со страху я забыл, что ружье ведь на дереве висит...

Изот Иванович поворошил свою густую серебряную шевелюру, пригладил бороду, зачем-то опять стал поправлять свечу, хотя горела она исправно. Потом расстегнул ворот рубахи и снова его застегнул... Я понял, что взволнован старик воспоминанием, и чтобы дать ему успокоиться да собраться с мыслями, принялся расправлять мокрую одежду над печкой, подбросил в нее немного дров, долил чайник на вечернее чаепитие. А сам все жду продолжения истории.

— Садись, Серега, и слушай дальше, — заговорил он. — Нырнул я в палатку, застегиваю полы, а она глядит на меня ну совсем изблизи. Как я перетрухал, и передать нет слов. Да ить как не перетрухать: один, пурга, темень уже наваливается, ружье висит на дереве, а что стоит тигре меня хрумкнуть — пустяк один. Как теперь помню — руки трясутся, зубы стучаются, волосья под шапкой шевелятся, а все туловище что мурашами кусачими обсыпано, даже на пятках они... Кое-как застегнул палатку и стою на четвереньках, как обезьяна, соображать сквозь страх пытаюсь, а не

соображается. Тут слышу снаружи: хрум, хрум, хрум — обходит, значит, зверина полосатая палаточку мою. Зашла сзади, почихала от духа дымовой трубы, да так почихала, что материя заходила. А с другой стороны зашла и встала. Чую, боком стала, а палатку шумно так обнюхивает... Я как стоял на четвереньках, так и задубел, аж челюсть от жути свесилась и в животе забурлило...

*Тут слышу снаружи: хрум, хрум, хрум — обходит, значит,
зверина полосатая палаточку мою*

Я очень хотел, чтобы мой собеседник рассказал всю эту историю подробно, без утайки и стеснения, и стал его поддерживать:

— В тайге чего только не случается. Меня как-то шатун так напугал, что я...

— Да что шатун! — перебил меня Изот Иванович. — Я с ними сколько встречался, и бока они мне мяли этак, что в больнице валялся месяцами, но такого страху, как с тигрой, я никогда не переживал, потому как тигры на людей влияют особенно пугающе. Который слабый духом, так от одного следа тигриного обмирает. Но слушай дальше... Корячился я, корячился на четвереньках, аж все тело затекло, а тигра стояла, стояла да и легла рядом с палаткой, затихла, только хвостом нет-нет да и лупанет по материи. Палатка вздрогнет, а я еще шибче. Потом повздыхала этак шумно, как корова, и затихла, видно, вздремнуть ей захотелось рядом с человеком... А я стал замерзать: огня-то в печке еще не было, а снаружи совсем затемнело, и пурга все шибче и шибче гудит. Хоть помирай. Вот ведь какая жуткая история была. Себя не чуял, ум затуманило, а всего как свинцом залило...

Рассказчик смолк, зачем-то выглянул за дверь в непроглядно мокрую темень дождливой ночи. Затем взялся заваривать чай, осматривать подсыхающую одежду... Я уже не мог сдерживать нетерпение.

— Да сядь ты, Иваныч! Дальше-то что было?

— Ну, слушай, что было дальше. Темнеет, мерзну, дубею. Соображаю, что эдак и окочуриться можно. Боись не боись, а огонь разжигать надо. Подполз я к печке, как мышка, скрипнул дверцей и замер. А тигра поднесла голову к палатке и стала слушать... Там даже снег от ее дыхания растаял и двумя темными мокрыми пятнами на материи обозначился. И так мне вдруг захотелось ударить по этой морде топором или из ружья, да все это на улице... И знаешь, Серега, начала приходить злость, а страх стал помаленьку так отпускать. Принялся я дрова в печку запихивать смелее, смолянку подсунул, зажег. Когда труба густо задымила да завоняла, тигра, слышу, приподнялась, постояла, но отошла немножко и опять легла. Ну скажи ты мне, ученый человек, отчего она так нагло себя вела, а?

— Знаешь, Изот Иванович, в поведении тигров много странностей, — стал объяснять я. — То они так осторожны к людям, что увидеть их просто невозможно. А иной встанет поперек твоей дороги и хлещет хвостом. Или придет к зимовью и бесцеремонно разглядывает людей. Смелый это зверь, умный и осторожный. Человека не боится, но связываться с ним не хочет. Но та «тигра» была на тебя зла, потому что вторгся в ее владения. Вот и выживала тебя, и примет, по-доброму выживала, хотя придавить могла, как мышку... Рассказывай дальше.

— Да-а... Перемешались во мне страх и злость, лихоманка колотит, зубы клацают, сердце тукает, аж слышно его. И слабость такая во всем. Печка стрельнет — вздрогну, снаружи что скрипнет — обомлею. Думаю, так ведь за ночь можно и подохнуть от страха. И стал я себя в руки брать, стыдить за свою же трусость, обзывать как самого плохого человечка. Ты же, мол, всю жизнь в тайге промышляешь, медведей столь перестрелял, горел, тонул, замерзал, с голоду загибался, уже сто раз мог передать богу душу, а тут... Ведь засмеют, когда найдутдохлого в палатке, а врачи порежут, поковыряются внутрих да приговорят: все органы в порядке... И в это же время соображаю, что бы сотворить для спасения. Ружье, помню, висит на дереве в двух саженьях, да ведь не дотянешься к нему... Потом вспомнил: в уголке палатки стояла бутылка со скипидаром, я им шкурки обезжиривал да руки мыл после. А горит он, что бензин. Осенило меня, что всякий зверь огня боится, и тут же возник план спасения: испугать тигру огнем, а пока она опомнится — схватить ружье, а с ним веселее да надежнее... Выбрал смолянку погуще, обмотал ее тряпкой, прикрутил к полену — вроде бы факел смастерил. Облил тряпку скипидаром-то, зажал в руке патроны, потихонечку так расстегнул палатку, раздвинул полы — лежит метрах в шести, спит вроде... Вот ведь нахалюга: рядом с человеком дрыхнет!

Изот Иванович словно наяву переживал свой рассказ. Раскраснелся, глаза сверкают, сам улыбается, и я уже чувствую, что скоро развязка будет, к тому же с веселинкой.

— Сунул я факел в огонь, — продолжил он громко, — тот вспыхнул, я еще трахнул по печке поленом, она загремела, а в трубе запылила сажа. Сам же с ором, на что глотка способна была, выскочил, замахал факелом, швырнул его в уже вскочившую тигру, а тем моментом к ружью. Взвел сразу оба курка, обернулся, а ее уже и не видать, только кусты трещат. Шандарахнул в ту сторону дуплетом, быстро перезарядил. Прислушался — треск уже удаляется. «А-а-а, — дико обрадовался я освобождению, — струсила! А ну-ка я тебя еще пужану!» Поднял факел и с криком по ее следам... На фронте в атаке не орал так... Озверел, какое-то затмение нашло на меня — бегу, кричу и пуляю ей вслед... Вернулся я в палатку с ружьем и топором. И что ты думаешь? До рассвета не мог успокоиться, ведь вот какого испуга в душу набрано было.

Помолчали, повздыхали. Я припоминал случаи, когда сам испытывал страх на грани шока — и во встречах с тигром, и в столкновениях с медведями, и в ураганном аду, когда тайга рушилась. Когда достигал ужасный верховой пожар. Спросил я Изота Ивановича:

— Скажи-ка, отец, как ты сейчас тот страх переживаешь, как оцениваешь его? Только откровенно.

— А что скрывать-то, я и не стесняюсь его, что было, то было. Каждый человек, а особенно в тайге, пугается не единожды, только честные этого не таят, другие же лукавят, героями себя показывают. Я, мол, никого никогда не боялся и не боюсь. Врут! Нет человека, который бы не пужался тигры. Знаю я таких хвастунов... И скажу тебе, что без таких вот страхов, как рассказал только что, скучно было бы. Чего-то в жизни не хватало бы, и особенно когда вспоминается прожитое...

А дождь все барабанил в крышу, за стенами избы шумела тайга, бушевала необузданная горная река. Потрескивала печка, метались по стенам тени. Мой спутник шумно чаевал, но все еще находился в состоянии переживания той встречи с тигром, которая остается с ним пожизненно.

Полосатый под нарами

С годами амурский тигр все больше привыкает к людям, а когда его не трогают, то и вовсе с ними перестает считаться. Возможно ли было в то время, когда на него усиленно охотились, чтобы могучий владыка тайги ложился на оживленной дороге средь бела дня, невозмутимо пропуская мимо себя и легковушки, и тяжелые грузовики, и переполненные автобусы? Чтобы не отвернул от идущего ему навстречу человека, спокойно разминувшись с ним, опешившим, в нескольких метрах? Мог ли выйти на сельскую околицу засветло, чтобы поохотиться на собак или другую домашнюю живность? И даже устроить себе логово на сеновале!

Но услышал я недавно очередную «тигриную сенсацию» и не верил в нее до тех пор, пока сам не убедился. А факты — упрямая вещь.

Это случилось весной в Приморье. На небольшой деляне рабочие заготавливали для своего совхоза лес. Жили в охотничьей избе, вдоль задней стенки которой были устроены сплошные нары. Привычно вели нескончаемые разговоры на всякие темы. Здесь же были временно «прописаны» кошка да собака — для уюта и как напоминание о семьях и родном селе.

Кошка — та, как известно, привязывается не столько к человеку, сколько к жилью. А для собаки весь смысл существования в хозяине. Но вот так случилось, что при очередной поездке в село на субботу и воскресенье лесорубы, не имея возможности взять с собою преданного пса, закрыли его в избе, предусмотрительно оставив ему в досталь еды и воды.

А утром в понедельник обнаружили у порога жилья останки верного друга. С вершины высокого дерева жалобно мяукала перепуганная, насквозь продрогшая кошка. Дверь в избу оставалась запертой, но окно было разбито, на подоконнике нашли клочок тигриной шерсти. Свежие следы амбы отпечатались повсюду.

Разожгли печь, поставили чайник и шумно обсуждали происшествие. Возмущались, удивлялись, собирались предпринимать решительные меры: этак и нас съест ненасытный хищник! Курили. Гремели металлом печки и посудой. Скрипели нарами. Поражались крепости свежего, но вроде бы уже устоявшегося запаха большого таежного зверя.

И вдруг под нарами кто-то глубоко вздохнул и завозился... Оттуда показались тигриные лапы... И тут же высунулась громадная башка амбы с невозмутимой мордой. Зверь изучающе оглядел обмерших мужиков и

нехотя выпрыгнул в еще не отремонтированное окно, обдав их уже совсем свежим запахом матерого хищника.

Есть ли необходимость уточнять, какое впечатление на лесорубов было произведено? Никто из них не решился на ночь глядя оставаться в этой избе, все дружно отправились искать ночлег в более надежных местах, сославшись на отсутствие материала для ремонта окна. Кошку милосердно прихватили с собой.

На другой день в этом же зимовье остановились ничего не знавшие о событиях минувших суток шоферы леспромхозовских автомашин. Опять же спрашиваю: надо ли рассказывать об охватившем их ужасе, когда из-под нар неторопливо вылез тигр почти трехметровой длины и привычно махнул через все еще не застекленное окно? Стоит ли говорить, что и они дружно уехали из этого ужасного места?

И никто в той избе не стал бы ночевать, ибо где гарантия, что потерявший осторожность и всякое уважение к человеку хищник не явится вновь в полюбившуюся ему хату, под нарами которой отдыхать оказалось удобно и безопасно.

Казалось бы, нужно забить окно досками и спать спокойно. Однако, судя по всему, тигр был старый, жилось ему несладко, а в бедственном положении его поведение непредсказуемо: хищник есть хищник.

Людей ли слишком хорошо изучил этот полосатый старик, интуиция ли обострилась до конкретных предчувствий, но когда к этой избушке через пару дней приближались для разбора и наведения в лесу порядка вооруженные охотовед и лесничий, он не стал судьбу свою пытаться и загодя ушел из людского жилья. Ушел, чтобы никогда в него не возвращаться.

Бродяга

Каждому живому существу природой определено место обитания. Белому медведю — Арктика, северному оленю — тундра и приполярные редколесья, снежному барану — холодные горные кручи. Ну а тигр — обитатель теплой Южной Азии. В стране Амура и Уссури — крайний предел его распространения. И самый трудный. Уже на северном Сихотэ-Алине и в левобережном Приамурье зимой ему слишком морозно и многоснежно. К тому же и крупного зверя для пропитания маловато.

Однако бродягу даже среди прирожденных домоседов найдешь в любом месте планеты. Редки они, но их странствия порождают много разговоров, и порою сенсационных. Вот, например, долетел вечный океанский странник альбатрос чуть ли не до Хабаровска. Недавно рассказали мне, что заплыла нерпа к устью Уссури — за тысячу километров от родного ей моря пробралась, да еще против могучего напора Амура. Зачем? Почему? Загадка.

А тигров встречали даже у Станового хребта. И даже вблизи Якутска одного застрелили — за множество сотен километров от предусмотренных ему эволюцией мест. Это одного застрелили, появлялось же их там куда больше.

В низовьях Амура грозные полосатые странники неведомыми путями объявляются не так редко. В прессе широко оповещалось, как в последний раз там застрелили именно такого. И столь печально окончил он свои дни в основном потому, что вознамерился отомстить кровному своему обидчику. Отомстить согласно твердому тигриному обычаю: всякий покусившийся на жизнь владыки должен понести наказание. Даже слон или крокодил. И человек.

Никто достоверно не знает, как этот могучий полосатый кот в расцвете лет оказался вдали от родных мест. Скорее всего, шел он зимними ночами со стороны Уссури по дорогам вдоль Амура от села к селу, легко ловил собак и тем жил. А что? Зачем мучиться в таежном глубокоснежье, если пса поймать оказывается проще простого, а собачатина вкусна и сытна? Да если еще и дорогами идти одно удовольствие, а уклоняться от встреч с людьми ничего не стоит?

И так вот потемну путешествуя и промышляя собак, а днями отдыхая в укромных местах под не слишком теплым зимним, но все же солнцем,

достиг Бродяга того далекого места Амура, от которого по озерному льду уже можно было выйти к морю за несколько часов неторопливым ходом и с высокого берега увидеть на горизонте сахалинскую землю.

Но он этого не знал. И море ему было ни к чему, и остров Сахалин. Ему нужны были собаки и дневной покой. Чтобы его никто не трогал, в том числе и люди.

Однако его тронули. Ночью. Шел он по дороге привычно и спокойно, выбирая укромное место для дневки. И на крутом повороте неожиданно оказался в ярком, слепящем свете автомашины. К ним он давно привык и света их не боялся, потому что достаточно было одного маха, чтобы выпрыгнуть из него в спасительную темноту дорожной обочины, за которой, как правило, был если и не лес, так кустарник или лесной завал. Извергающие же свет и грохот железные громадины мчались по своим делам дальше.

А эта не промчалась. Эта остановилась. И хлестко ударил выстрел, и острой болью обожгло переднюю лапу. Еще не осознав случившееся, зверь прыгнул в темноту и затаился за оказавшимся поодаль корчем. Тигр увидел обидчика, осторожно выглянувшего из кабины и посветившего тонким лучиком по его следам и на корч. Увидел и запомнил до дней своих последних. Он расправился бы с этим двуногим здесь же, спустись тот на дорогу. Но тот из кабины не вышел. Тот предпочел умчаться на своем чудовище, хорошо зная, что властелин уссурийской тайги обид не прощает.

А через несколько суток Бродяга, зализывая рану и все еще мучаясь болью в простреленной лапе, с лежки вблизи пересекающей речку дороги уже в конце дня увидел точно такую же автомашину, из которой был обстрелян, остановившуюся на дымящейся наледи. Из машины вылезли несколько человек, среди которых он безошибочно узнал своего обидчика.

Маскируясь за шпалерами приречных тальников, тигр подкрался как можно ближе, оставаясь незамеченным, и залег, терпеливо выжидая миг отмщения.

Он дождался его уже в ночной темноте, когда в свете фар увидел недавно поднявшего на него оружие...

За секунду до смерти этот несчастный заметил стремительно надвигающийся зеленый блеск звериных глаз и дико закричал, но тут же был настигнут, сбит и придавлен. Он уже не слышал, как с ревом мчалась к нему на выручку вся бригада лесорубов. И не видел, как тигр, мстительно рывкнув, ушел в ночь.

А через час по всему Нижнеамурью, достигнув вскоре и Хабаровска, покатила паническая новость: тигр растерзал человека. Начальством

было приказано без нужды в темноте и по одному из домов не выходить, да и днем в одиночку меж сел не появляться. А районный охотовед получил строжайший приказ: хищника-убийцу найти и уничтожить.

Утром вертолет торопливо нес группу охотников-истребителей к месту происшествия. Ночью выпала пороша, на которой ясно пропечаталось: через несколько часов к месту кровавого происшествия приходил крупный тигр, волочивший правую переднюю лапу. Но след вывел на наезженную колею дороги и исчез.

Весь день кружил вертолет, отыскивая разбойника, но того словно и не было. Зайцев сверху люди видели, даже рябчиков, четкие следы лисиц просматривались, а тигриные не обнаруживались. А ночью телефоны понесли новую душераздирающую весть: только что огромный тигр вошел в село, задавил там двух собак, пытался напасть на вышедших из домов людей. Охотник стрелял в него, но лишь легко ранил.

Чуть свет главный в том районе охотовед Сергей Анохин, крепкий и смелый парень, специалист своего дела, не в первый раз обруганный начальством всех рангов за неспособность расправиться с полосатым разбойником, был на месте происшествия уже с бригадой истребителей, вооруженных скорострельными карабинами и даже знаменитыми автоматами Калашникова.

Выяснилось: да, ночью тигр был в селе и задавил двух собак. Видевшие его в свете фонариков говорили: здоровенный, голова больше, чем у льва. А тот, что стрелял, честно признался: «Такой громадный и так оглушительно ревел, что рука дрогнула».

Взяли след, стали на широкие охотничьи лыжи и — в погоню. С уверенностью, что непременно настигнут хищника, потому что трудно было ему идти по глубокому снегу, в котором утопал по самые бока.

Но охотовед Сергей Анохин, памятуя о недовольном его действиями начальстве, все же спешил сам и торопил своих охотников, потому что знал: если зверь снова выйдет на дорогу — тут же и потеряется.

Однако Бродяга на дороге среди бела дня не пошел. Подкрепившись собачатиной, он вернулся под тот же большой еловый выворотень рядом с заплывшим свежей наледью ключом, из-под которого накануне наблюдал за шумной железной птицей, искавшей его весь день. Даже успел вздремнуть. Но теперь он вовремя почуял наземную погоню за собой по следам и направился в глубь леса.

Сергей потом рассказывал:

— Бегу сколько есть силы. Осматриваю впереди по следу каждый корч и валежину, всякое дерево, кочку или пучок кустарника, за которыми тигр

мог затаиться. Знаю, что ранен он человеком, а значит, и озлоблен, что не терпит этот зверь преследования, а все равно спешу так, что даже молодой рослый милиционер порядком отстал. Боялся, что выйдет он на лед или дорогу и свежий след потеряется. Потом попробуй объясни начальству...

Но нам повезло: вывел след на поляну посреди мари, на дальнем краю которой, метрах в ста, увидел я рыжую голову наблюдающего за нами тигра. Выстрелил второпях и промазал, еще раз прицелился. А тот уже с ревом атакует нас в пяту своему следу, траншейно пробитому в снегу. То увижу его на секунду, то исчезнет он в снежной пыли. И так быстро мелькает, что не успеваю прицелиться толком и мажу, мажу...

Допрыгал тигр до середины поляны, и началось такое, что ни в одной книге, ни в одном рассказе о нем не читал. Стал он раз за разом выделять «свечки». Высоко подпрыгивает, извивается в воздухе вдоль тела и поперек и грозно вертит башкой, остервенело машет всеми лапами. Да при этом ревет так зло и оглушительно, что даже деревья вздрагивают. А был он в ярком полуденном солнце так хорошо высвечен, что каждую полосу на его теле успевал я ухватить глазом. Будь он в зоопарке — не устал бы любоваться, но тут стрелять требовалось.

Соображаю, что в магазине карабина всего два патрона осталось. А что если зверина опять поперет в атаку? Но замер тот. Приподнялся над снегом и уставился в меня: каков, мол, эффект произвел, достаточно ли для паники страху нагнал?.. На всю жизнь его в эти мгновения запомнил: на голове каждая волосинка дыбом поставлена, отчего она стала на самом деле как у гривастого льва. Нет, даже, пожалуй, больше! Глаза и клыки на солнце сверкают, усы взлет, уши прижаты. Даже черный «иероглиф» на рыжем лбу и темени вижу...

Примолк Анохин, словно заново переживая быль. А я спросил, заведомо зная ответ:

— Пугал ведь? Понимал, что силы неравные?..

— Пугал, конечно, — откликнулся парень, — и не хотел трусом себя показать. Перемирие предлагал. И я бы принял это предложение, если бы не два «но»: грозный приказ начальства застрелить опасного зверя и высокая вероятность повторения проделок хищника, оказавшегося в экстремальных для него условиях... Однако доскажу историю. В каком-то трансе был я в те мелькающие секунды. Но тигр стал перебирать лапами, напружинился... Сейчас опять ринется в атаку! Собрал себя в кулак, хорошенько прицелился и выстрелил. На этот раз точно...

Ей снились тигрята

В уссурийской тайге они жили давно. Жили хотя и не вместе, и все же этакой странной для нас, хотя и вполне супружеской парой. Они встречались ненароком на охотничьих тропах, не проявляя радости, однако при этом не злились и не конфликтовали. Обнюхивались, хвостами дружелюбно поводили по спинам, головами и шеями терлись, мурлыкали даже. Но скоро расходились по своим делам. Расходились, не оглядываясь и не сожалея о мимолетности встречи... А еще делились добычей, если кому из двоих на промысле не везло. В некотором роде вместе одолевали бедственное время в многоснежье и скудокормицу...

Но в узаконенные природой сроки, если не случалось терять детей раньше поры их самостоятельности, он и она блаженно проводили, не отходя друг от друга, половину лунного круга, пребывая в полном благом повинении и безропотном согласии с могучим и красивым инстинктом продолжения себя в потомстве... Потом опять расходились, чтобы жить собственными интересами. Чтобы, отдохнув, соскучиться.

Взрачиванием и воспитанием у великолепных полосатых наследников мощи, отваги и охотничьего мастерства занималась мать. Отец не уклонялся от отцовских обязанностей, нет, но не хотел мешать отлично знавшей свое дело супруге. Добыв крупного зверя и вдосталь наевшись, отдавал остальное ей и им. Даже прокладывал свой пахнувший свежениной след к самому логову близких, чтоб легче было жене и детям воспользоваться родительским подношением. Иногда он и сам приводил их к мясу. Бывало, приносил увесистые части добычи к логову и ложился поодаль, довольно жмурясь и мурлыкая.

Но становилось год от года зверя меньше, потому что все больше было людей, а от них — насилия и беспокойства. Никогда не сулили добра тиграм, как и прочим лесным обитателям, встречи со всеильными и беспощадными двуногими существами. Особенно остро это стало проявляться после того, как еще молодой самец, не зная вражьей силы, не сошел с дороги вовремя, не замер, маскируясь, и принял в грудь заряд картечи. А полгода спустя, на глазах еще совсем молодой тигрицы, ее стареющая мать пала под выстрелами затаившихся у солонца охотников.

С каждым годом становилось все труднее людей избегать... И вот настало время, когда их можно было чувствовать почти в любое время сезона и суток — рев и гул моторов на земле и в воздухе, лязг железа и

тяжкие вздохи спиленных деревьев, стрельбу и голоса. А тайгу пропитывал смрад из дыма и всяких чуждых природе запахов.

...Тигрятам не исполнилось и полугода, как завалили тайгу погибельные для зверей снега, страшные даже для могучего тигра: ни пройти, ни добычу сыскать. Белая напасть, накрыв по пояс леса, похоронила косуль и кабанов, изюбры собирались табунами в потайных местах и не давали следов в стороны — попробуй их отыщи, добреди до них, утопая в снегу по плечи.

И двинулся глава семейства по наезженным проселкам к людским жилищам, увлекая за собою мать с детьми. Пошел, по опыту прошлых лет зная, что можно там пережить бедственное время на бесхозных собаках и скотомогильниках. Однако шли они туда без радости, прислушиваясь к шуму машин, приглядываясь к проблескам света от них, чтобы вовремя и незаметно разминуться, спрыгнув с дороги в заснеженные и закоряженные кусты, и затаиться там.

Обосновались они совсем неподалеку друг от друга. На каменистом склоне сопки, с которой на крутяках снег сполз и обвалился. Зоркому кошачьему глазу с высоты открывались плотно обжитые людьми просторы с селами, полями, дорогами. С густыми дымами, гулом и скрежетом. Обосновались во враждебном вольному зверю мире ради спасения собственных жизней и тигрят. До лучших и не таких уж далеких времен.

Тигрица устроила удобное скрытое логово в глубокой, в меру просторной нише под нависью каменного козырька, в суши которой за вереницу лет скопился толстый слой палого листа. Он же приглядел себе яму под прикрытием разлапистого, вздыбленного над землей корневого шатра — от семьи на расстоянии слышимости предупредительного рыка.

Тигрица устроила удобное скрытое логово в глубокой, в меру просторной нише под навесью каменного козырька, в суши коорой за вереницу лет скопился толстый слой палого листа

Жили здесь на пределе скрытности. Глава семейства, а за ним и мать, приказав детям ждать, ночами спускались с сопки, близко меж собою не сходясь, на закипевшую наледью грязную речку, по ней выбирались, стараясь не оставлять следов, к проезжей дороге и осторожно подходили ею к сельским околицам. Тенями возникали здесь в самое глухое время ночи, когда гасли окна в домах и замирали дороги, а об уснувшей жизни напоминал лишь редкий собачий брех.

Промышляли осмотрительно, поодиночке, избегая людей. На время роста луны от узкого кривого мазка в небе до светящегося свежим снегом кома хватило найденной на скотомогильнике падали, среди которой оказались хотя и каменно смерзшиеся, но жирные чушки, и даже лошадь... Потом, когда белоснежный шар луны стал от ночи к ночи выщербляться в мазок, пришлось перейти на собак. Сначала ловили вольно рыскавших, затем настал черед вытаскивать из конуры тех, что свободы не имели. Людей и скот не трогали. В сараи не ломались.

Эти пришельцы из тайги долго не догадывались, что уже обнаружены обитателями сел, что за ними настороженно следят, что запрошено и получено разрешение высокого начальства на ликвидацию «опасных хищников», и дело за разработкой коварного плана погубительной для них операции. Узнали, когда спастись было поздно.

Ясным, уже заметно потеплевшим к весне днем, когда тигр умиротворенно грел на солнце свой бок на сухой плешине сопки, прилетела огромная и шумная винтокрылая птица, быстро отыскала его по четким на предательской ночной пороше следам, с ходу взяла в тугой круг и зависла, метко изрыгая смерть.

Он не убежал, потому что с рожденья был горд и независим, он всего лишь встал, вздыбил на спине шерсть и оголил клыки. Получив резкий и сильный удар в плечо, он успел в яростной, но слепой и беспомощной жажде мести взреветь и прыгнуть на врага. Но тот был недосыгаем. А в следующий миг его прожгло огнем от головы до хвоста, и свет потух в глазах.

А что же тигрица? Она хорошо видела ту железную птицу, слышала стрельбу, пробившийся сквозь нее предсмертный рев своего единственного друга и все поняла. И приняла самое благоразумное из всех возможных в создавшейся обстановке решение: из логова не выходить ни при каких обстоятельствах.

Она не знала, что вражина способна сесть на землю, но ей повезло: железная птица не смогла приземлиться на крутом, усеянном камнями и

деревьями склоне сопки. Долго кружила та во зле, стараясь заглянуть под темный навес каменного козырька, пугала стрельбой, да так и осталась при собственных интересах, усомнившись даже в присутствии там тигриного семейства.

А как только истлела заря и загустела темень, повела мать детей прочь и подальше. Повела, на ходу решая другую трудную проблему: куда? И где пережить оставшиеся дни белой напасти? Не в омертвелой же тайге, для детей погибельной.

Да, в тайгу возвращаться пока не было смысла... И к концу ночи, побродив семьей по притихшим дорогам, надежно запутав при этом следы, оказались они на другом склоне той же сопки. Противоположном. По прямой линии на расстоянии полудневого перехода взрослого, ничем не связанного тигра.

Здесь было меньше каменных глыб, но больше деревьев, между которыми густился орешник. И нашлось достаточно удобных для устройства логова укрытий под выворотнями и корчами. А с рассветом выяснилось, что под сопкой дымят и шумят два других села, у которых, должно быть, тоже можно кое-чем поживиться.

Но падали здесь не нашлось, и оставалось с ходу приниматься за собак. Как и прежде, тигрица ловила двух: одну съедала на месте, другую несла детям. Подстерегала псов на околице, но опять-таки со временем пришлось по огородам подходить к домам, чтобы брать более трудную добычу из конуры. Хватала дрожащих, до немоты и окоченения обмерших, с цепи. Крала, не встречая сопротивления хозяев домов, и потому вскоре стала безбоязненно проходить через словно тоже оцепеневшие в страхе села улицами.

Однако и на этот раз не знала тигрица, что следят за нею и готовят операцию. Другую: ее поймать в клетку, тигрят пленить живыми.

...Она эту клетку обнаружила сразу же, как только ее приспособили у полуразрушенного сарая на сельской околице. Но изучив новый объект, тигрица ничего опасного в нем не увидела. А следующей ночью, идя на тоскливые завывания, нашла собаку в этой клетке, неосторожно вошла в нее и оказалась в очень тесном плену — позади хвоста с грохотом упала неодолимая преграда... Ревела, бесновалась, ломала и крошила о железо зубы — все было тщетно.

Утром за нею приехали. Всласть налюбовавшись на безопасную в клетке могучую владычицу уссурийской тайги да весело поудивлявшись неукротимой злобе пленницы, погрузили ее вместе с клеткой на грузовик, потом увезли и определили в темень крепкого каменного строения. А через

пару дней такая же железная птица, как та, убившая друга и выследившая ее, подняла несчастную ввысь, оглушив грохотом, и помчала в неведомые дали.

...Она не знала, что освободили ее из плена в трехстах километрах от той сопки, на которой остались дети. Что если быстро возвращаться к ним прямой легкой тропой, и бесснежной, разумеется, потребуется много-много дней и ночей. Но если б и ведомо было ей это, все равно она незамедлительно ринулась бы в ту сторону, чтобы поскорее найти самое дорогое, что есть в жизни каждой матери, — детей.

В ту сторону... Легко сказать... Привезли-то словно кота в мешке... И она растерянно кружила. Ходила по околицам и не могла определить, в какой же стороне этого огромного и незнакомого горно-таежного мира ее терпеливо ждут оголодавшие и промерзшие котятка.

Ей достало благоразумия для того, чтобы не ринуться по первому, всего лишь грубо предположительному направлению, а тем более — куда глаза глядят. Она долго лежала, обдумывая проблему... Взобралась на высокую, увенчивающую ближнюю гору скалу и опять долго думала, оглядывая дали и к себе прислушиваясь. И наконец не столько решила, сколько получила из неосознанного своего естества приказ: идти в ту сторону, куда уходило на ночной покой за горами и тайгою уставшее за день светило.

И хотя снега было все так же по плечи, а долгая неволя измотала, и к тому же давно пусто в животе, она тяжело пошла на вечерний багровый шар на краю неба, решая другую проблему: как далеко еще идти? И двигалась до тех пор, пока не выдохлась и не провалилась в тяжелый сон, на последнем дыхании забравшись под толстый комель накренившегося после долгой жизни некогда богатырского кедра.

Ей снилось благостное лето с детьми и сытой спокойной жизнью. Ей мерещилась былая уверенность в завтрашнем дне. Могучий муж. Стареющая мать. И сопка с последним логовом, железная птица, железная клетка, железно безжалостные, даже тигриной мощи неподвластные люди... Ей снились тигрята. В ее сознании они то резвились, забавляясь материнским хвостом, то терпеливо ждали ее в семейном логове.

А они и в самом деле устали ее ждать. Выдохнувшись в голоде, тигрята в ту ночь грызли трухлявый пенек. Они трижды уходили по тропе матери к селу, но ничего не могли ни добыть, ни просто найти маломальски съедобное. Брезгливо жевали и натужно глотали вонючие тряпки, лизали давно вылизанные собаками и кошками консервные банки... А к концу ночи, повинувшись внутреннему голосу, упорно возвращались в то

логово под большим выворотнем, где мать, уходя в последний раз, как всегда приказала ее ждать, сколь долго бы ее не было. Возвращались, чтоб уже долгим днем дрожать от холода, терзаться голодом, маяться резами в животе, поносом и рвотой, не освобождаясь и при этих недетских страданиях от тоски по матери.

Они настораживались на шорох сухого листа в орешнике и выползали ему навстречу, но то, оказывалось, забредал в сопку вольный ветер. Прислушивались к едва уловимому даже острым слухом скрипу снега и радостно высовывались наружу, надеясь увидеть, наконец, мать, а замечали проходившего дальней стороной человека... Им вдруг казалось, что подала голос непозволительно надолго задержавшаяся, а теперь повинно спешащая к ним мать. Ждали его повторения, ждали... И обессиленно роняли на лапы головы, ничего не дождавшись. И обморочно засыпали, колотясь крупной дрожью, чтобы увидеть во сне и ее — теплую, сильную и заботливую, и свежее нежное мясо... А потом, проснувшись, вновь забарахтаться в своих недетских страданиях.

Она прекрасно понимала, что дети без нее долго не протянут, и потому спешила к ним, на каждом переходе выкладываясь до изнеможения. Она не позволяла себе отдыхать до полного восстановления сил и каждый раз поднималась, почувствовав, что уже способна идти. И трудно брела, раздвигая и подминая ставший тяжелым снег, исходя тоской и беспокойством, за которыми вроде бы забывался голод.

И все же голод жестко напоминал о себе: сил не станет — не станет и тигрят. И потому в просветах между материнскими страданиями приподнималась она у какого-нибудь дерева и замирала, надеясь почуять добычу. Но мир звенел равнодушной тишиной и могильным покоем. Миру не было дела до ее беды.

Она вполне могла выдохнуться и замерзнуть. Выжить помог случай: набрела на свежие следы кабана-одинца и через полчаса догнала его, оказавшегося при последнем издыхании. Остудив на неожиданной добыче разгоряченное погоней и короткой борьбой тело, тигрица ела сначала жадно, но потом неторопливо и обстоятельно, чувствуя, как быстро наливается силой. Ела до конца дня, ела весь вечер и ночью принималась за еду. Продремав до утра, потрапезничала еще и понесла отяжелевшее тело вдоль шатающейся впереди собственной тени.

Помог ей и другой случай. Спускаясь с хребта к речке, она наткнулась на широкий твердый след в поперечных рубцах, глубоко промятый в снегу и определенно пахнувший человеком. Тот след вел не совсем туда, куда ей нужно было, — чуть в сторону, но она все же устремилась по нему,

удивляясь, как легко и быстро можно идти, когда не мешает снег.

Вышла по этой счастливой находке к одинокой охотничьей избе, обогнула ее стороной, спустилась на речку. Ее заснеженная гладь вела на закат солнца, и тянулась по ней такая же траншейно глубокая, широкая и твердая тропа в поперечных рубцах.

Бывает же такое: по реке — тропа, а по речным берегам табуняются изюбры, которых согнал с гор завальный снег. Согнал на спасительные наледи и тальниковые заросли. Добыть одного из них тигрице ничего не стоило, потому что олени в снегах по брюхо были куда беспомощнее.

Потом все гуще пошли дороги, все накатаннее. И тигрица с каждым днем все увереннее чувствовала, что идет куда нужно, а заветное логово с детьми все ближе.

Она не знала, что в эти дни тигрят в том логове уже не было: их нашли люди с собаками и переловили. Искусанных сильными, злобными псами и грубо помятых рогулями ловцов, их вынесли туго связанными в село и определили в тесные клетки. Давали пить, и есть давали, но зверенышам уже ничего не надо было. Всяким страданиям, любому долготерпению есть предел, из-за которого возврата нет. И до того вконец вымученные, они не смогли перенести грубого и жестокого пленения. Их теперь могла отходить только мать, вернись она вовремя. Она спасла бы их, приди к ним даже перед последними их вздохами. Она успела бы вернуть их к жизни, успела!

Но ее опередили люди с иными устремлениями...

Мать пришла в пустое логово с густо истоптанным вокруг него людьми и собаками снегом. В отчаянии и злобе спустилась к селу и долго бродила вокруг него, и проходила по улицам между домов. Прислушивалась, приглядывалась, принюхивалась — тщетно. Откуда ей было знать, что с погибших тигрят накануне сняли ножами их детские шкурки, а порубленные на куски тела предназначили на корм собакам и свиньям.

Она, все еще надеясь на что-то, ночами неприкаянно бродила по сопке и вокруг нее, около села и по нему — в самую глухую ночную пору, конечно. Бродила, пока над нею не закружила с ревом та самая, уже очень хорошо знакомая ей, большая винтокрылая птица.

Ей казалось, что она хорошо усвоила охотничьи повадки и способности той прирученной людьми железной птицы, что достаточно скрыться от нее под нависью каменного козырька, а еще лучше в глубокой нише или пещерке, и улетит та ни с чем. Но птица, покружив, присела

поодаль, выпустила из своего нутра охотников. Те встали на лыжи и направились к ней.

Почувяв беду, тигрица своими прежними, теперь уже затвердевшими в снегу тропами быстро пошла прочь, решив наконец: детей не вернешь и пора убираться от людей как можно дальше, и никогда больше к ним не подходить. Но теми минутами взревела и взмыла в небо грозная птица и стала ее с легкостью настигать.

В последние минуты жизни она не убегала и не металась. Теперь она уже не пряталась. Она хотела честного поединка. Она хотела отомстить за гибель мужа и детей в открытом сражении один на один, как это принято у тигров. Но у двуногих повадки совсем другие: семеро одного не боятся. Расстреляли с земли и воздуха.

А в ее угасающем сознании играли малыши.

Будто бы живые.

Месть ценою жизни

Той тигрице шел восьмой год, и все это время ее жизнь омрачал медведь. Заклятый враг. Верзила. Могучий и наглый. Осенью, основательно заживев, он был раза в два тяжелее владычицы здешней тайги. Да и в другое время года уверенно перетянул бы ее на весах, окажись те здесь.

Эти силачи, в общем-то, избегали встреч, благо каждый мог жить независимо, строго за свой счет и собственным трудом. И в самом деле: зачем тигрице любимые медвежьи корма — ягоды, орехи и желуди, а тем более травы, коренья, букашки да червяки? И в той же мере удивлялся хозяин тайги: кругом полно сытной благодати, собирай ее спокойно и ешь в свое удовольствие... Так нет же, ей непременно подавай мясное, да еще посвежее и с кровинушкой...

Но временами их интересы перекрещивались. Бывало это в неурожайные на главные медвежьи корма годы, когда верзила мог выжить главным образом за счет добычи кабанов. Тех самых, до которых была так охоча владычица. Которая ими жила постоянно, потому что они испокон веку оказывались незаменимым кормом. А кабанов тех на двух любителей обильно и вкусно поесть доставало не всегда, потому что водилось их в глухих дебрях Сихотэ-Алиня то неисчислимо много, то на пределе исчезновения. И особенно недоставало их верзиле, значительно уступавшему в охотничьем мастерстве непревзойденной полосатой охотнице.

И потому медведь в те голодные осени, наголодавшись в их листопадном месяце, бесцеремонно увязывался за соперницей ходить по ее следам, подбирая то, что не съедено или брошено. Но случалось, пытался и отобрать чужим трудом добытое. Однако дело ограничивалось лишь взаимными угрозами, ревом и пугающими агрессивными бросками.

По-настоящему они сражались несколько лет назад. Тигрица тогда была моложе и легче, но и сильно оголодавший верзила оказался далеко не в боевой форме. Медведь напирал на грубую силу, суперкошка же ту силу обарывала ловкостью и верткостью. Ему никак не удавалось схватить ее и погибельно стиснуть, она же не могла забрать в свою пасть толстую и лохматую вражью шею или вспороть брюхо... Измучили они тогда друг друга, искусили и подрали, обзавелись пожизненными глубокими боевыми шрамами... Надолго повергли в страх все живое между тайгой и небом... Но разошлись непобежденными. Разошлись, чтобы больше не сходиться. У

каждого хватило благоразумия самому себе признаться, что собственная гибель в тот почти роковой час была вполне вероятной и совсем близко. В другом сражении, случись оно, мог оказаться победитель, но лишь один. Он или она.

Этот зарок труднее было соблюсти верзиле, потому что ему все же приходилось иногда голодать, и оказывался какой-никакой, но выход из положения — в нахлебничестве. Унижений при этом он не испытывал, потому что совесть в медведе всегда и всюду замещалась нахальством и нечистоплотностью повадок, predetermined природой. Хозяевами такие оказываются нередко. О них можно говорить следующее: сила есть — зачем совесть?

Тигрица же от века была горда и независима, как и положено таежной владычице. Что, впрочем, свойственно всем тиграм. Толстобочного хозяина тайги она не боялась. В своих владениях она вообще никого не боялась. Однако на рожон никогда не лезла, потому что была осмотрительной и благоразумной. Медведь же частенько проявлял обыкновенную трусость. И когда в свои сроки к заневестившейся тигрице приходил ее могучий супруг, косолапый покидал свою обширную вотчину, отлично зная, что время тигриных брачных радостей недолгое, и этот ничем не связанный муж как появлялся внезапно, так и исчезнуть мог в любой час любого дня. Знал он это по себе, потому что и сам в определенное время года становился женихом, принимая у себя соседних косолапых гулен. На время.

Один выводок наследников великолепия, мощи и бесстрашия тигрица благополучно взрастила, воспитала и научила жить по законам тигриного естества. Народились те котята в начале зимы, когда верзила уже залег в берлогу, а к весне они стали ходячими, и мать увела их в такие забуреломленные дебри, куда и медведи забираются редко. Ну а почти годовалых тигрят любому врагу уже не поймать, потому что были они в том возрасте быстры и ловки, к тому же проворно лазали по деревьям. А в свои сроки та молодежь, повзрослев и научившись жить собственным трудом, разошлась, как и положено, в поисках свободного таежного угла для самостоятельной жизни. Законы естественного бытия суровы, но мудры. Каждый должен существовать в собственном доме. Бездомные лишены права оставлять потомство и иметь семью, а без этого какой же смысл жизни?

...Трагедия разыгралась после рождения тигрицей второго выводка. Появились три несмышленька летом, к осени они изрядно подросли и окрепли, однако далеко от логова не отходили. Мать еще кормила их молоком, но уже надолго уходила на охоту, велев детям терпеливо ждать ее

возвращения с добычей, чтобы приобщить их к мясному.

Пришла та осень полуголодной. Медведи, подобрав все орехи и желуди в сентябре, уже с октября принялись упорно гонять кабанов, давили и пожирали друг друга. А верзила опять увязался за тигрицей. Несколько раз он выходил по ее следам к логову, и она яростно его отгоняла. Тигрят потом переносила и переводила в запасное жильё, но медведь и там их находил. И снова оба ревели и ярились на всю тайгу — от одного края горизонта до другого, воздерживаясь все же от применения своего смертоносного оружия.

Она в те дни была не в лучшей боевой форме, потому что быстро растущие детеныши вместе с молоком высасывали и ее силу. К тому же больше обычного требовалось энергии для того, чтобы охотиться и ловить ставшего очень осторожным копытного зверя. Кабанов же оказалось совсем мало, потому что летом их нещадно перекосила свиная чума. И оттого тигрице приходилось долго искать и трудно добывать пропитание, нередко далеко от материнского гнезда. А медведь оставался в теле и в силе, еще не растратив кое-какой жир от недавнего благополучия.

Наглость медведя тигрицу бесила, защита детей требовала действенных мер. Самоотверженная мать понимала, что в решительном сражении может и победить врага, но с гораздо большей вероятностью — погибнуть. Не собственной смерти она боялась, а того, что с нею на верную смерть обрекались малые неумехи с родной кровью и собственным наследием.

Тигрица знала, что за дальним перевалом, во владениях ее молодой дочери, живут не столь агрессивные медведи, и решила переселиться туда на опасное время, пока не наступят крепкие морозы и многоснежье. Тогда ее преследователю останется выбирать одно из двух: или околоть от голода и холода, или залечь в берлогу в ниточно тонкой надежде дотянуть до весны.

Спланировала она перевести тигрят за день-другой, а переселение начать завтра. Теперь же ей надо было уйти, чтобы пока не поздно «прибрать» два дня назад добытого и недоеденного подсвинка. И ушла, хотя, как никогда прежде, уходить не хотелось.

Убежала она утром, возвратилась в полдень. Возвратилась, чтобы увидеть скорбные останки съеденных медведем детей — хвостики, лапки, обрывки шкурок...

Она не скулила и не корчилась в душевных страданиях... Она «взяла» след ушедшего убийцы и бросилась за ним в единственном стремлении: догнать и наказать. Пусть даже ценою собственной жизни. Более того, она

была почти уверена, что битву не ей выиграть. И все же пошла, не испытывая какого-либо страха.

Она настигла его, сыто почивавшего в просторном кедровнике на кабаньем гайне. Лежал он на спине, блаженно обронив лапы на тугое редковолосое брюхо.

Осиротевшая и жаждавшая мщения тигрица увидела врага загодя. В иное время она бы заявила о себе рыком, как бы предупреждая и объявляя: «Иду на вы!» Теперь же, чувствуя вражье превосходство, она решила использовать фактор внезапности и, подбравшись к медведю на дистанцию уверенного прыжка, на первом же — когтями вспорола его сытое брюхо. И лишь потом мстительно огласила тайгу и небо ревом.

Она могла бы не продолжать тот поединок, потому что понимала: враг обречен, он сам себя доконает, запутавшись в собственном нутре. Но она жаждала заверченного мщения и в этой жажде забыла о благоразумной осторожности. И это ее погубило, потому что обреченный верзила в свои предсмертные мгновения изловчился и ухватил огромной пастью тигриное горло, и мертвой хваткой навечно стиснул могучие челюсти. Потом их не могли разжать даже сильные промысловики, неожиданно вышедшие через несколько дней на место таежной трагедии.

О чем она думала в последние минуты, нетрудно догадаться. В ней туго сплелись печаль матери, потерявшей детей, и удовлетворенная жажда мщения, собственная боль и благостный дух погибельно распоротого вражьего брюха. А в гаснувшем сознании мелькали яркие, но быстро тускнеющие и растворяющиеся в пустоте небытия видения: мать и сестра, друг и тигрята. Бесконечная череда удачных охот... И этот пожизненный враг.

И все же непереносимое удушье последних минут исказило ее лик страданием... Я видел его потом и тоже страдал.

Здравствуй, амба!

Сихотэ-Алиньский заповедник организовали еще в тридцатых годах, и в первую очередь — ради охраны тигра, едва не исчезнувшего в Амуро-Уссурийском регионе в смутные годы первой четверти двадцатого века.

Полосатого зверя в заповеднике действительно опекали, и потому уже через два десятка лет встреча с ним, как говорится, лоб в лоб на таежной тропе была вполне реальной.

Молодой лесник, он же егерь, Гена Галкин, дотошно изучавший повадки тигра, мечтал о том мгновении, когда он сойдется с ним в упор и, нимало не теряя себя от страха, приветливо скажет: «Здравствуй, амба! Давно хочу тебя увидеть!» И тихим осенним днем такая встреча состоялась.

На крутом повороте натеренной зверовой тропы они столкнулись в пяти-шести метрах. Так получилось, что в тот памятный день Гена был без оружия, и потому сначала, вполне естественно, изрядно оторопел. Однако через несколько растянувшихся секунд он взял себя в руки и взволнованно, сбивающимся голосом поприветствовал невозмутимо уставившегося на него суперкота — ну в точности так, как мечтал: «Здравствуй, амба! Давно хочу тебя увидеть!..»

Всесильный и грозный ничего, разумеется, не ответил, а спокойно прилег прямо на тропе, преградив тем самым движение человека вперед. И, похоже, приготовился с интересом понаблюдать за загадочным и коварным двуногим существом, коим, можно предполагать, тоже давно интересовался.

Гена, не давая волю страху, решил, что самым благоразумным будет потихоньку ретироваться задним ходом, не упуская опасного зверя из виду, но и не глядя ему прямо в глаза. С достоинством отступив за поворот тропы, он увидел раскидистый маньчжурский орех и медведем-древолозом взлетел на него. Но дерево, оказавшись по своей молодости хлипким, закачалось под тяжестью человека и прогнулось. Парень очень даже правильно сообразил, что могучий и ловкий зверь при желании шутя стряхнет его с этого ореха, и потому спрыгнул, чтобы сменить позицию. Наблюдая за его маневрами, тигр стал подходить тихим пружинистым шагом, приседая и вытянув голову почти параллельно земле.

Росший поблизости дуб показался Геннадию более надежным убежищем, и он, проворно забравшись на спасительную высоту, улегся,

довольный, в его могучей развилке. Царственный зверь между тем подошел к этому дереву, постоял, с любопытством задрал башку, и... улегся тут же, внимательно взирая на человека.

Что оставалось делать пленнику в осаде, которая вполне могла быть долгой? Достал он полевой дневник и принялся записывать в него по минутам поведение опасного конвоира и свои переживания и мысли в те минуты... Уже час минул, и другой растворился в напряженном ожидании... Затекали Генины ноги и руки. А тигр лежит себе, явно не намереваясь прерывать наблюдение. Вскоре и подремывать стал, нахалюга.

Тем временем дело стало подвигаться к вечеру. Принялся осажденный кричать во всю силу духа, надеясь, что услышит его на кордоне, в километре от места происшествия, другой егерь-лесник, догадается о неладном и поспешит на помощь. Тот крики эти и засек, однако решил, что забавляется по молодости беспечный друг или таким манером оповещает о своем возвращении.

А Гене было не до забав. В поисках освобождения из тигриного плена он стал чиркать спички и бросать их на рыжую бестию. Но огоньки те гасли. Тогда Гена поджег вырванный из дневника и сложенный в самолетик листок и запустил его в желто-черную полосатую цель. В тигра самолетик не попал, а сухая трава и палый лист занялись пламенем, угрожающе набирающим потрескивающую силу... Зверь спокойно отошел в сторонку, а вот Гена подумал о куда более тревожном: в эту пору осенней сухости пожар в заповедной тайге и самого его на дубе запросто поджарит, и принесет непоправимые бедствия. Отчаянно решив, будь что будет, он спрыгнул с дерева и стал энергично тушить уже пышущий жаром огонь.

С трудом ликвидировав пламя и переведя дух, Гена осмотрелся: всего в каких-нибудь полутора десятках метров сидит, гад, на собачий манер, раскрыв белозубую пасть и вывалив язык. Попробовал двинуться в сторону речки — зверь несколькими прыжками преградил ему дорогу. И несчастному ничего не оставалось, как вскочить на тот же дуб и снова улечься в крепкой развилке на пятиметровой высоте.

Отыскивая исчезнувшего вдруг из поля зрения амбу, он осматривал каждое дерево, каждый куст, каждую гущу кустарников, чувствуя, что тигр где-то здесь, совсем рядом. Он заметил его сразу всего — от головы до хвоста! Тот лежал в тени вздыбленных корней большого свалившегося кедра, всего метрах в двадцати. И невозмутимо разглядывал человека, лишь чуть-чуть пошевеливая черным кончиком хвоста.

Тигр был слишком самоуверен. Он прекрасно чувствовал, что человек наполнен страхом, и наслаждался властью над ним. В мозгу Гены таким

чертиком замельтешил вопрос: «Может, тут неласковая моя судьбинушка?» А когда тигр, высоко подняв голову, засверлил пленника пронизывающим взором, он элементарно затрясся. Но взяв себя в руки, принял единственно верное решение: пока не поздно, слезть с дуба, мчаться к речке и одолеть ее в надежде, что тигр в воду за ним не последует. А тропой на другом берегу развить максимальную скорость в сторону кордона. С ором. С угрозами супостату. Ведь не тронул же, когда стал тушить пожар. Ну а в крайнем случае можно вскочить на другое дерево.

Тайга есть тайга, мало ли что... Гена давно научился сопротивляться страху. Бывало, волосы на голове топорщились, коленки подрагивали и к горлу нечто подкатывало... Но он не выпускал себя из рук, всегда контролировал свое поведение. Теперь же он держался только потому, что пребывал в уверенности: взрослому тигру по деревьям лазать не дано.

А тигр между тем встал, блаженно потянулся, глубоко проседая на вытянутых вперед лапах, сладко зевнул, как бы демонстрируя устрашающую глубину пасти и смертоубийственные зубы... И преспокойнейше зашагал к старому дубу, все так же слегка приседая, вытянув вперед голову и не спуская с человека определенно чего-то ожидающих внимательных глаз.

Он долго обнюхивал оброненную у дуба шапочку, затем резким рывком вздыбился, подняв лапы и вонзив когти в кору — поболее чем на трехметровой высоте. Фонтан флюидов человеческого страха шибанул зверю в нос, он опустил на четыре лапы, отошел немного... Но тут же решительно прыгнул к комлю дуба, снова вздыбился и... неожиданно легко полез вверх по дереву — почти как старый леопард.

Что было потом, Гена запомнил смутно, но в память навечно врезалось, как агрессор дотянулся к его ногам лапой... с убранными когтями... и ощупал кеды, при этом вроде бы приветливо и успокаивающе улыбаясь. Гена подтянул ноги под себя. Тигр закарабкался выше. Полез вверх и Гена, в страхе радуясь мелькнувшей мысли: «Просто коснулся ноги, хотя легко мог сдернуть меня вниз — значит нет у него злых намерений...»

Кто скажет, чем бы закончилась тигриная забава, если бы не случайность. Когда зверь добрался до развилки, в которой только что восседал человек, укарабкавшийся почти на вершину дерева, отвилочек не выдержал его двухцентнеровой массы и с оглушительным треском обломился. Через мгновение амба уже прытко мчался прочь, поставив хвост свечой и беззлобно рыкая.

Гена проворно соскользнул с дуба и — дай бог ноги. Птицей рванул он

к речке, ловко спрыгнул с крутого, довольно высокого откоса, стремительно форсировал горный поток и заспешил другим берегом к кордону. Довольный собою, он на всякий случай оглянулся: амба — на противоположном берегу. Так они и неслись вдоль речки: одним берегом — еще не освободившийся от страха человек, другим — вроде бы резвящийся царь зверей.

Напротив кордона Галкин стал кричать и бросать в тигра камни. Вышел напарник и удивился: «Чего орешь?» — «А ты погляди вон туда!..» Под выстрелами амба с достоинством, без зла и поспешности, удалился восвояси...

Егерь-лесник Гена Галкин все так же любит тигра, еще упорнее познает его повадки, но сказать ему «Здравствуй, амба!» уже не желает. Потому что, считает он, по сию пору люди не сумели изучить лютого зверя до истоков естества, много еще в этом хищнике тайн, в том числе и за семью печатями...

Вечерние беседы

Долгими зимними вечерами, когда после трудного дня в таежной избе на широких нарах улягутся отдыхать давние друзья-охотники, о чем только не заходит разговор, какие только удивительные случаи не вспоминаются.

...В тот памятный вечер речь шла о встречах с тигром и его противоречивых повадках. Было много примеров и свидетельств бесстрашия амбы, но говорилось и о его осторожности, переходящей порою в нечто вроде трусости... Один рассказывал о благородстве царя уссурийской тайги, о том, что он с некоторых пор как бы соблюдает в отношениях с человеком нечто вроде вооруженного нейтралитета — не страшится, но и не трогает. И вслед за тем в тесном избяном сумраке звучало противоположное: мол, нагло встал полосатый поперек пути таежника или в открытую пришел прямо к жилому зимовью со столбом дыма из трубы, да не обязательно с намерением утащить собаку или за что-то наказать ее хозяина, непочтительно с ним обошедшегося, а вот взял и дерзко пришел без всякой причины. Но этого рассказчика нетерпеливо перебивает другой: «Не согласен! Для таких визитов всегда есть повод! Хотя бы в том он, что тигр всегда считает себя хозяином собственных угодий, а появившихся в них людей — бездомными пришельцами, которых, по тигриным законам, положено решительно прогонять... Особенно когда копытного зверя становится мало, а человек стреляет его без меры. И разве трудно понять неудовольствие этого мясоеда?»

...Я люблю слушать такие беседы прежде всего потому, что не раз убеждался в глубоких знаниях промысловиками повадок диких животных, их тонкой наблюдательности. В этих разговорах нередко открываю для себя что-то новое. Однажды старый потомственный охотник, отдавший таежному промыслу всю свою долгую жизнь, удивил меня своим «словом» в такой же вот долгой беседе в жилом вечернем сумраке почерневшего от долгого времени зимовья.

«Вот говорят и пишут, — шевельнул он затянувшуюся тишину, — что тигрица не подпускает к своему выводку самца, и даже отца детей своих, потому что он-де и слопать малышей горазд. Ну а чтоб помочь подруге прокормить подросших прожорливых детей — ни-ни! Куда там! Лишь ею добытое, дескать, отобрать горазд!.. Но вот слушайте... Сам видел. В бинокль с обрыва... Принес к логову под комлем громадного дерева тигр-

кот непочатую косулю, положил ее прямо перед головой ко всему изготовившейся тигрицы и довольный улегся рядом с нею... И как же на него набросились примерно трехмесячные тигрята! Как заиграли с ним! За хвост теребят, о бока трутся! А он счастливо жмурится и блаженствует. Даже их мордашки облизать норовит!.. Мать начала есть косулю, котята на свеженину тоже набросились, а он глядит на них и, казалось мне, улыбается... Зимой же по следам я много раз убеждался, что этот котяра вместе с матерью детей охотился и носил добычу в логово, а к весне стал помогать ей обучать наследников охоте...»

Я на этот рассказ хотел было высказать свое уточнение, однако меня опередил более нетерпеливый слушатель: «Да что ты, дед, говоришь! Я вот сам «видел» по следам, как самец пришел в логово в отсутствие тигрицы и задавил тигрят. Всех троих! И ведь не стал есть их, задавил и ушел!» Согласился старик: «Бывает и такое, разве же я спорю... У них, у тигров, всякое случается. Как и у людей: хорошие есть отцы и плохие. Но своих деток, думается мне, тигр жизни не лишает. Давит чужих. Да и не всегда давит, а когда тигров много развелось и всем места уже не хватает... Или с кормами потяжелело... Или такое случается: оказался молодой тигр как бы верховодом над соседними тигрицами, вместо их состарившегося хозяина стал им мужем. Или погиб тот. Тогда молодой «освобождает» своих жен от детей почившего отца...»

Однако затеял я этот рассказ ради другого... Мой давний добрый приятель, занимавший важный пост в одном из солидных управлений охотничьего хозяйства, поведал при мне однажды о случившемся с ним горе. Само по себе то событие не оказалось новостью, но важно было, что свалилось оно на высокого начальника по части охраны природы и ее рационального использования.

«Видит Бог, — тихо начал он, — скажу вам правду. Двадцать лет я был ярым сторонником безоговорочной охраны тигров и за всякое поползновение на них старался наказать построжее. Собаку задавил и съел? И другую? Ну что же, судьба их такая. Ты, мол, знаешь ведь, что тигр не терпит псов, как и всю волчью родоу, состоящую в вечной вражде с родовой кошачьей, а собачатину дюже уважает... Разве можно ставить жизни собаки и тигра на одну полку? Закон для кого писан? Отчего во всех Красных книгах значится тигр, а пес — ни в одной?.. Но пришел срок и мне потерять преотличнейшую лайку, самим выращенную, воспитанную, обученную и натасканную... Любимым другом всей семьи ставшую... И скажу честно: увидь я того тигра в минуты охоты на собаку или вскоре

после того, застрелил бы, не раздумывая. Только тогда я вспомнил мудрую восточную поговорку: «Волк остается волком, если он и не съел твою овцу». Но послушайте все по порядку.

В феврале это случилось. Собрались мы втроем охотничий участок одного из нас проведать да, на весну глядя, «разоружить». И взяли с собой мою лайку, засидевшуюся в городской квартире. Пусть, мол, порезвится да разомнется. На уазике поехали. По лесовозной дороге до нужного места добрались уже поздним вечером, потом с километр долго пробивались по закипевшему в наледях ключу... А пока разгрузились, избу обогрели, поужинали — ночь опустилась. Прикрутили огонь в лампе, улеглись, и потянулись беседы «за жизнь» нашу окаянную. И вдруг пес мой, успевший всласть набегаться и блаженно дремавший под нарами, высунул голову, уставился на черноту окошка и заворчал этак странно. Вроде бы и с предупреждением, и с опаской. Поворчал и опять улегся. А через несколько минут снова подал тот необычный голос. Выглянул я за дверь, посветил фонариком, послушал онемевшую темень — никого...

Уже за полночь, досыта наговорившись, решили мы спать, а на сон грядущий дать собаке прогуляться... Все вышли. Постояли. Поговорили. Позевали минут пять. Позвал я лайку — тишина. Подождал с минуту, предположив, что вздумал пес поразмяться основательнее, и опять покликнул — ни его, ни голоса. И тут слышу взволнованный голос: «Идите-ка сюда! Поглядите!.. Ах ты, нахалюга!» Подошел к говорившему под окно избушки и на нетронutom снегу увидел совершенно свежие отпечатки тигриных лап. Они ясно свидетельствовали о том, что полосатый несколько раз подкрадывался к окну и, вполне возможно, преспокойно нас разглядывал. Именно в те минуты собака ворчала...

Руки мои опустились, и горло моментально пересохло от мысли: «Все, нет больше друга моего». Выстрелил в одну сторону и в другую в ничтожной надежде на то, что все же примчится на выстрелы, чему был обучен, мой четвероногий дружище. Но нет, не дождался. А «парные» тигриные следы, которые увидел я в луче фонарика, были пропечатаны и вокруг избы, и у навеса, и на лыжняx, уходивших в тайгу в разных направлениях.

Все прояснилось с рассветом. Та самая тигрица, с пяткой шириною в девять сантиметров, с глубоким поперечным шрамом на подошве правой передней лапы, что в прошлые годы на этом таежном участке задавила и съела трех лаек, заслышав прикатившую автомашину, вышла на ее след по ключу, а с наступлением темноты притопала прямехонько к зимовью. Обследовала все вокруг него, в том числе и автомашину, в окно

заглядывала бесцеремонно и подолгу — аж снег под лапами замокрел. И терпеливо ждала удобного момента, чтобы поймать собаку.

Схватила она лайку и задавила, не стесняясь трех мужиков, в десятке метров от них, да так профессионально задавила, что та и голос подать не успела. И спокойно ушла с добычей по каменно натеренной лыжне. И ведь столь невозмутимо уходила, что даже шагу не прибавила при наших криках и выстрелах.

Схватила она лайку и задавила, не стесняясь трех мужиков, в десятке метров от них, да так профессионально задавила, что та и голос подать не успела

В ярости я встал на лыжи, схватил карабин и, бог знает на что надеясь, споро помчался по следам бандитки... Та шла по лыжне метров пятьсот, потом свернула и поперла снежной целиной. И все время уходила без остановок, но спешила спокойно. И понял я, что поторапливалась она с добычей к логову с тигрятами.

Ей-богу, не окажись у меня в то утро неотложных дел, да будь я там один, не связанный обязанностями с коллективом, добрался бы до логова и порешил бы и ее, и котят. Шел ведь и чуть не плакал, потому что пес был не просто другом и помощником, но членом всей моей семьи».

Помолчал рассказчик, повздыхал, клубя сигаретным дымом, и закончил быль выводом:

«С тех пор я разбираюсь с протоколами о самовольных отстрелах тигров при защите от них собак или же из мести за содеянное зло со знанием дела и при определенном снисхождении...»

И на владыку находится сила

Старый промысловик, с которым я однажды только-только начинал познавать таинства поисков знаменитого корня жизни — женьшеня, на одном из ночных привалов, когда вокруг нашего костра ходил и возмущенно-пугающе ревел явно обозленный нашим появлением тигр, поведал мне, в числе прочих, и такую быль.

«Желудей тогда много было, а кедр не уродил, и собирались кабаны табунами в дубняках. Я как-то добыл двух чушек, разделал их и отдыхал. День был теплый и тихий, лес, сбросивший листву, просматривался хорошо, и я разрешил себе поваляться на сухом бугорке, планируя завтрашний день. Хорошо-то как было! Даже вздремнул по-заячьи — вполглаза и вполуха... Сперва я кабаньих табун слухом уловил: ты ведь знаешь, когда чушки кормятся, их далеко слышно. Приподнялся, насторожился. И уже через несколько минут увидел. Метров триста до них было, но расстояние быстро сокращалось, потому что кормились звери ходом. А в мою сторону шли косогором наискосок. Шумно и беспечно топали, хрюкали, хрумкали, взвизгивали. Тоже ведь радовались обильному харчу и хорошей погоде. Я даже на них залюбовался, хотя карабин по вьевшейся таежной привычке в руки все-таки взял... Но вдруг заухали мои кабаны и — врассыпную. Кто куда держал рыло, туда и рванул. Как ветром всех сдуло! А на том месте, где только что кормился свиной гурт, я неожиданно увидел тигра, уткнувшегося мордой в горло добычи. Она молча всю била ногами, амба же крутил хвостом, все ниже пригибаясь на передних лапах... И вдруг откуда ни возьмись — секач! Здоровенный такой, почти черный. Как каменная глыба. Может, он и стоял там, не убегая с табуном, а может, и подскочил, не знаю, потому что не видел. Тигр, судя по всему, тоже не замечал вепря, и пока не «успокоил» свою жертву, голову не поднял. А увидел — копьём метнулся на кабана. Возмутился ли дерзостью его или не хотел упускать то, что само «шло в когти», хотя и не было у него потребности в другой свинье. Это ведь по незнанию говорят и пишут, что тигр — рачительный «пастух», на самом же деле сколько может — столько и «берет». Ну ладно, думаю, второй готов. А не так-то было! Секач, задрав рыло, прыгнул навстречу вражине, и в какой-то миг они поменялись местами. Тут полосатый начал беситься — рыкать и реветь, хватать пастью кусты и бить лапами по деревьям, то задирая башку кверху, то вытягивая шею к неприятелю над самой землей. Кабан же стоял молча и

неподвижно и только клацал клычищами, выбивая густую светло-желтую пену. Но стоило тигру опять на него прыгнуть, снова метнулся ему навстречу. И тут я заметил, что когда агрессор будто бы пролетал над секачом, в прыжке, в самой высокой его точке, кабан бил его рылом снизу. И так раз за разом. Потом сцепились...»

Рассказ старика волновал меня, я живо представлял страшные для тайги события. Тревожность моего настроения обостряли тигриные взревы из совсем уже близкой ночной темени. Словно чувствовал амба, что о нем говорят, мало реагируя на то, как царь уссурийской тайги гневается из-за вторжения в его собственные владения. Однако мой спутник тоже обозлился, закричал на нахала во всю силу горла, стал стыдить и грозить, а в завершение своего «обращения» пошел на этого царя, стуча палкой по чайнику и попросив меня посветить головешкой из костра. Никогда не пел я песни «безумству храбрых» и потому не позволил напарнику удалиться от табора больше чем на десять шагов. Но их вполне хватило для того, чтобы хищник сначала примолк, а через несколько минут подал голос уже на спокойных тонах и с порядочного расстояния. Всякий зверь, и особенно тигр, безошибочно чувствует, бояться его или нет.

...Успокоившись и выпив кружку чаю, мой спутник принялся было укладываться спать, однако я упрямил его продолжить свой рассказ, и он не отказался.

«Сцепились, значит, — слушал я вполне спокойный голос рассказчика. — Жуть была! Казалось, что не только меня трясло, но и небо, и сопки, и вся тайга в страхе качалась... То тигр был на спине вепря, то он, сбросив с себя врага, бил и рвал его клыками, топтал копытами... И не так долго сражались, как вдруг полосатый неожиданно пустился наутек. Он оглядывался на кабана с каким-то сожалением, а вскоре исчез в распадке ключа. Секач же стоял монументом, глядел тому вслед и не шевелился, наверное, с полчаса. Потом тихо ушел искать родичей, все же пошатываясь и останавливаясь, как бы для трудных раздумий. А я в те минуты подумал, что надо оприходовать ту первую тигриную добычу — чушку-то, да взял в итоге и тигра. Прошел немного по его следу — кровища хлещет из него... А на кусте орешника повис обрывок кишки... Еще... И еще... Ясно: быть тигру покойником... Освежевал я подсвинка и вытропил амбу. В ключе он был, мертвый. Как опустил голову в воду, чтобы напиться, так и не поднял ее... Понял потом, что это тигрица. По соскам виделось, имелись где-то у нее тигрята. А вся шкура несчастной оказалась исполосованной секачиными клыками... Да-а, и на владыку находится сила супротивная...»

Полежав на своей козлиной шкуре, закинув за голову ладони, мой

собеседник долго о чем-то размышлял, вспоминая былое, потом задремал. Я его не будил, потому что повисла над нами самая глубокая ночь. Но он сам проснулся от истошных криков неясности, приподнялся и заговорил оживленно, словно сиюминутно вспомнив интересную быль. Подумал было я, что она будет о пугаче-неясности, оказалась же — о тигре.

«А в молодости я и не такое видел, — начал он, подбрасывая в гаснувший костер дрова. — Как-то скрадывал я изюбра в рев. Дело было в редколесье по склону горелой сопки, густо заросшей молодняком. Я пробирался вниз и того беснующегося в страстях своих быка уже хорошо видел. С полутора метра изготовился было стрельнуть, как вдруг заметил подобравшегося к нему и уже изготовившегося к прыжку тигра. Затаился он за выворотнем, полосатым боком ко мне. И тихо так перебирает лапами... А солнце шпарит прямо в него, такого яркого на зеленом лесном фоне, что невольно залюбовался я им, даже как бы сам себя загипнотизировал... Но недолго пялил на него глаза — стрелой полетел хищник на свою добычу. Молча. Один прыжок, как взрыв бомбы, тут же другой, а третьим атака должна была завершиться. И только успел я, грешным делом, подумать, что застрелю на быке хищника и будет у меня на один патрон две добычи, а в то время охота на тигра еще не запрещалась, как изюбр мгновенно развернулся к врагу с низко наклоненной головой, резко мотнул ею вверх, и тигр полетел через его спину. А изюбр успел-таки принять врага на свои рога и с неожиданной для меня легкостью швырнул эту тяжесть поверх себя... В следующую секунду бык мчался прочь, забросив эти рога на спину, а тигр бился в судорогах. «Успокоился» через несколько минут. Подхожу к нему медленно, винтовку держу на изготовку... Смотрю, мертвый, а в груди краснеют две глубокие раны. Когда освободил его от шкуры, увидел, что даже сердце проколото... И кто бы мог подумать: изюбр запарол тигра! Скорее всего, бык и сам этого не ожидал, а вот вышло...»

«И на владыку находится сила», — повторил еще раз старый охотник.

А изюбр успел-таки принять врага на свои рога и с неожиданной для меня легкостью швырнул такую тяжесть вверх себя

На всю жизнь я запомнил ту летнюю бессонную ночь с рассказами своего наставника по женьшеневому промыслу о гибели тигра от обороняющихся жертв, а теперь вспоминаю нечто похожее.

Одна из минувших зим, в которую потянула меня память, была особенно холодной и многоснежной, да еще и голодной. Идешь, бывало, на лыжах и удивляешься: в лесу ни валежин, ни пней, ни иного хлама, над снежным саваном одни лишь деревья высятся да кое-где верхушки укутанных им кустарников и коряг.

Случалось, пройдешь по глубокой траншее, оставленной излюбром, и увидишь: глядит на тебя будто отрубленная рогатая голова, воткнутая в белое. А кабанов, косуль, кабарог снег укрывал выше их макушек...

...Было тихо и грустно, хотя и ярко светило солнце. Я устало поднимался по ровному пологому склону кедровой сопки, волочась на широких и все же глубоко проседающих лыжах... И вдруг удивился: на пухлом белом саване метрах в двухстах впереди зияла угольно-черная «заплата». Прошел к ней немного в раздумьях: «Что бы это означало?» — и догадался, что была то оголенная земля, и что сделать это в безлюдье могли только большие сильные звери. Но кто? И зачем?

...Снег широкой полосой вокруг оголенной черноты земли был густо истоптан тигриными и медвежьими лапами, кустарник и молодые деревца изломаны и измочалены, деревья во многих местах светлели вскрытым лубом... Стою, осматриваюсь, прислушиваюсь и думаю... И совсем неожиданно замечаю в каких-нибудь пятнадцати метрах темно-бурую медвежью громадину. Он лежал на ворохе всякого хлама, зло и пристально глядел на меня, пытаюсь угадать мои намерения. А видел он меня, конечно же, давно, и не атаковал лишь потому, что упорно надеялся: не заметит, не подойдет и повернет назад. Теперь же, когда мы смотрели глаза в глаза, ситуация стала критической для обоих. Я снял карабин с плеча и оттянул пуговку затвора, он тоже встал и напрягся в боевой позе, ни в малой мере не намереваясь отступить. И поплатился за это жизнью.

Почему же я стрелял? Да слишком большой была вероятность нападения. К тому же я знал, что до весны этому шатуну все равно не дотянуть, а бед таежному зверью он успеет наделать много.

Однако главная суть этой были не во встрече с шатуном: на оголенной земле, перемешанной с черным снегом, валялись большие и малые клочья тигриной шерсти и шкуры, старательно обглоданные кости и половина хвоста. А рядом с остывающей медвежьей тушей лежала тигриная голова. Морда погибшего властелина выражала страдание и ужас: глаза лезли из

орбит, пасть с пеньками сломанных клыков раскрыта, из нее вывален язык, уши плотно прижаты...

Я представил, как долго и ожесточенно сражались эти гиганты уссурийской тайги, как в какое-то время стал одолевать гораздо более выносливый медведь, как в конце концов сомкнул он на полосатом горле свои могучие челюсти и не разжимал их до тех пор, пока с жертвы не сбежала последняя дрожь предсмертных судорог. Погибельная жуть так и застыла на морде несчастного...

Потом я терпеливо кружил вокруг арены сражения, нашел следы, ведущие к ней, походил по ним и составил версию бескомпромиссного конфликта... Нещадно голодавший «буряк» из-за невозможности прокормиться при таких завальных снегах давно увязался за более ловким в охоте тигром, постоянно бродил за ним, доедая остатки царских трапез, а то и нагло отбирая законную добычу полосатого владыки... И наступил момент, когда они уже не могли разойтись без сражения: один ожесточился из-за невозможности залечь в берлогу по причине отсутствия нужных для этого жировых накоплений, холода и голода, у другого же лопнуло терпение...

И вновь припомнились слова промысловика у костра: «И на владыку находится сила...»

Свобода или смерть!

Не так и давно съемочная группа заморских киношников прилетала в Приморский край для съемок фильма об уссурийской тайге, в котором особая роль предназначалась здешнему тигру. И понадобился настоящий вольный царь зверей во всей красе и мощи.

Местные охотоведы сконструировали и построили крепчайшую ловушку, хитро поставили ее в лучших тигриных угожьях, замаскировали и насторожили. А для приманки привязали голосистую собачонку: знали ведь, что поймавшийся хищник, как бы ни бесновался, песика не тронет. И тигр оплошал, не раскусив коварный подвох знатоков дальневосточных зверей.

Он оказался в расцвете сил и великолепия: рослый, могучий и стройный, в необычайно элегантно одеянии. Сам я не видел и не слышал, как вел он себя в первые минуты, часы и сутки пленения, но мне об этом поведали в красочных подробностях. Впрочем, и без этих рассказов вовсе не трудно было представить, как от жуткого и яростного рева притихли тайга, горы и даже небо, и все в них суще.

Тигр с неистовым упорством бил, гнул, грыз железные прутья клетки, пытался сбросить с нее потолок и развалить пол. Все в нем пылало короткой и непреклонной клятвой: «Свобода или смерть!» Но железо было ему неподвластно, и казалось, что сердце зверя на грани разрыва.

Но все же выдержало.

У любой силы существует предел. Любая ярость со временем притухает и растекается под гнетом сложных сплетений бытия, то вспыхивая, то вновь смиряясь. Плененный тигр в конце концов устал биться, окончательно поняв бесполезность любых попыток вырваться на волю, но смириться с ее потерей не мог. В запредельном отчаянии и глубочайшем стрессовом состоянии он ходил и ходил по клетке, то низко и горестно уронив голову, то высоко и непокорно подняв ее под самый потолок. С углов рта опускались полосы спекшейся бурой крови, избитые о железо лапы тоже были в кровавых струпьях. При каждом приближении людей он туго напряжинивался, оголял искрошенные о металл до основания клыки с кровоточащими деснами и приглушенным рыком сожалел о своем бессилии... И так неукротимо сверкали горячим расплавом желтого металла его глаза, полные вполне осмысленной печали и воспоминаний о вольной жизни, что ни у кого из людей не оставалось

сомнений: он все прекрасно понимает, но сломить его нельзя. Он не притрагивался к подброшенному в клетку свежему мясу и даже не пил воду, не лакал снег, хотя нутро его напрочь опустело, иссушила жажда.

Киношникам прежде всего хотелось отснять сюжет об отлове тигра в тайге, как говорится, вручную. Только они не принимали во внимание обстоятельство, что тигроловы для поимки ищут тигрят, и чем меньше они, тем лучше. Годовалого «кота» весом в полсотни килограммов бригада вяжет уже с трудом. Тех же, что вдвое старше, ловить решаются не всегда. Знаменитая ватага во главе с потомственным тигроловым Игнатом Трофимовым однажды пошла на такого, но если бы не своевременный выстрел в упор, быть бы бригадиру, вмиг подмятым юным зверем, задавленным... А этого полосатого красавца, что бесновался в клетке, без кровавых потерь не связать было и взводу гренадеров.

Но хитроумный человек горазд решать любые проблемы. Он пошел на уловку — вязать полусонного тигра. Ведь проще простого: впрыснуть ему под кожу обездвиживающий препарат, а когда зверь начнет, теряя силу и активность, засыпать, выгнать его на волю в загодя огороженном лесном островке якобы уссурийской тайги... Так и сделали. Но для надежности и безопасности вокруг «сцены» выставили вооруженное оцепление. А съемочную группу подняли в специальной железной люльке повыше — для лучшего обзора и... той же безопасности.

Однако освобожденный невольник, уже наполовину сваленный коварной инъекцией из вполне безобидного шприца, повел себя не так, как предполагали люди. Собрав в тугой узел еще не совсем усыпленную силу, он с отчаянным злом бросился к люльке с людьми... Хотя вполне мог бы уйти в заманчиво темнеющую перед ним тайгу, не зная, что ждут его там с рогулями и собаками тигроловы в усиленном составе.

Не будь он практически обездвиженным, первый же его прыжок достиг бы цели, и тогда... Ведь одного удара тигриной лапы достаточно для того, чтобы свалить насмерть даже быка. Но каждый очередной прыжок зверя был короче и ниже предыдущего, потому что тело быстро выходило из повиновения.

Вконец засыпающего царя-гладиатора отвлекли от киношников к лесу спущенными с поводков собаками, и тут же дюжие звероловы пошли на него тесной командой, оцетинившись рогулями. Операторы торопливо спустились на землю и заспешили к ним. Тигр же, бросив собак и охотников, из последних сил метнулся на этих киношников, угадав звериным чутьем прямых виновников своего бедственного пленения.

Ему не хватило единственного прыжка — пули остановили хищника.

Но он успел раздавить то, что швырнули в него насмерть перепуганные авторы фильма. Он увидел их совсем рядом повалившимися в снег с белыми лицами, почувствовал запах их страха. Он, уже сваленный свинцом, скребся к ним лапами с напряженно раздвинутыми и выпущенными когтями... Его сузившиеся глаза горели черным огнем неукротимой ярости и жадной мести, никогда до этих дней им не испытывавшейся.

И в эти драматические мгновения сердце его, не выдержав физического и психического напряжения, остановилось. На личине застыла неукротимая ярость, жажда мести, а в угасающем сознании медленно таяли последние мысли.

Он так и не смог понять, за что и по какому праву с ним обошлись столь жестоко. Ведь он всю жизнь обходил людей стороной, и по возможности дальней. Не приближался к их жилищам, в том числе и к таежным избам, построенным в его владениях. Не трогал принадлежащих им животных, и даже собак старался не замечать. Подумать только, он не мешал людям охотиться в собственных своих угодьях, причем на то зверье, которым сам кормился!.. А в последних проблесках сознания раз за разом обозначалось его единственное желание: «О, если б выжить и оказаться на воле!»

Это я так предполагаю, какие мысли могли быть в голове погибающего тигра. А догадаться нетрудно, потому что они тоже застыли на его мертвой личине увековеченной на фотографии. Сам себе я задаю вопрос: почему упорное преследование тигра человеком считается просто охотой, нападение же владыки уссурийской тайги на него, и даже в порядке самозащиты, расценивается не иначе как преступление? И тигру незамедлительно присуждается высшая мера наказания?

Пять дней по следу тигра

Пунцовое, будто бы от стыда, но плохо согревающее декабрьское солнце уже коснулось края сопок, когда я наконец ступил на тропу. Она криво протискивалась между могучими кедрами, елями, ясенями, то забегая в глубь леса, то выходя к берегу горной реки, стило плескавшейся на перекатах. Река эта с ласковым названием Васильковка зарождалась в обомшелых глыбах Сихотэ-Алиня, и уже через каких-нибудь двадцать километров от истоков с ней приходилось считаться всерьез.

Последние дороги моего учетного охотоведческого маршрута пролегали по склонам распадка, где не так давно рубили кедр. Только кедр. Вывозили первосортный кругляк, оставляя рядом со скорбными, как надгробия, пнями груды обрубленных веток, спиленные вершины, дуплистые чурбаки и даже бревна. Сейчас здесь царил перевозданный хаос: буйно разрослись молодые деревца и кустарники, и актинидия коломикта все перевила своими лианами.

С трудом продираясь сквозь эту чащобу, я поминутно ругал себя: сначала за то, что вообще сунулся сюда, а потом за то, что вовремя не повернул назад. Но все проходит, и нет худа без добра. По наторенной охотниками тропе после пройденной штурмом лесосеки идти было легко и приятно. А вскоре я увидел и следы крупного тигра, дважды за последние три недели пересекавшего тропу в одном и том же месте — с юго-востока на северо-запад. Судя по всему, это был один и тот же зверина, которого я уже считал своим старым знакомым.

Первый раз я увидел отпечатки его лап 21 ноября. Он же прошел здесь след в след и в том же направлении через десять дней. Сегодня было 13 декабря...

Одно дело думать о тигре в уютной городской квартире, другое — здесь, в тайге. Сердце учащает свой ритм только от мысли, что в любую минуту можешь услышать страшный, ни с чем не сравнимый тигриный рев, от которого стынет кровь в жилах и дыбятся волосы под шапкой даже у выдавших виды охотников.

Чтобы как-то убедить себя, что мое зрение и слух напряглись просто от небольшого волнения, я начал припоминать различные случаи... На реке Бикине опытный охотник-медвежатник дядя Ваня, здоровенный верзила, увидев однажды около своего зимовья свежие следы тигра, тут же покинул тайгу, хотя и знал, что медведь на человека нападает куда как чаще, чем

тигр. Мой земляк лесоруб Семагин — охотник с детства, выйдя однажды тихим летним вечером из таежного барака и увидев спокойно сидящего в десяти метрах и внимательно наблюдающего за ним тигра, на несколько часов потерял дар речи. Старик Юрганов часто рассказывал, добродушно улыбаясь, как в свои шестьдесят лет, неожиданно встретившись с амбой глаза в глаза, птицей летел к зимовью по едва заметной закоряженной тропинке.

...Следы тигра на льду выхватывались взглядом неожиданно, после крутой излучины реки, изгибы которой неуклонно повторяла тропа. Я с нетерпением спешил к этому месту, надеясь увидеть свежие отпечатки лап могучей кошки. Интуиция подсказывала, что полосатый хищник должен был пройти вчера или позавчера.

Он действительно здесь прошел, опять ступая след в след. Это было хорошо видно еще издали, ибо накануне ночью выпала воздушной мягкости пороша. Взрыхленный лапами грозного хищника снег мерцал, отражая бело-розовые блики заходящего солнца.

Проследив путь тигра по берегу и убедившись на всякий случай, что могучего зверя поблизости нет, я с интересом начал осматривать оставленные им отпечатки.

Все видели на снегу миниатюрные следы домашней мурки? У тигра рисунок «печати» точно такой же: крупная сердцевидная пятка, по форме напоминающая треугольник с широким, прогнутым основанием и закругленными углами, впереди которого четыре овальные продолговатые вмятины от пальцев, расположенные как бы веером. Бороздок от когтей не видно: у кошек они, как известно, втяжные. Разумеется, следы у тигра огромные, иной едва шапкой накроешь. И совсем немного воображения требуется, чтобы представить силу удара такой лапой.

У разных тигров вмятины от пяток по величине не совпадают. Старательно замеряя ширину пятки передней или задней лапы, довольно легко отличить одного зверя от другого. У этого, «моего», прошлые замеры дали 12,3 сантиметра. А сейчас? Отыскав четкий оттиск передней лапы, кладу поперек пяточной части походную стальную линейку — 12,3! Тот же!

Поздно вечером в зимовье, лежа на нарах и перебирая в мыслях всякое, я вдруг подумал: «Нужно протропить этого амбу, походить по его следу! Он ведь регулярно обследует свой участок. По следам, почти как по книге, можно прочитать поведение зверя. Мы ведь до сих пор еще мало знаем жизнь вольных амурских тигров».

Но как тропить? Если идти по свежему следу, то, во-первых, без

товарища-напарника страшновато, а во-вторых, тигр рано или поздно почувствует слежку и одним махом перейдет в другой район. Тогда уж вряд ли его догонишь. Да и тропление потревоженного зверя мало что даст.

А что если идти по старым следам? Они хорошо сохранились, так как за последние две недели выпала всего одна пороша. Никто тигра не беспокоил и уже не сделает этого. Правда, подобное крайне опрометчиво и чревато бедой — ходить по тайге одному, но что поделаешь! Иногда мы поневоле нарушаем правила техники безопасности. Я имел право, даже был обязан, нанять на время своих таежных работ проводника, да где его возьмешь за девяносто рублей в месяц! Бывалый охотник ружьем и капканом может заработать в двадцать раз больше, не обременяя себя обязанностями.

На следующий день я расспросил промысловиков, живших со мною в зимовье, о «моем» тигре. Оказалось, что крупный зверь «мужского пола» уже давно обитает на Васильковке, выше села, брошенного людьми в лихолетье. Охотиться предпочитает по левым притокам реки — Половинке, Мазуренкина и Свекровкина, где всегда много изюбров и кабанов. Его свежие следы встречаются по всему водосбору Васильковки. В прошлом году в верховьях реки жила тигрица с котятами, но летом ее убили нравственно одичавшие и циничные охотники. Убили просто так — наткнулись на отдыхающую у недоеденного изюбра тигриную семью и обстреляли ее, хотя нужды в этом никакой не было. Тигрята разбежались и, конечно же, погибли.

Разговорились о тиграх. Виктор, охотник помоложе, окуривая нас махорочным дымом, не то рассказывает, не то недоумевает:

— Ну никак не пойму я тигров! Иной раз они такие осторожные! Бывает, всем своим нутром чувствуешь их присутствие, а не видишь. А то вдруг нагло появляются у избушки среди бела дня и гоняют собак. Или повадятся подходить к деревням, таскать свиней, коров, лошадей. Глядишь, еще какой номер выкинут...

Андрей Ефремович, старый промысловик, разъясняет:

— Это разные тигры, Витя. Среди них, конечно, больше осторожных, но и нахальные попадаются. Часто хулиганят молодые тигры — силы у них уже много, а ума и опыта еще не нажили. В деревни же за скотиной шастают больные, старые да покалеченные — этим ничего другого и не остается. Зато вот если собака перед ним — любой тигр в азарт приходит, никак не может он спокойно видеть ее. А знаешь почему? Кошка и собака завсегда заклятые враги... И еще в толк возьми: амба очень любит собачатину, любому другому мясу предпочитает ее. Сколько псов у

охотников передавили полосатые в последнее время! Как будто войну им объявили. У меня в прошлом году двух съели, а ныне последнего покалечили.

Подумав немного, Андрей Ефремович обращается ко мне:

— Не попадается на глаза человеку, но и не боится его. Осторожен! Страсть как смел, но скрытен. За человеком следит часто, потому как любопытен. А вот начинаешь его тропить — ожесточается. Очень не любит, когда по его следам идут. Затекает делать круги, и уже не поймешь, кто кого выслеживает. А то засаду сделает, особенно ранен если. Ты учти это, Серега...

Я все это давно и хорошо знаю, но благодарю Андрея Ефремовича за полезную информацию.

Сборы недолги. В рюкзак уложены котелок, кружка, ложка, консервированные супы, чай, сахар, сухари, кусок кабанины, топор, тент, электрический фонарик, фотоаппарат. Нож на поясе, спички в кармане. Готово! Ружье? А зачем? Только мешать будет продираться по чащобе. В общении с тигром оружие — плохой помощник.

— Всего доброго, друзья! Буду дней через пять!

— Смотри, Серега, не помри от страха. Если не вернешься через пять дней, будем искать...

Тигром я занимаюсь не первый год и всерьез, однако намерение встать на несколько дней на тигриную тропу вызрело во мне вовсе не от личного интереса. Вернее, не только из-за него. Зверь этот для охотоведов Амуро-Уссурийского края — важный объект исследований. Он серьезный конкурент охотничьего хозяйства. Скрещение интересов сошлось на кабане, изюбре, косуле, медведях. Такому, например, как «мой», в год их подавай голов шестьдесят — семьдесят...

Нам нужно поточнее знать, сколько и каких зверей уходит на прокорм всех тигров в том или ином районе и в общем по краю, дабы обосновать планы отстрелов для промысловых хозяйств и охотобществ.

Сосчитать полосатых владык — полдела, нужно к этому еще выявить, сколько они добывают по необходимости, что называется, «на прокорм», сколько мяса бросают недоеденным... Ведь и не без того, что царственные хищники, пользуясь своим могуществом и охотничьей виртуозностью, губят зверей напрасно, вообще без необходимости. Рачительными «пастухами», «берущими» из стад ровно столько, сколько требует желудок, их считают по незнанию...

Идти по мягкому снегу легко, и потому я выхожу на тропу тигра с

бодрым настроением и с некой радостью делаю первую запись в полевом дневнике: «14 декабря, 10.30. Отсчет шагомера 0000. Тихо, ясно, мороз 18 градусов. Начал тропление тигра. Назову его Пантелеймоном».

Пантелеймон идет, ступая в «стаканы» своих старых следов. Ширина его шага шестьдесят пять — семьдесят сантиметров. Прекрасно — это подходит мне, и я тоже шагаю след в след. Думаю, про себя улыбаясь, не обидится ли тигр за такую фамильярность? Сам-то он не упускает ни одной возможности пройти по следам охотников! Иной раз ради любопытства, чаще всего просто потому, что по чужим следам легче ступать — по человеческим, медвежьим...

Прохожу ровным местом по молодому леску с одинокими елями и старыми дубами. Иногда с шумом продираюсь сквозь густой орешник, и это мне даже нравится: пусть слышит тигр, окажись он случаем поблизости, что иду я, человек, и его вроде бы не боюсь!

Размечтавшись на бодрящем воздухе, я вздрогнул от шума, который поднял... выскочивший из-под ног маньчжурский заяц. Есть у этого зверька странности, например, привычка крепко затаиваться. Иной раз смотришь на него, простака, в упор, а он и глазом не моргнет. Думает, не видят его. А потом вдруг задаст такого стрекача, что и ружье сдернуть с плеча не успеешь! Вот и сейчас серо-бурый комок в мгновение ока исчез и вскоре затих где-то неподалеку. А сердце мое успокоилось гораздо позже. Пристыдив себя за позорный испуг, а заодно обругав лопухого, двинулся дальше.

Вот и поляна. Тигр здесь с маху бросил свое тело в снег, четко отпечатав туловище от морды до хвоста. В этой позе он лежал долго, может быть, полчаса, потому что снег под ним, подтаяв, сильно огрубел. От корня хвоста расходился веер вмятин — зверь изредка хлестал им по снегу. Достāju рулетку. От носа до хвоста — 189, хвост — 96, высота в плечах — 110 сантиметров. И тут же отмечаю: крупный хищник, весить он должен примерно 190 килограммов. У такого обхват груди почти два метра, а шеи — не менее семидесяти пяти сантиметров... Такая вот нудная, но нужная «бухгалтерия». И не очень веселая: а ну-ка сойдись с ним в узком месте, да еще когда он чем-нибудь обозлен...

Отдохнув, Пантелеймон пошел своим старым следом, поднялся косогором на поросшую дубняком сопку и снова лег. Старых лежек здесь оказалось несколько. Видимо, это был наблюдательный пункт зверя. Отсюда великолепно просматривалась долина речки Свекровка и стискивающие ее таежные горы. У тигра, как и у всей кошачьей породы, острое зрение, и он имеет обыкновение часами высматривать свою добычу

с возвышенного места. А может, он думает о чем-либо, осматривая свои владения? Ведь этот царственный зверь бесспорно умен.

Присев на валежину, я тоже огляделся. Тайга, тайга, куда ни глянь... Лишь вблизи она была когда-то прорежена и обезображена лесорубами. Противоположный склон долины щетинился изумрудно-зелеными кедрами и более темными островерхими елями. Лесистые голубые сопки уходили в бесконечность, растворяясь у горизонта в легкой дымке. Совсем близко бурел старый дубовый лес с редким подростом. Здесь часто бродят кабаны — их следы видны повсюду. А изюбры зимою предпочитают разнопородные леса с обильным подростом молодняка и густыми кустарниками. С высоты зорким глазом вполне можно увидеть, где они отлеживаются после предрассветной кормежки, или же догадаться по густоте и свежести набродов, где прилегли и затаились.

Последняя лежка тигра обледенела. Поднимаясь с нее, амба оставил в корочке льда несколько мягких светлых волос со своего брюха. Выложил длинную «веревку» из кабаньей шерсти, загреб ее снегом и снова долго стоял: снег под лапами подтаял до самой земли.

Видимо, Пантелеймону на этот раз не довелось заметить и подстеречь добычу, и он лениво спустился старым следом в крутой распадок ключа. На небольшой утрамбованной площадке под густой куртинкой молодых елей разбросаны остатки съеденного поросенка — голова, желудок и копыта. Обнюхав их, тигр, не задерживаясь, пошел дальше. Очевидно, он не был голоден. Преодолев полсклона горы, Пантелеймон почему-то лег поперек своей тропы, потом поднялся, сделал несколько коротких шагов и снова стоял неподвижно — наблюдал за местностью, опять обледенив свои следы. Потом, крадучись, спустился до ключа и там останавливался несколько раз. Ясно: кого-то учуял профессиональный охотник и соображал, как лучше поохотиться.

Мне бы по более старому следу идти, да любопытство разобрало: кого скрадывал зверь? А любопытство, как известно, часто бывает сильнее здравого смысла и нередко подводит...

За толстым кедром Пантелеймон тоже долго стоял, очевидно, осторожно выглядывая из-за него. Выглянул и я. От кедра к кустарнику протянулась длинная борозда взрыхленного до сухих листьев снега: тигр полз. Обрывалась она у старой поваленной липы. Подле нее хищник терпеливо лежал на брюхе, поджав под себя лапы.

А вот здесь он сделал огромные прыжки по набродам кормившихся изюбров. Видны следы их стремительного бега. Вовремя учуяли смертельную опасность! И погоня длилась недолго: тигр хорошо понимал,

что догнать испуганного быстроногого оленя в густом кустарнике не удастся. Лег. Долго смотрел в сторону, куда ушла добыча. Потом лениво повернул назад. Вероятно, на морде у него в то время было написано: нужны вы мне больно!

Интересно, а далеко ли убежали изюбры? Иду по их следам, замеряю длину прыжков: четыре, пять, а под уклон и шесть, семь метров. Но скоро они стали короче, затем звери остановились... Потоптавшись, пробежали трусцой еще немного и снова встали. Можно было бы подумать, что они не боятся своего грозного врага, но их испуг выдавали множественные оранжевые пятна на снегу: напуганное животное часто мочится. Тем не менее страх недолго держал их в своей власти, и они начали пастись.

Какая, думаю на ходу, разница в повадках волка и тигра! Серый в такой ситуации упорно преследовал бы избранную жертву до изнеможения, а вот полосатый не любит гоняться. В его правилах — взять добычу одним или несколькими прыжками. Лишь в редких случаях он преследует ее сто — двести и совсем редко четыреста — шестьсот метров. И то если хорошо видит, что настигает. Бывают такие благоприятные обстоятельства. Скажем, по снегу глубиной сорок — пятьдесят сантиметров кабанам бежать тяжело, а тигру это еще не помеха, и он догоняет их.

Сейчас я шел по снежному слою вдвое меньше того.

...След вывел на «стрелку» хребта, по которой затейливо вилась натеренная зверовая тропа. Тигр здесь ходил неоднократно, это излюбленный путь хищника. Вправо и влево вниз по склонам местность отлично просматривается. Видны многочисленные наброды и покопки кабанов. Амба шел медленно, часто останавливался, ложился. Отпечатки его лап были свежие — знать, я догонял хищника, и он оказался недалеко. Мое благодушное настроение сменилось настороженностью. Стараюсь идти тихо, внимательно всматриваясь в лес. И напоминаю себе, что амурский тигр первым на нас не нападает, что в уссурийской тайге за последние полвека погибло всего несколько человек, да и то, как было установлено, большинство из них сами виноваты в своей гибели.

Полдень. Очень тихо. Хорошо слышно, как шебаршат по коре деревьев неутомимые синицы, цыкают и порхают вездесущие сойки, стучат по трухлявым стволам дятлы. Застыли в оцепенении кедры. Попробуй узнай у них, когда, что и как было...

Издали вижу, что Пантелеймон спустился вниз. Оказывается, тропу недавно пересекли кабаны, и тигр двинулся за ними, прошел немного. Однако постоял в раздумье и вернулся. Что-то помешало ему — то ли след

был не очень свежий, то ли другой план охоты возник. Ага, все ясно! Зверь быстро прошел около двух сотен метров по «стрелке» хребта и, сойдя с тропы, стал заходить влево. Значит, хочет обойти кабанов и подкрасться им навстречу!

Это был умный план. Кабаны спустились в густой орешник. Здесь они должны немного покормиться, а затем выйти на противоположный чистый склон распадка. Там их и будет караулить амба! Так оно и было. Пантелеймон обошел орешник! Нахожу лежки тигра — первую, вторую, третью... Лежал головой в сторону орешника, маскируясь за валежинами и выворотнями. От последней лежки Пантелеймон отполз на брюхе левее и здесь уже залег основательно. Он несомненно слышал кабанов и был готов к нападению.

Но где же наступила развязка? Вот Пантелеймон направился необычно мелким шагом к опушке орешниковых зарослей. Если кабан задавлен, тигр где-то совсем рядом. Может быть, он уже давно видит меня и слышит, а я до звона в ушах безрезультатно пытаюсь что-то уловить...

Хотел было я войти в орешник по следам тигра, но потом, немного подумав, решил: не стоит лишний раз рисковать жизнью. Двинулся в обход зарослей. И всего через полторы сотни метров увидел совершенно свежие отпечатки тигриных лап! Рядом — размашистые следы двух кабанов, но тигр шел явно не за ними. Он уходил от меня! Стало быть, зверь давно почуял человека, наблюдал, а когда понял, что интересуются именно им, ушел.

Что же случилось в орешнике? Выяснить это оказалось нетрудно. Крупная чушка подошла к затаившемуся врагу на десяток метров, и тот настиг ее в два прыжка. Страшным ударом лапы переломил хребет жертвы, а горло разорвал почти до позвоночника. Чушка была еще теплой. Безжизненные глаза ее уставились в небо. Тигр успел оттащить добычу под наклонившийся старый дуб, вспорол когтями брюхо, вытащил кишки и отшвырнул их подальше от туши. Внутренности и брюшина еще дымились на морозе.

Помешал я тигру! И ведь ушел же он при виде человека! А вот если бы на его месте был медведь, то несдобровать бы мне. Решительно защищает топтыгин свою добычу и даже человеку редко уступает ее без боя.

Ну что ж, хватит дразнить зверя, пусть берет свое. Руководствуясь принципом, что у тигра не убудет, положил в рюкзак свиную печень. По борозде, проложенной кабанями, поднимаюсь на хребет, где был час назад. Твердо решаю идти дальше только старым следом. Но что это? Моей тропой по «стрелке» уже успел пройти тигр! Значит, он мною тоже

интересуется и не очень-то меня боится. Дохожу до того места, где я вслед за тигром сошел с тропы влево, и вздыхаю облегченно: Пантелеймон пошел в аккурат за мной в обход орешника. Пусть идет! Через несколько часов, убедившись, что я удалился восвояси, он вернется и приступит к трапезе. У этой чушки он проживет дня три-четыре, а тем временем я уйду далеко. Всего доброго тебе, Пантелеймон! Не сердись на меня! Я не желал тебе зла и встречи тоже не искал.

Наскоро вскипятив чай, скудно подкрепился и продолжил путь. По хребту старый след тигра тянулся еще около километра, потом резко свернул к реке. Вывел он на проселочную дорогу в пяти километрах от зимовья, где я ночевал в последний раз. Затем Пантелеймон спустился на реку и ушел по льду неведомо куда.

Солнце клонилось к закату, пора было подумать и о ночлеге. В двух километрах отсюда находилось зимовье. По осени я жил в нем несколько дней, и сейчас оно было очень кстати.

Тропинка к зимовью едва заметна, но по ней несколько раз, уже по снегу, проходили охотники, и через полчаса я был дома. Зимовье стояло у кедра-великана. Построили его всего год назад, вокруг валялась почерневшая щепка. Небольшая поленница сухих дров, сваленный сырой ясень с лежащей возле него пилой как бы предупреждали: хочешь ночевать — заготовь себе дров. Напил. Сварил ужин, привел в порядок дневник. Шагомер отсчитал 18 500 шагов. Немного сегодня пройдено — всего около двенадцати километров, в том числе десять — по следу тигра.

Пламя свечи, мечущееся под струями воздуха, швыряло на стены и потолок избушки беспокойные тени. От печки шел пар, а от стен и плохо застекленного окна тянуло холодом. В ворохе травы, брошенной на грубо сколоченные нары, суежилась пухлая кургузая полевка. При малейшем моем движении она замирала, тревожно и пристально изучая меня. На стол, сбитый из расколотых чурок, влезла другая полевка и зашмыгала меж высохших кусков хлеба, закопченной посуды, пачек махорки, коробок с патронами и порохом. Поднявшись на задних лапках, она осмотрела и обнюхала привязанный к потолку мешок с продуктами, а потом, убедившись, что нового на столе ничего нет, начала собирать хлебные крошки. Я смотрел на нее и думал, что целыми днями охотники мерзнут в лесных чащобах, на ночь же идут в эти мрачные, неприветливые зимовья, где для них никто не нарубит дров, а всю ночь нужно поддерживать в жестяной печке огонь.

Выспаться не удалось. Мышей и полевок было множество. Они беспрестанно сновали по столу, нарам, бесцеремонно лазали по мне,

забирались в волосы, за ворот. Уже к полуночи я взвинтился и с нетерпением ждал рассвета. И когда восток посветлел лишь чуть-чуть, был уже в пути. Хоть к черту на кулички, лишь бы подальше от этого мышиноного дома!

Ночью, пока я воевал с микрогрызунами, на моей вчерашней тропе оставили отпечатки копыт изюбры, а всего в четырехстах метрах от зимовья прошел большой табун кабанов. Прошел быстро, не останавливаясь на кормежку. Двигались звери как раз с той стороны, где вчера охотился тигр. Если они проходили недалеко от Пантелеймона, тот вполне мог напасть на них и свалить еще одну-две чушки. Хищник есть хищник, и белый халат санитара ему смешон.

Мысленно представил себе Пантелеймона. Блаженно дремлет он у недоеденной добычи, и вдруг где-то совсем рядом шумно идут кабаны. Ну как тут не попытать счастья! Тигр прислушивается, определяет направление движения табуна и крадется ему наперерез. Успех охоты зависит от ветра, и если на кабанов не набросит запах их заклятого врага, один или два из них навсегда останутся здесь. А остальные стремглав бросятся прочь.

Выхожу на оставленный вчера след тигра, включаю шагомер. Девять часов утра. Хмурое солнце осветило вершины сопок. Мглисто. Очень тихо и холодно. Недалеке громко рывкают изюбры — почуяли человека, но не видят. Тревожатся, бедолаги. Вся их жизнь в тревогах. След тигра шел рекой около полукилометра, затем зверь взобрался на крутой левый берег, густо поросший хвойным лесом, и залег под старой елью, где снега почти не было. Прибрежные тальники все были избиты неоднократно пасшимися здесь изюбрами, их наброды виднелись по реке от этой излучины до другой.

Лежал тигр долго, терпеливо ожидая своего мгновения удачи. Несколько раз подкрадывался к обрыву, внимательно осматривал речку. Вот лежка прямо в снегу. От нее полосатый отошел на пятнадцать — двадцать метров в глубь леса, забежал вверх вдоль реки, выполз к ее берегу и снова залег. Ждал Пантелеймон терпеливо и основательно. Терпения ему не занимать.

Я подошел к лежке и посмотрел на речку. Под крутым берегом была небольшая галечная коса, по ней вилась тропа изюбров. Недалеке виднелась вмятина от прыжка тигра с берега. От этого места несколько изюбров помчались в одну сторону, а Пантелеймон пошел в другую.

После неудачи тигр отдохнул немного, вероятно, размышляя о трудности добывания «хлеба насущного», потом встал и быстрым шагом

направился на северо-восток, что для меня было неожиданным. Не останавливаясь и никуда не сворачивая, он, как по стрелке компаса, пересек густой хвойно-лиственный лес, ключ Шакилова, поднялся на невысокий увал и вышел к остаткам недоеденного когда-то секача, спрятанным в густом пихтаче.

Мерзлая и далеко не свежая пицца владыке явно не понравилась. Зарыв в снег оставшуюся голову (на всякий случай: голод-то не тетка), он перевалил речку Мазуренкина и левым склоном ее долины двинулся вверх. А оказавшись на следах кабаньего табуна, пошел по ним. Свиньи сначала трусили гуськом, потом разбрелись на пастьбу: место было кормное — кедрач с дубом. Но как ни осторожно скрадывал Пантелеймон таежных чушек, те вовремя почуяли неладное и умчались.

Определив направление хода кабанов, тигр забежал вперед, поднялся на косогор, которым двигался табун, и устроил здесь засаду. Лежку я заметил за поваленным кедром, у вывернутых из земли корней. А в пяти метрах виднелась чуть припорошенная снежком утрамбованная площадка. Подсвинок вышел на свою смерть в упор. Прикусив добычу, хищник уволок ее по склону под прикрытие старых елей с густым подростом молодых елочек и пировал здесь на молодой парной свеженине.

В подсвинке было около шестидесяти килограммов мяса, крупному самцу его хватило как минимум на два дня, после чего он не менее суток блаженно переваривал чудесный харч в спокойном сне. Итак, кончился пятый день тигриной жизни, если считать за первый тот, когда я начал тропить. Расположившись в опустевшем логове полосатого, я вскипятил свой неизменный чай и, пообедав куда хуже своего предшественника по пристанищу, отправился дальше.

Уходя от этого места, тигр долго валялся в снегу, чистился, терся о деревья, а поднявшись на задних лапах, скреб кору когтями, приводя себя в полный порядок и бравую форму. Будучи сытым и довольным, он часто делал лежки и валялся на них. Потом разминался на коротких прыжках.

Забравшись на небольшую скалу, зверь долго лежал на ней. Наверное, дремал, наблюдал и соображал, куда податься. Приняв верное решение, Пантелеймон прыгнул вниз с пятиметровой высоты и зашагал на юго-запад. Ему попадались свежие следы кабанов, но он не обращал на них внимания и твердо придерживался выбранного курса. А я по нему — шаг в шаг.

Вскоре мне удалось разобраться еще в двух охотах Пантелеймона. Обе оказались неудачными. И мысленно я их представил так.

На пологом склоне сопки, покрытом кедрово-дубовым лесом, тигр,

прихватив запах кабана, резко свернул влево и, чередуя мелкие шаги с остановками и лежками, стал его скрадывать. Место, где отдыхал кабан, я увидел издали — оно чернело у большого дерева. Идя следом хищника, я все время прикидывал расстояние — пятьдесят, сорок, тридцать метров... За небольшими дубами зверь ненадолго прилег и бросился к своей жертве. Но что это? Сделав несколько прыжков, он резко затормозил всеми лапами, оголив землю до черноты. В десяти метрах от лежки кабана тигр, потоптавшись, свернул в сторону и ушел.

Почему? Вижу, следы кабана уходят в другую сторону, но они оставлены «пешим ходом». Почему же атака амбы прекратилась так внезапно, и отчего кабан не побежал?

Подошел к лежке — и сразу все стало ясно: здесь дремал огромный секач. Учувя вражину, он не только не побежал прочь, но даже шагнул ему навстречу! Поразительное мужество старого вепря!

Пантелеймон сориентировался мгновенно. Будучи сытым и отлично представляя опасность больших острых клыков секача, он, как и накануне, не стал лишним раз испытывать судьбу. Знать, не лишен благоразумия.

В другом месте амба учувял в дупле старого дуба белогрудого медведя. Снег вокруг дерева был утрамбован, на дубе повсюду виднелись следы зубов и когтей. Даже через корни тигр хотел достать лакомую добычу, но все его попытки были тщетны.

Надолго залег он у дуба. Может быть, на полдня. Потом все же ушел. Вероятно, на другой день натерпевшийся страху медведь решил сменить «квартиру», ставшую известной врагу.

В одном месте тигр встретил след невесть откуда появившегося волка, тщательно обнюхал и пошел по нему. Преследование бросил лишь после того, как убедился: серый зверь бежал быстро, и догнать его не удастся при всем старании.

Вечер застал меня в устье ключа Дорохина. На отсчете шагомера 22 400. Пора было устраиваться на ночь. Нашел сухой наклонившийся кедр, нарубил смолья и поджег его внизу. Пока дерево подгорало, сварил ужин, натаскал пихтового лапника для постели. А кедр все не падал. Только поздно вечером с глухим стоном он рухнул в снег.

Постель — ворох веток. Со стороны, противоположной огню, натянул тент, очень удобный при таких ночевках. Впереди долгая и нелегкая ночь. Огонь поджаривает одну сторону твоего тела, другую леденит стужа. Приходится постоянно переворачиваться то на спину, то на живот, с одного бока на другой. К тому же надо следить, чтобы ненароком искра или подкатившийся уголек не подожгли одежду или смолистую пихтовую

постель — горит ведь хвоя здорово. И получается — не спишь, а разные думы плетешь сквозь беспокойную дремоту. О прожитом, о будущем, о своих близких... Но этой ночью больше всего я думал о тигре.

Всего сто лет назад этих «кошек» в Амуро-Уссурийском крае водилось много. Достаточно их было и в начале прошлого века. А спустя какую-то четверть столетия численность амбы катастрофически упала. В тридцатых годах только что ушедшего столетия они жили в основном по Большой Уссурке, в самых глухих урочищах, и насчитывалось их всего около тридцати.

Охоту на тигров правительство запретило, иначе сейчас от них в тайге осталось бы одно воспоминание, да и саму тайгу уже нельзя было бы назвать уссурийской. Как со словами «бенгальский тигр», так и при упоминании уссурийской тайги в воображении непременно встает величественный владыка этих дебрей.

В сороковых — пятидесятых годах численность амбы постепенно росла, тигры стали встречаться по всему Приморью и в южных районах Хабаровского края. В шестидесятых их насчитывалось уже около ста пятидесяти, к концу семидесятых — до двухсот, а еще через десятилетие — в полтора раза больше.

Быстрое снижение количества тигров совсем недавно наблюдалось и в Индии, а в Юго-Восточной Азии оно продолжается и теперь. В Индии, например, за семьдесят лет двадцатого жестокого века поголовье тигров упало с сорока тысяч до двух-трех тысяч, а живут сейчас они на площади всего-навсего восемьсот тысяч квадратных километров. Территория Хабаровского края больше. Но радует то, что в этой стране решительно взялись за охрану краснокнижного красавца джунглей и успели много сделать.

И еще немного не совсем художественной, но важной информации. Полосатый суперкот — зверь древний, как его называют ученые — реликтовый. В наше время, когда процветают вездесущие мелкие млекопитающие и птицы, такие гиганты, как носороги, гориллы, страусы и другие, вымирают, тигра стараются беречь, всемерно охранять. Но не все это понимают: факты самовольных отстрелов — обыденное явление. Давнее. И потому-то тигр оказался в Красной книге в числе первых, а три его подвида из восьми успели безвозвратно исчезнуть.

Скажем еще раз: он умен, психика его развита довольно высоко, он способен оценивать обстановку и по-своему анализировать обстоятельства. К тому же у него остро развита интуиция. Ум и интуиция при совершенных органах чувств, огромной силе и невероятной ловкости делают тигра

таинственным, грозным, могучим зверем. Какими обедненными будут наши леса, когда этот царь зверей станет достоянием сказок и легенд. А ведь так и будет, судя по всему: тайгу продолжают рубить и выжигать, все меньше в ней всякой живности...

...В кронах деревьев глухо зашумел неожиданно зародившийся ветер. Пламя костра, ровное до сих пор, заметалось, как флаг на ветру, несколько угольков подкатилось под меня, запахло тлеющей хвоей. Заслезилась от едкого дыма глаза. Совсем рядом громко заухал филин, а немного подалее взревел кем-то испуганный изюбр. Может быть, моим тигром, или дым на него нанесло. Потом все так же внезапно стихло. Дремуче вокруг, глухо и напряженно.

Полночь. С чернильного неба меня словно с любопытством рассматривают звезды, вроде бы удивляясь, что заставляет человека мерзнуть здесь, вместо того чтобы спать в уютной постели. И в самом деле, что? Что гоняет меня и моих коллег-охотоведов вот уже столько лет по тайге? И даже после того, как приходилось замерзать, голодать, блуждать сутками, сваливаться в жестокой простуде за сотни километров от ближайшего селения. Сколько раз давал себе слово осесть в городе, да ненадолго зарок хватало...

Мучительно медленно тянется время у ночного костра. Кажется, уже давно не смотрел на часы, а прошло-то всего ничего. И до рассвета — целая вечность. Хоть бы уснуть часа на три. Днем ведь предстоит долгий и трудный поход, силы нужны.

...Почему-то вдруг следы тигра превратились в человечьи. Я кубарем качусь с сопки вдогонку тому, кого столько дней считал тигром. Мне кажется, он замерзает, а я своим преследованием не даю ему возможности остановиться и развести костер. Вот я его настигаю, а он бежит, сверкая белыми обледенелыми пятками. И когда расстояние сокращается до двух метров, оказывается, что все-таки это тигр бежал, заманивая меня. С грозным рыком он набрасывается, вонзает в мою левую ногу когти и зубы. Нестерпимо больно... Просыпаюсь... И ошалело тушу снегом прогоревшие до тела брюки. А небо уже чуть-чуть светлеет. Ночь позади, но принесла она не отдых, а новую усталость.

Мои опасения оправдались: следы тигра потянулись в верховья Свекровкиной. Сопки круто спускались к реке справа и слева. Подо льдом глухо шумела вода. В одном месте тигр провалился и выскочил на берег с мокрыми ногами и брюхом. Катался в снегу, сушил свою шубу. Полежав немного, он пошел берегом реки.

Путь мой и на третий день был тяжел, ноги скользили по камням,

пихтач и кустарники цеплялись за одежду на каждом шагу. Валежины и выворотни приходилось огибать почти все время. А тигр прет и прет. Куда? Ведь не видно ни кабаньих, ни изюбриных следов, все звери остались внизу, в кедрачах и дубняках. А здесь — одни юркие соболи да осторожная кабарга.

Пантелеймон тоже, наверное, соображал. Одна лежка на боку, вторая, третья... Зверь явно раздумывал. После очередной лежки он двинулся к реке, пересек ее и повернул обратно вниз. Конечно же, здесь идти легче, место ровное. Начался кедрач. А вот и совсем отлично — тигр вышел на старые затесы давней тропы и уверенно повел меня по ней, как по дороге, вниз вдоль Свекровкиной. Давно бы так, думаю, а то совсем измотал меня по валежнику...

Незнакомый с местностью человек вряд ли шел бы так легко по этой тропе, потому что ее под снегом не видно, а почерневшие затески попадались редко и плохо различались. А вот амба шагал как по асфальтовой дорожке. Лишь однажды он не уловил вовремя крутого поворота, но тут же нашел его. Я неоднократно и раньше отмечал, что тигры, во-первых, любят ходить по дорогам и тропам, а во-вторых, великолепно их помнят. Зрительная память у них изумительная. Впрочем, справедливости ради замечу, что так же совершенна она и у многих других зверей.

Идти по тропе теперь было легко и приятно. Я шел тихо и смотрел во все стороны. Кругом кипит жизнь: то доверчивые рябчики вспорхнут и сядут тут же, то запрыгает с ветки на ветку, недовольно цокая, суетливая белка. Невдалеке странно зачихала кабарга, подпустила к себе метров на тридцать и умчалась до смешного необычными прыжками — резкими, неритмичными, из одной стороны в другую. Вдруг мне показалось, будто кто-то смотрит на меня справа. Я повернулся и в ту же секунду увидел семью изюбров, стоявших совершенно неподвижно и разглядывавших меня.

Звери хорошо знают, что неподвижное трудно замечается, вот и эти замерли в надежде: авось человек пройдет мимо. А как только поняли, что обнаружены, стремглав кинулись прочь. Не в пример кабарге, они бежали красиво и, так сказать, благородно, легко перебрасывая через валежины и кустарники свои крупные тела в пышной светло-бурой шерсти.

Как будто понимая мое миролюбие, изюбры отбежали самую малость и затихли, прислушиваясь. А через десять минут начали пастись. Может быть, и они способны отличить вооруженного человека от безоружного?

Долина речки заметно расширилась. Было много зарослей хвоща,

который зимою особенно любят изюбры. Их следов становилось все больше и больше. Трижды тигр пытался скрадывать здесь добычу, но все неудачно. Характерно, что и эти звери убегали от тигра не дальше двухсот метров и начинали пастись как ни в чем не бывало. Видимо, знают, что бегать тигры не любят. Вернее, не могут долго бежать.

И опять вынужденные экскурсии в сторону. Теперь — в область биологии. О способности различных животных к длительному бегу можно судить по размерам сердца. Наш Пантелеймон весит примерно сто девяносто килограммов. У самца с такой тушей масса сердца около семисот пятидесяти — семисот восьмидесяти граммов, а вот у быка изюбра с подобным живым весом оно почти в два раза больше. К тому же у быка длинные и очень сильные ноги.

Интересной была очередная неудачная попытка тигра заграбастать оленя. Бык пасся в редком крупнотравном лесу на ровном чистом месте. Казалось бы, в таких условиях подкрасться к нему невозможно, но, вероятно, в то время дул благоприятный для нападающего ветерок, и он решил попытать счастья.

Пантелеймон полз, подолгу затаиваясь за кустами и деревьями.

Когда расстояние сократилось метров до двадцати, рогач, видимо, заметил врага, но тот замер. Изюбр напряженно ловил струи воздуха, пытаясь убедиться в опасности с помощью обоняния. Он стоял к тигру боком. И вот Пантелеймон решил рискнуть. Нетрудно догадаться, что свой прыжок он сопровождал оглушительным ревом, дабы страхом парализовать жертву. Но не тут-то было! Бык метнулся в сторону и птицей перелетел через несколько молоденьких елочек. Тигр бросился ему наперерез, но при попытке с ходу круто изменить направление атаки не удержал равновесия, проехал юзом по снегу, вскочил, затем промчался частыми стремительными и короткими прыжками около сорока метров и, видя бесцельность погони, опустил на брюхо. Долго лежал, вытянув передние лапы и положив на них голову. Хлестал в злобе хвостом снег.

Вморозив в снег еще несколько волос с брюха, амба резко изменил свой маршрут — взял направление на низкий перевал в Яшкин ключ. Те места были мне знакомы. В ключ Пантелеймон спускаться не стал. Поднявшись на перевал, свернул влево и пошел водораздельной линией между речкой Свекровка и ключом Яшкина. Здесь пролегла наторенная им тропа, с которой хорошо просматривались склоны сопки.

Там был крутой скалистый обрыв, который изюбры, спасаясь от волков, использовали в качестве отстоев. Тигр спустился к подножию этого обрыва и переворочил здесь снег. Видно было несколько выбеленных

дождями и солнцем изюбриных черепов, в том числе два с великолепными рогами. Не найдя ничего съедобного, тигр залез на скалу. Ушло у него на это минуты две, а я потратил не менее получаса, проклиная всех святых. Пальцы изодрал о камни, штаны на коленях порвал... А когда, в который уж раз падая, схватился за аралию и сильно поранил руку, то досталось и Пантелеймону как первопричине моих бед: я очень неуважительно обозвал его... матрасом полосатым, прибавив для крепости еще пару словечек.

На скале «мой» долго грелся на солнце, а я кипятил чай. Отдохнув, пошли дальше. Разумеется, я шел теперь после тигра дней на десять — пятнадцать позже. Идти стало намного легче, так как тропа повела по отлогому склону вниз. Я надеялся, что Пантелеймон спустился этим хребтом в долину Васильковки, откуда до охотничьего зимовья, в котором я мог бы заночевать, было несколько километров, но у зверя оказались другие планы. Полежав на небольшом чистом пригорке, он что-то учуял и маленькими шагами начал спускаться наискось по склону. Несколько раз ложился, полз. Потом огромные прыжки, и вот оно — место очередной трагической развязки. Я его сразу не заметил, потому что оно находилось за большой валежиной. Молодая изюбриха погибла на лежке, так и не успев вскочить. Хищник съел заднюю часть тела и бок до лопаток. Все остальное зарыл в снег. Колонки и харзы уже успели набить к остаткам тигриной трапезы плотные тропки.

Я прикинул расстояние, откуда тигр учуял оленуху, — около ста двадцати метров. Значит, у этого кота не такое уж и плохое обоняние, как считают многие. Разве только ветер был в его сторону.

Но вот почему тигр не доел тушу?

В километре отсюда нашел задавленного и брошенного поросенка. Его уже до скелета расклевали вороны и растаскали колонки. Ясно, что кабанчик был убит просто так или почему-то он не понравился Пантелеймону. Может быть, тот был худой или больной?

После полудня, к вечеру, след тигра повел в крутую сопку. Куда, зачем, почему — я ничего не мог понять. Как будто Пантелеймон от избытка энергии решил основательно поразмяться на кручах. Вроде бы знал он, что по его следам будет упорно идти человек.

Остались внизу кедровники, дубняки. Все реже и реже попадался кустарник. Я угрюмо плелся среди мертвых камней, с безысходной тоской умоляя тигра повернуть вниз.

За полчаса до захода солнца начал высматривать место для ночлега, но не нашел ничего, кроме полуповаленной ели. Она была сухая, но спать на сей раз совсем не придется — костер будет «стрелять». Увы, тут уж ничего

не поделаешь...

Было холодно. Глухо лопались промерзшие деревья. На одежду беспрестанно летели из костра то искры, то угольки. Где-то внизу дико и истошно кричал филин. Несколько раз рядом медленно и бесшумно пролетала большая неясность, пытаясь разглядеть меня своими огромными круглыми глазами.

Ночь снова была мучительно длинной. Казалось, я посмотрел на часы уже в тысячу первый раз, а стрелки циферблата замерли от изнеможения и холода, когда на востоке появились еле приметные признаки утра: серое небо, потом узкая, как лезвие окровавленного ножа, полоска зари.

Четвертый день тропления был особенно тяжел, но малоинтересен. Зверь увел меня в верховья Васильковки, затем на водораздел между этой рекой и Маргаритовкой. Шагомер отстучал двадцать восемь тысяч ударов, когда в сгустившихся сумерках мне удалось найти и свалить огнем сухой кедр. И еще одну ночь пришлось подумать о прожитом, мысленно разговаривать со звездами и черным небом. На этот раз все же удалось вздремнуть у жарко и ровно горевшего кедра...

Термометр показывал двадцать восемь градусов мороза. С моря дул ветер, забрызгивая искрами мой таборочек. Сильно напоминала о себе усталость. До зимовья, откуда я начал тропить зверя, было около пяти километров. Хотелось бросить все и уйти отдохнуть, отоспаться... Потом отведать борща и лангетов.

В полночь потеплело, небо заволокло тучами, а к утру повалил снег. С мыслью во что бы то ни стало замкнуть маршрут тигра, наскоро поев, я быстро пошел по следу. Сначала он вел меня прямо к зимовью, но, не доходя до него километра два, круто свернул вверх по ключу Пышному. Черт бы побрал Пантелеймона! Но надо идти. Сам ведь взялся за гуж...

В паре километров от этого поворота тигр задавил двух подсвинков, спавших в общем гайне. Одного он умертвил тут же, на лежке, а другой успел отбежать... Совсем недалеко. Обоих Пантелеймон стащил в ключ и жил здесь почти неделю. Колонкам и воронам достались головы, кости ног и желудки с кишками. Логово тигр устроил на этот раз под навесом скалы, на ворохе сухих листьев. Походив вокруг, разгребая снег, я нашел две большие тигриные «уборные», в одной из которых кроме кабаньей шерсти была и изюбриная. Стало быть, от того недоеденного изюбра до этих кабанов, расстояние более чем в двадцать километров, зверь прошел единым махом.

В полдень снег повалил сильнее, и за его сплошной пеленой ничего не было видно уже в пятнадцати метрах. Опасаясь, что такой густой снегопад

перейдет в буран, как это в Приморье случается довольно часто, я решил идти прямо в зимовье. К счастью, от задавленных подсвинков тигр пошел на север. Прикинув его путь по карте, можно было предсказать возвращение Пантелеймона через пять километров на «исходные позиции», откуда я начал поход по его следам. Так оно и вышло.

Только эти километры трудно достались мне. Поскользнувшись на каменистом склоне, я больно ушиб ногу и растянул связки. К зимовью вышел в непроглядной тьме, под порывистое завывание метельного ветра, шум тайги и тупую неумную боль уставшего сердца, едва волоча онемевшие ноги по снегу, которого навалило уже по колено.

Потом я еще несколько раз видел следы Пантелеймона и каждый раз проходил по ним один-два километра. В начале февраля на отпечатках лап этого тигра появились пятна крови, а в его поведении заметилось что-то новое. Случалось, он покидал свой участок на три-четыре дня, потом исчез на две недели. И только в самом конце марта Андрей Ефремович раскрыл тайну Пантелеймона: рядом с его следами в самой глухомани верховьев Васильковки он заметил более мелкие и продолговатые отпечатки лап тигрицы...

Наступила весна, а с нею и мои новые заботы. Много их у охотоведа, работающего в лесу. Ходишь, считаешь, записываешь. С раннего утра до вечера, а иной раз и часть ночи прихватишь. Все внимание поглощали четвероногие обитатели тайги. Всякие: от тигра и медведя до бурундука и полевки.

И все же о Пантелеймоне я вспоминал, и не раз. Так хотелось увидеть этого царственного зверя!

Но летом мне пришлось покинуть Васильковку и переехать в другой таежный район. И вот уже несколько лет я мысленно возвращаюсь в те глухие места и всегда думаю: «Как дела твои, Пантелеймон? Жив ли?»

В черте большого города

Тиграм не свойственна жизнь стаями, как это принято, скажем, у львов, волков, гиен и прочих хищников. Амба предпочитает независимое и гордое одиночество. В первую очередь это строгое тигриное правило природой разработано для «мужей»: у каждого из них должны быть свои персональные владения — собственность гарантированная и пожизненная.

Лет семьдесят назад, когда в горах Сихотэ-Алиня уцелели от беспощадно алчного преследования человеком считанные по пальцам вековечные владыки уссурийской тайги, ходили они широко, дабы убедиться, что не последними остались, что живут еще сородичи. В сутки могли одолеть сорок, даже больше километров, а за месяц и до полутысячи. Как ни пристрастны эти гордые владыки к одиночеству, контакты с сородичами им все же кое-когда необходимы, а в определенные сроки нужны позарез, потому что каждый носит в себе пожизненно святой долг продолжения рода.

Лесов тогда было полно — владей не хочу. На одного такой участок приходился — за месяц едва обойдешь. И никаких конфликтов за территорию с соседями. А существование династий полосатых хищников повисло на волоске.

Но вот затеяли люди между собою где-то в далекой «стране заходящего солнца» жестокую войну, и стало им не до тайги и не до охоты, потому что нужно было защищать державу. А потом, когда окончились сражения, но требовалось долгое время на залечивание причиненных ими тяжких ран, запоздало, но все же вышел закон об охране тигров. И это не только спасло их от окончательного исчезновения. Год от года тигриное население стало расти, потому что все больше и больше нарождалось и достигало взрослого возраста полосатых суперкошек.

Но жилось им все теснее. Молодежи, отпущенной строгой родительницей в самостоятельный путь, уже труднее становилось обрести собственный участок. Даже небольшой. Кабана же, этого «насущенного хлеба» полосатых владык, водилось все меньше и меньше. Изюбриные стада тоже изреживались, потому что год от года больше стало ходить по тайге двуногих охотников, объявивших себя властелинами всего сущего во всем огромном мире. И опять наступило для тигров время нелегкого существования. Даже бедственного. Вся жизнь стала тяжелой борьбой за него.

В зиму с 1985 на 1986 год случилось невероятное и доселе еще неслыханное: тигр поселился на совсем недалекой окраине огромного и шумного Владивостока и регулярно переступал городскую черту. И вот как он там оказался, и как дожил до такого, и чем все закончилось.

Его детство и отрочество прошли на южных отрогах Сихотэ-Алиня. Тиграм стало там совсем тесно несколько лет назад, потому что охотников развелось чуть ли не больше, чем дикого копытного зверя. Мать растила его и сестру, обучала сложным законам тигриной жизни, а в их числе — правилам взаимоотношений и сосуществования с человеком. Она им часто людей показывала, себя не обнаруживая, и всякий раз внушала: бояться их не надо, но и связываться не стоит, каждому — своя дорога и собственная цель, и чем реже они будут соприкасаться и пересекаться, тем лучше обеим сторонам.

По поведению матери при вынужденных встречах с двуногими подрастающие наследники навечно усваивали: да, человек не должен быть добычей, однако и унижаться перед ним не следует — пусть знает свое место. Неоднократно приходилось убеждаться: с голыми руками человек перед тигром — трусливый слабак, а вся его сила в убийственном оружии, которым он владеет умело.

Год назад мать ему заявила: «Сестра твоя пока побудет при мне, ее нужно обучить еще азам и правилам семейной жизни, тебе же настал срок жить самому. Ищи место в тайге и живи своим умом, своими силами и умением». И он ушел из родительской обители раз и навсегда.

Трудно приходила самостоятельность. Начать с того, что куда ни пойдешь — занято. Гонят. Особенно старики были такими собственниками, что и несколько дней не позволяли передохнуть в своих угодьях. Дальше совсем непросто оказалось без родительской помощи, в одиночку найти и «взять» добычу. Силы хоть отбавляй, а вот умения и сноровки маловато. С матерым кабаном провозился — стыдно вспомнить: измучил и покусал вепря, но никак не мог его положить и утихомирить, и, в конце концов, сам получил такой удар клыкастым рылом в грудь, что едва отдышался. И хорошо еще, что в грудь, а коли бы в брюхо? Или с изюбром случилось: оказался на острых рогах быка, и хотя повалил-таки его и кое-как задавил, полученные раны зализывал куда дольше, чем ел мясо поверженного... Из десятка найденных возможных жертв добыть удавалось одну, да и то не всегда. Наголодался, намучился, устал, а в итоге ни дома своего, ни обеспеченного пропитания.

Он все же наловчился обеспечивать себя пищей, однако никак не мог

найти мало-мальски подходящего для спокойной жизни таежного уголка, чтобы осесть на нем, «прописаться», обозначив границы пахучими, строго персональными метками, обзавестись подругой. Там было занято сородичами, здесь — с голоду околеешь... И шел он в поисках «дома» для себя все дальше и дальше, да все в сторону полуденного солнца, никак не теряя надежды на заветный таежный дом. Впрочем, все в этом мире живут надеждами на лучшее.

Случались потасовки с имущими соплеменниками, и он уступал, потому что те были постарше, да и «стены» им в своем доме помогали, умножая силу. Уступал и уходил, угрюмо качая в такт шагам лопающейся от невеселых дум головою.

Чем дальше он шел на юг, тем реже становились леса и меньше в них водилось дикого зверя. Зато чаще встречались люди, и все больше шумели и суетились они. Избушка на избушке! Потом пошли дома покрупнее и повыше. Каменные. И вот увидел неприкаянный скиталец городища один другого обширнее. Дороги, машины всякие, рев, смрад. На земле, на воде и в небе. Он оказался в безраздельном царстве двуногого властелина.

Однажды так сложились обстоятельства, что пройти вперед можно было лишь близкой околицей села. Уже основательно стемнело, у самого крайнего дома кустился сад, и тигр решил через него осторожно пробраться. Мягко перепрыгнул через забор, зашагал между деревьев, кося глазами на дом. В нем было солнечно, светло, сквозь чистые стекла окон зверь ясно увидел беспечно суetyащихся больших и малых людей, а еще множество странных предметов... Он не смог побороть свое любопытство и сдался ему. Подкравшись к окну, поставил передние лапы на завалинку и прильнул к нему носом. А в следующее мгновение совсем рядом с его мордой, глаза в глаза, возникли два человеческих лица... Их разделяли всего лишь тонкие прозрачные листы стекол...

Тигр отлично запомнил последствия того любопытства. В первый миг лица по ту сторону залитых светом окон в ужасе снежно побелели, на них кругло открылись рты и выкатились на лоб глаза, но уже в следующий люди закричали так панически громко, что зазвенели стекла. И ринулись прочь!

А в следующее мгновение совсем рядом с его мордой, глаза в глаза, возникли два человеческих лица...

От этого крика забрежали собаки... Когда он, не теряя достоинства, не уподобляясь тем двум за стеклами, выпрыгивал из сада, перед ним возникли три пса. Он одним махом, не задерживаясь, схватил того, что побольше, не удостоив вниманием других, в ужасе словно окаменевших и онемевших, и пошел дальше, сжимая в пасти увесистую, самую напросившуюся на ужин царственному амбе поживу.

Успел уйти от дома совсем недалеко, как вслед забухали выстрелы. В заднюю ногу острой болью вошло что-то горячее, перед носом от удара пули подломилось и упало деревце, и пришлось перейти на легкие прыжки, все же не бросая «ужин». Как вскоре оказалось — преотличный.

Рана оказалась пустяковой, он ее в несколько дней зализал, но вывод для себя сделал. Полосатый Скиталец — а какое еще имя дать ему? — теперь избегал человека не только умело, но и старательно, взяв на дополнительное вооружение не одну лишь науку и заветы матери, но уже и кое-какой собственный опыт.

Обходя дальней стороной села и пересекая дороги, оказался Скиталец к началу осеннего листопада в узком месте: с одного края море и с другого, по берегам шумные дороги и множество людей, а посреди уходящей в сторону полуденного солнца полосы земли — лес на горах. Лес так себе, тайгою и не пахнет, но в нем тихо и сравнительно спокойно. Одичавших и неодичавших собак полно. Среди них оказывались холеные и жирные, размером с волка, которых вывозили на прогулку люди. Такого пса и на два дня хватало. Сами в лапы лезли, глупые нахалы. Сцапал его одним-двумя прыжками, прикусил — и уходи подальше в укромное место, трапезничай, спи сладко. С собачатины-то вроде и веселым становишься, играть хочется. Но вот с кем?

Берег моря, над которым всходило солнце, бродяге оказался удобнее того, где оно скрывалось. Тут было все же поменьше железного грохота, больше всякого праздного отдыхающего люда, и особенно собак. И так он приноровился их ловить, что стоило ему заметить какую, заманить шорохом да шумом под безобидного зверя, как оказывалась очередная добыча в его лапах. Не то лай где услышит — и на него... Нет, совершенно не умели вести себя в этом лесу псы. Там, в тайге, охотничью собаку куда труднее было поймать, охотничья собака мудра и осторожна.

И так вот, бродяжничая, подошел однажды Скиталец к невиданному скопищу громадных изб с непересчетными людскими толпами, с огромными ревущими машинами, с бесчисленными огнями. Он забрался на скалу, увенчивающую сопку, долго и обеспокоенно наблюдал за открывшимся зрелищем, удивляясь и тревожно задумываясь о своем

завтрашнем дне. Закатилось солнце, стемнело, людей и машин виделось и слышалось все меньше. Растворившиеся в темноте каменные дома украсились густой россыпью огоньков, но к полуночи они погасли, и стало тихо... А в опустившейся с черного неба тишине то и дело брехали собаки.

Быть может, он ушел бы обратно, подальше от этого ошеломляющего и настораживающего людского царства. Даже пугающего. Но мимо пробежала собачья стая, и пробежала довольно близко. Двух из нее он придавил единым махом, потом в азарте помчался за другими и поймал еще пару, а самый большой все драпал, драпал... И ненароком оказался Скиталец рядом с теми огромными каменными домами. Взял в пасть последнюю добычу и пошел в пяту своему следу, намереваясь по дороге собрать всех задавленных.

И в этот момент увидел, как прямо на него идут два человека. Даже пустякового укрытия рядом не оказалось, и он просто лег, распластавшись на земле, насторожившись до предела. Но люди прошли мимо, не заметив его. Прошли всего в нескольких шагах.

Подумал было: они что, слепы в темноте? И никакого чутья?.. Нашел и подобрал другого пса, и опять поперек его пути оказался человек. Тигр просто встал за оказавшийся рядом кустик и замер, а тот, беспечно посвистывая, прошел мимо в свободной досягаемости легкого тигриного прыжка... «Да-а, — подумал Скиталец, — всего ожидал, но не такого. Ну и охотники эти двуногие. Матери-то их чему-нибудь учили?»

Четыре добытые собаки обеспечили ему трое суток благодатной жизни. Он лежал на скале, спал, наблюдал за городом, размышлял и опять спал. Несколько раз к основанию его убежища приближались люди и проходили мимо, а тигр утверждался окончательно: нос у них совсем ничего не чует ни ночью, ни днем, ну а глаза — те хоть при свете видят.

С высоты своего наблюдательного пункта Скиталец за три дня заметил несколько логов «ничейных» собак — не имеющих хозяев. Жили они так: днем от логова далеко не отходили, спали, с темнотою же шли в город и рылись на помойках. За несколько суток он этих бесхозных прибрал, а там уж стал ходить на охоту самой глухой порою ночи. Двух-трех часов на успешный промысел ему вполне хватало.

Людей он замечал загодя и наловчился их сторониться: в тених, прижавшись к стене, за кустами, заборами и множеством всяких предметов. Меж домов заметил до десятка помоек с железными ящиками, обычно доверху набитыми всякой смрадной дрянью, и обрадовался: возле них всегда толпятся не только собаки, но и кошки. Более получаса в засаде затаиваться не приходилось. На дневку стал уходить подальше — чтобы

спокойнее отдыхалось. Логово устроил на густо заросшей дубняком и орешником вершине овражистого распада, отдыхал на ворохе сухой дубовой листвы под корнями большого упавшего дерева. А рядом успокаивающе булькал ручеек, несмолкаемо обещая ему что-то.

Не сказать, что такое существование понравилось Скитальцу, но он привыкал к нему, приспособливался, изворачивался. Понимал, что совсем не так живет, как положено царям тайги, можно сказать, почти ворует, вместо того чтобы брать свое ловкостью, силой и отвагой. Угнетало осознание полнейшей оторванности от вольного таежного тигриного царства с братьями по плоти и духу. Много раз он намеревался вернуться на север, но вспоминал обескровленные и опустошенные леса и горы, разобранные соплеменниками в частное владение мало-мальски приличные участки и откладывал возвращение в родные пенаты, оправдывая себя необходимостью все еще раз взвесить, и основательнее.

А тем временем пошел снег. И только теперь Скиталец остро понял, как удобно ему жилось без него и как опасно будет ходить и промышлять теперь, когда каждый шаг станет предательским свидетельством его пребывания.

Снегу выпало немного — по пяточный палец, но следы на нем печатались четко, и не было какой-либо возможности их прятать или как-то маскировать. Истоптал все вокруг своего убежища, несколько суток отлеживался, остерегаясь выдать себя с поличным. Но вконец опустело брюхо, голод сосал, требовал, и Скиталец снова двинулся в город, то и дело останавливаясь и даже прилегая в мучительных раздумьях.

Раз сходил — сошло. Но вернулся с охоты другой ночью и уже днем почувствовал, что по его следам идет явно воинственно настроенная стая людей. Поспешно ушел за ближние сопки. К вечеру преследователи отстали. Скиталец вышел на их тропу и ею вернулся к городу. В полночь задавил сдуру бросившегося прямо ему в лапы большого жирного пса и ушел с ним в горы. Той же тропой, в надежде, что люди не разберутся.

Но те разобрались. И страшные вести с молниеносной быстротой разлетелись по городу, потом — по краю, а еще через несколько дней об этой сенсационной новости знала чуть ли не вся огромная страна. Виданное ли дело: тигры переступили черту города и охотятся в нем! Куда смотрят власти и охотоведы! Доохранялись! Расплодили на свою погибель, а до сих пор в Красных книгах содержат!

Власти, разумеется, всю вину за случившееся взвалили на охотоведов. А те не отпирались и не оправдывались. У них одна лишь мысль сверлила мозги: не случилось бы беды посерьезнее. Пострадай какой-либо человек,

люди мстительно обрушатся на всех тигров, к событиям совершенно не причастных. Разве им объяснишь, что медведи регулярно нападают на людей и убивают их, но что-то не больно уж много желающих испытать себя на медвежьей охоте. Разве смягчит участь амурского тигра тот непреложный факт, что его бенгальские собраты до сих пор за год убивают до двух сотен людей, а все же строго охраняются.

Организовали оперативный штаб «по обезвреживанию поселившегося во Владивостоке тигра». Сколотили бригаду из крепких духом, бывалых охотоведов для выслеживания зарвавшегося зверя. Хотя, конечно, предполагали, что и бедствующего. Этой наземной бригаде дали вертолет, в который посадили еще одну бригаду, знающую в охоте толк.

... От вооруженной группы охотоведов, двигавшейся по следам, Скиталец легко уходил, и ушел далеко. Он уже решил было, что теперь-то настал черед двинуть в дальний поход на север, как догнала его низко летающая над следами ревущая железная птица, каких у людей немало. Лес был редок, сопки пологи, и не оказалось какой-либо возможности спрятаться и затаиться.

Он принял смерть, смело глядя ей в пустые глазницы. Обернулся навстречу той беспощадной птице, поднял шерсть по хребту, оскалил зубы и взревел. Даже вздыбился, угрожающе разведя передние лапы с наголо выпущенными когтями, как принято у тигров в такие мгновения... Но тут же и лег, приняв несколько смертельных кусков металла.

Печальной была его последняя мысль: «За что?.. Как жаль, что уже не будет возможности отомстить и наказать за нечестный поединок...»

Тоска тигрицы

Не так давно я долго стоял у клетки с пойманной в тайге красивой, сильной и молодой тигрицей. Стоял почти в упор к ней, глаза в глаза. Мне казалось, она уставилась на меня, но вскоре я понял, что тигрица отрешенно глядела мимо. Наверное, в свое прошлое...

Я внимательно рассматривал черно-бело-рыжий рисунок ее морды в широком разлете светлых усов и пытался прочесть тоскливые мысли, сочившиеся через устало прищуренные янтарно-золотистые глаза. А где-то рядом транзистор легко и свободно выбрасывал из себя, нисколько не считаясь с печалью пленницы, высокий и восторженный голос артиста: «Кто может сравниться с Матильдой моей...» И я себя тоже спросил: а кто может сравниться с ТОЙ полосатой Матильдой? С той, чью печальную историю я узнал, как говорится, из первых уст?

В глухом углу уссурийской тайги, возле неукротимого горного потока, много лет тайно от людей жила неуловимая Тигрица. В моем воображении — Матильда. А потому неуловимая, что с молоком матери твердо усвоила закон, требующий избегать человека. Избегать не только его самого, но и всего с ним связанного: таежных строений, дорог, домашних животных и прочего. Даже запаха.

Раз в два-три года у той красивой и сильной «полосатой дамы» вспыхивали страсти, движущие из века в век живой мир. В те дни она забывала все, шла к своему давнему другу и зажигала его тем же. Потом, через пару недель, перегорев в страстях, тигры расходились по своим уединенным соседствующим владениям и жили каждый по-своему: он — как закоренелый холостяк, не думающий о завтрашнем дне, она — в беспокойных материнских заботах о котятках — милых в слабости, потешных в неумелости и дорогих родной кровинушкой.

Тигрица Матильда трепетно заботилась о своих выводках — от влажного летнего зноя к снежной зимней стуже и снова к душной жаре, — прежде чем они из беспомощных котят вырастали в зверей, искрящихся могучей силой, акробатической ловкостью и неиссякаемой энергией. Смелых и мужественных, умных и благородных.

По два года мать старательно и умело передавала потомству сложную науку тигриной жизни, а потом, когда, наконец, уставала от каждодневных забот, ее дети становились «сами с усами», получали самостоятельность и

уже не нуждались в опеке.

Приходило тихое и незаметное расставание — навсегда. Лишь изредка они встречались после, но уже как чужие: взрослые тигры — гордые и независимые одиночки, они не любят общение с себе подобными. Даже с теми, у кого родная кровь, очень сдержанны.

Скажем еще раз, что врагов у уссурийского тигра тысячи лет не было. Неспроста же слывет он царем зверей. Разве что бурый медведь, матерый и озлобленный трудными обстоятельствами, временами покушался на царскую жизнь. Но с некоторых пор объявился здесь сильный, хитрый и коварный неприятель, именуемый человеком. С одиночным и безоружным любой тигр при нужде мог расправиться как бы шутя, но когда они объединятся да вооружатся — а так, собственно, и делали, — ни сладу с ними, ни удержу. Потому-то с годами быстро редели ряды владык уссурийской тайги, их чуть было и вовсе не истребили. А уцелели те, что научились дальней стороной обходить человека и скрытно обосновывались в далеких и глухих углах тайги, сурово раскинувшейся по труднодоступным хребтам и сопкам.

...С годами Тигрице все труднее стало избегать людей, упорно проникающих в самую лохматую таежную глухомань. Сначала они были одиночками, робкими и молчаливыми, потом их стало больше, они расшумелись, словно загрохотали грозами и заревели ураганами. Зверовые тропы все гуще пропитывались отвратительным человеческим духом. Пройдешь по ним в любую сторону и окажешься на дороге, а если вдоль нее двинуться — будут дымные деревни и множество ужасных в реве, смраде и мощи железных чудовищ, валящих и увозящих деревьями тайгу, превращая ее в унылое безлесье с пнями, кустарниками, травой, заваленное хламом. Пожары, пепелища и черные пустыни возникали людскими тенями. Все грязнее становились реки, все меньше было зверей и птиц, и все сложнее оказывалась тигриная жизнь.

Матильда ясно хранила в памяти встречи с человеком глаза в глаза. Впервые это случилось вскоре после того, как она стала жить без материнского присмотра и ухода. Столкновение произошло на лесной дороге. Он плелся навстречу ей, глядя себе по ноги, она же невозмутимо села на обочине и стала со спокойным интересом наблюдать. Тот беспечно подошел на два-три ее прыжка, а увидев — остолбенел с открытым ртом и захлестнутыми ужасом глазами, потом с воплем ринулся назад. При желании его можно было догнать моментально, но такого желания у Матильды не возникало. Зачем?

В другой раз она шла по тропе берегом реки без всякого внимания,

потому что была сытой и двигалась к своему логову, а река ревела на перекате и слепила множеством отраженных солнц. И в упор наткнулась на рыбака — подошла к нему на несколько шагов. Не испугавшись, она спокойно завернула в реку, а когда спускалась с берега, человек со страху уронил в воду длинный тонкий хлыст из тальника и обрызгал им Тигрицу. Ну и что же? Она царственно перешла на другой берег и продолжила путь. Даже не обернулась: стоит ли обращать внимание на столь слабое и трусливое существо?

Или еще был случай. Отдыхала она у своей добычи и вдруг услышала шаги подходящего к ней человека. Судя по всему, шел он беспечно, ни о чем не думая, хотя и имел за спиною оружие. Он мог в своей беспечности, чего доброго, и наступить на Матильду, и потому она предупредительно рыкнула... Никогда не думала она, что двуногие могут так прытко взбираться на деревья — будто черный белогрудый медведь-древотаз.

В тот раз Тигрица наблюдала за ним долго в упор, с неизменным интересом. И вполне могла стащить его на землю. Но опять-таки, зачем? Он дрожал, слабел и вот-вот мог свалиться, и потому царица деликатно ушла от него, предоставив ему возможность уйти на свои земли, в свои владения, в свой странный и непонятный мир. Противоестественный для нее.

Ей долго было невдомек, почему мать внушала необходимость избегать встреч с людьми. Поняла позже...

Однажды тихим и ясным осенним днем она отдыхала на высоком утесе, с которого очень зорким глазам в прозрачном после листопада лесу все было видно далеко и отчетливо. Сначала она заметила бурую глыбу медведя — того самого, который жил неподалеку и с которым она держала вооруженный нейтралитет. Он собирал под дубами желуди. А чуть позже увидела подкрадывавшегося к нему человека. Потом тот на ее глазах пустил в медведя дым, пламя и грохот. Верзила осатанело взревел, закрутился на земле, хватая себя за бок, а вскоре вытянулся и застыл. Долго наблюдала Тигрица, как человек превращал медведя в грудку мяса, и ловила себя на мысли, что двуногий зверь не слабее ее. Даже во многом сильнее и ловчее, если валит громаду медведя с расстояния, не дотрагиваясь до него.

И с той поры Тигрица твердо усвоила, что этого хлипкого телом существа все же стоит остерегаться и что мать была права: слабые эти двуногие, но в то же время и такие сильные. И еще она поняла: все их могущество в тех штуковинах, которые вместе с огнем и грохотом извергают смерть, достающую издали.

Довелось ей немного позже выйти на след своей матери, жившей по

соседству с другими своими малышами. Увидела, что по этим следам, явно их преследуя, двигалось несколько человек со сворой собак. С тех пор она не встречала ни мать, ни ее следов, ни котят.

И сравнительно недавно спешила Матильда к своему проголодавшемуся выводку, несла им в зубах косулю. Уже переплыла с добычей речку и выбиралась на берег, как перед глазами что-то резко взвизгнуло и ударило в камень с такой силой, что тот развалился, брызнул искрами и крошечками. И тут же донесся знакомый грохот, издаваемый человеком, и только им.

Не со страху, конечно, но по благоразумию Тигрица метнулась к стене прибрежного кустарника, однако добычу не выпустила. В первом порыве мелькнуло: наказать покушавшегося на жизнь! Но, остыв, подумала о детях. Собою можно было бы и рискнуть, да ведь случись что — погибать и малышам. И пошла к ним, решая увести их от греха подальше, в места поукромнее, потому что главным в жизни считала — вырастить наследников.

Осенью Матильда уводила двух своих детенышей из мест, ставших такими беспокойными. Шли вдоль мощного потока Алчана, встречу его шумному течению. Шли три дня, до тех пор, пока не исчезли дороги и пни. Приметила Тигрица одинокую избушку и суетливого мужика-охотника с ружьем, но смекнула своим звериным умом, что в этом богатом кабанями и изюбрами месте не будет им тесно.

Материнская осторожность побуждала тигрицу присматриваться к охотнику. Она несколько раз наблюдала за ним у избушки и на тропах, а дважды, затаившись, пропускала его мимо всего в двух прыжках. Она могла смять хрустко и легко, но соблюдала закон уссурийских тигров: человек не должен быть добычей.

Да, «приняли» уссурийские тигры такой закон, хотя, вспомните, не такие уж и далекие их предки относились к человеку без почтения, и он тигриной добычей становился вовсе не случайно. А полосатые собраты из жарких стран и по сей день не признают такого закона, и вкус человеческой крови им доселе ведом. Почему? Может быть, уссурийский тигр не только крупнее и сильнее, спокойнее и уравновешеннее, но и умнее своих более темпераментных и злых южных сородичей? Судя по поведению Матильды, это вне сомнения. И как было бы здорово, если б и люди строго соблюдали аналогичный закон: «Тигр не должен быть добычей». Но нет же...

...Обосновалась Тигрица с выводком в вершине сумрачного ключа, где горы густо и плотно прикрыты потоками тайги, еще не обезображенной людьми, где полно всякого зверя. Нашла там места для уютных убежищ,

натоптала тропы, выбрала переходы и засады, охотничьи участки, наблюдательные пункты — словом, все, что требовалось тиграм. Умело добывала изюбров и кабанов, водила своих детенышей от одной добычи к другой. Ели, спали, играли. Росли и учились. Все шло по заветам тигриной жизни.

Но однажды, в первый после раннего снегопада день, Матильда почувствовала враждебность соседа-охотника: оказывается, он ходил по их недавним следам и даже зачем-то стрелял в их сторону. Из предосторожности она увела тигрят в недоступную человеку скалистую вершину ключа, а сама оцетинилась тревожной бдительностью. Но человек не приходил день, другой, третий... И Тигрица успокоилась.

Потом, когда уже много раз покрывались снегом следы, охотник стал бывать в тигриных владениях чаще, однако Матильда решила, понаблюдав за ним, что ходит он трусовато, кроме соболей ему ничего не надо, а эта мелкота ее нисколько не интересовала. И опять решила Тигрица, что вполне могут они жить сами по себе, не мешая один другому. Как когда-то с тем бурым медведем — в вооруженном мире.

И все же на всякий случай в том месте, где охотник ходил по их следам, она несколько раз прошлась по его свежей тропе, чтобы знал он: намерена Тигрица платить ему тем же, что тоже интересуется его делами, а будет необходимость — и более строгие меры примет. Матери для защиты детей многое дозволено.

Но не сделал этот человек выводов из тигриных предупреждений: опять ходил по следам Матильды, определенно интересуясь ею. Она, возмущившись, тут же предприняла ответные меры: «взяла» его свежий след и прошла по нему до самой избушки. И еще раз подпускала к себе на расстояние уверенного атакующего броска. Чтобы утром тот, оглядевшись, уразумел: была, могла задавить, но не тронула. Значит, приходила предупредить, что зла не желает, но за себя, в случае чего, постоять может.

...Матильда осторожно вела уже полувзрослых тигрят по ночному зимнему лесу, обучая их премудрости жизни. Предельно внимательная и чуткая, налитая тугой гудящей силой, она была готова в любой крохотный взрывной миг пустить в ход всю свою мощь и совершенные орудия нападения. А немного позади за этой грациозно-легкой громадной силой послушно и безбоязненно, один за другим, мягко и вроде бы шаловливо, как и подобает в полудетском возрасте, шагали прилежные ученики. Они на всю жизнь с «полуслова» и полувзгляда усваивали материнские уроки, ее повадки, манеры, умение ходить и высматривать. Учились предусмотрительности и благоразумному бесстрашию. Всему, без чего

тигру в тайге не прожить.

Она остановилась в пронзительно звонкой тишине, и тигрята застыли. Слушали тайгу, но доносились лишь тихий шелест редких дубовых листьев, шепот хвои где-то около холодно мерцающих звезд да глухие переливы воды под ледяной броней ключа.

Ничего интересного не уловив, пошли, пружиня шаг, по звериной тропе дальше. И так бесшумно, как только кошки могут. Мать прилегла, и дети тут же, учительница спустилась к заледенелому и заснеженному ключу, и ученики неотступно за нею. Цепочкой, след в след. Когда Тигрице требовалось по какому-нибудь серьезному и ответственному делу идти одной, она бросала на тигрят мимолетный взгляд, тихим, утробно коротким не то «мяу», не то «уур» заставляла их залечь в терпеливом ожидании, и они не смели ослушаться, каким бы долгим ни было отсутствие матери.

Она учила своих детенышей не просто ходить по тайге, высматривая добычу, но и приобщала их к сложной науке «братъ» ее. Такие уроки уже бывали: вернется за тигрятами и поведет к обнаруженному живому зверю. Покажет его. Потом усадит наблюдать, сама же начнет его скрадывать, стараясь оставаться на виду учеников. Самым главным в этих уроках было четко и ясно продемонстрировать заключительный акт охоты: молниеносные прыжки и могучую хватку, «успокаивающую» жертву так быстро, что не успевает понять несчастная, что происходит.

Случалось и такое: покажет подрастающему поколению добычу, уложит учеников в засаду, потом уйдет в обход, тихо, осторожно пошумит и направит зверя прямо на затаившихся юных охотников, чтоб те показали, на что способны... Однако слабым пока было у них умение поймать и умертвить добычу, плохо еще, долго валили они жертву.

Но ушла и вернулась Тигрица раз, другой, третий, а удачи все не было — случается ведь полоса невезения даже у очень опытных охотников. Вся семья хотела есть, но они умели терпеть, не мучаясь голодом и не скуля от обиды, потому что эти могучие полосатые совершенства от рождения преисполнены уверенности, что свежее мясо непременно и вскорости будет.

И снова отправилась Тигрица на поиски.

Беда случилась в глухую полночь, когда было так тихо, что слышались удары сердца, а «работали» лишь чуткие уши да вибриссы. Обонянием тигры, как все кошки, не могут похвастаться, и Матильда в густо набухшей темени на скромные возможности своего носа особых надежд не возлагала. Поэтому, а может и по иной причине, просто в силу того же невезенья, она угодила в петлю из стального троса, хитро поставленную в узком проходе

между старым кедром и выворотнем, где раньше проходила много раз след в след.

Петля, настороженная и замаскированная елочками и мхом, сверкнула металлом перед мордой и остро запахла человеком лишь когда трос туго затянулся на шее. Могучий рывок оплошавшего зверя вперед, назад, вбок, вверх, вниз! Напрасно. Трос держал мертвой хваткой. И тогда звездную сонную тишину, которой еще мгновение назад, казалось, не будет конца и края, разорвал хотя и приглушенный петлей, но все же сильный и жуткий рев царя уссурийской тайги. Оставленные в густой щетке молоденьких елочек тигрята оцепенели в страхе, потому что по голосу узнали мать и догадались, что та попала в беду.

Тигрица сначала рвалась из петли беснующимся вихрем, а потом, натужно переведя стиснутое дыхание, стала изо всей силы тянуть трос в разные стороны, рвать его клыкастой пастью. Силы было много, упорства еще больше, но стальной трос оказался крепче и этой силы, и этого упрямства.

Измотавшись в первой бешеной попытке освободиться из ловушки, Матильда рухнула, со звоном вытянув трос. Она свирепо сузила глаза и открыла белозубую пасть, чтобы облегчить трудное дыхание. В лихорадочной коловерти мыслей замельтешило беспокойство за котят, замелькали былые картины суровой таежной жизни, кровавые стычки с недругами и просто всевозможные трудности. Но вот такого еще не было.

Бессильно затихнув, Тигрица прикрыла глаза и увидела цепкой звериной памятью, как беспечно шел тогда по тропе этот злой и коварный человек, как приблизился к ней, затаившейся за валежиной, настолько, что она ухватила его резкий запах, заметила недоброе выражение глаз, услышала его сиплое дыхание... Вспомнила, как близко подходил он к ней, залегшей у избушки. Этот ужасный трос хранил мерзкий запах того человека. И теперь желание прыгнуть на него стало таким неодолимым, что она взвилась в прыжке. И снова забилась, и опять глухо зарычала, но рык скоро перешел в стон.

Было обидно: «Что плохого я ему сделала? Мешала? Брала не свое? Ведь много раз могла его придавить легко и без риска, но не трогала. Почему же он не принял мои предупреждения и предложения не переходить друг другу дорогу?» И опять в злобе и остервенелой ярости забилась, затряслась Тигрица в железной петле, неумолимо цепко державшей ее.

Рухнула. Перевела дыхание. Опустила голову на лапы, забрала натянутый трос в рот и стала грызть его. Крепки и острые зубы тигра,

могучи его челюсти. Кость режут, как ножницы нитку. Но трос этой силе оказался неподвластен. Крошились зубы, кровоточили десны, а трос не поддавался. Тогда опять встала несчастная на ноги, опять натянула его до звона, и опять забилась, заметалась, задергалась в ожесточенном отчаянии... О, если б ей знать об этом заранее!..

Вода камень точит. Дерево, к которому была намертво привязана петля, свалить или перегрызть оказалось невозможно, нельзя было и порвать эту сталь. Но случилось непредвиденное: трос в бесчисленных сильных рывках могучего зверя нет-нет да и перекручивался на излом в одном и том же месте, тронутым ржавчиной. Перетерлась одна проволочка, другая, вот уже затопорщилась целая прядка, вторая, третья, а три последние лопнули при очередном рывке Тигрицы.

Почувствовав свободу, Матильда бросилась к детям, но... петля по-прежнему душила, а конец оборванного троса волочился, сплетаясь цепкими проволочными прядями с хвостом. Перевернувшись на спину, Тигрица стала остервенело рвать петлю лапами, грызть ее конец, но от этого лишь больше крови лилось из изодранной сталью и когтями шеи и пасти. Петля как бы приварилась к шее, намертво закрепилась на ней резким изгибом троса, спутанного слипшейся от крови шерстью.

...Тигрята радостно бросились навстречу матери, но та не разделила их восторга. Она обессиленно улеглась, положив голову на вытянутые лапы, и трудно вздохнула. Ее силы здорово поубавились, а через туго сдавленное горло воздух проходил с хрипом и свистом, отчего дыхание было загнанным и поверхностным. Так и дышала, так и лежала, так и думала. Час, другой. День, второй, третий. Мать слабела, у детей подводило животы. Их красивые полосатые шкуры портили выпирающие ребра.

Хоть и царская, но несладкая жизнь у уссурийского тигра. Одна зима чего стоит, в такую стужу попробуй без обильного корма выживи. Погибнуть здесь от голода и стопроцентно умелому охотнику не заказано. Можно пострадать и от медведя, и от секача, даже от лося и изюбра, если не соблюдать осторожность. Но никакая предусмотрительность не в состоянии уберечь зверя от козней человека. Как можно было избежать этой петли — такой крепкой и такой беспощадной?

Злоба и жажда мщения пересилили в Тигрице материнскую заботу, и она, приказав детям лежать, собрав оставшиеся силы, побрела туда, где жил тот двуногий. Пошла не по его тропе, а напрямик, через тайгу и горы. Она не сообразила, что прямая дорога далеко не при всех обстоятельствах самая короткая, и потому потеряла много сил и времени, путаясь цепким концом изогнутого троса в кустарниках, лианах и валежнике.

Обойдя избу по кругу, Матильда увидела, что свежий след ее хозяина уходил вниз по ключу. Собравшись с силами, она устремилась по нему и неожиданно быстро увидела своего врага вздернутым на кедре. Он прилип к точно такому же тросу, что терзал Тигрицу, и зачем-то кромсал в щепки дерево, издавая злые крики. Ей было невдомек, что охотник угодил в им же поставленную на медведя вздергивающую петлю, а теперь обозленно и отчаянно высвобождался из нее.

В первом порыве наказать за причиненное ей зло и обезопасить своих детей Матильда приготовилась покончить с этим зловредным существом одним махом. Уже собралась она к прыжку, подавляя вырывающийся рык мщения, но в следующий миг ее удержало непонятное: это существо на дереве и, судя по всему, крепко на нем застряло. И зачем ему грызть это дерево? Отчего испускает отвратительный дух страха? Почему рычит в злобе?

В уверенности, что мщение не уйдет, Матильда тихо подошла к двуногому, а он, увидев ее, замычал, обморочно обвис вдоль дерева и застыл. Она обнюхала это жалкое тело, и ей стало противно. Она отошла прочь и легла...

Уж в который раз собравшись с силами, после долгого лежания с безостановочно мечущейся мыслью в поисках спасения, Тигрица вдруг неожиданно решила, что освободить от петли и боли ее сумеют только люди: «Они ведь все могут! Могут легко умертвить с дальнего расстояния любого, и самого сильного зверя. Могут валить с необыкновенной легкостью вековые деревья и без труда увозить их в свои далекие дали. Могут управлять чудовищными машинами невероятной силы... И если не они, то кто же еще на оглушительно ревущих чудовищах из стали летает, словно громадная птица? И что в сравнении с этим снять петлю с живого, доверившегося им существа?»

Взглянув на все еще неподвижно висящего человека, Тигрица усомнилась было в своем решении, но особое звериное чутье подсказывало: «Да, могут все. Ведь взяли в свое время под охрану закона спасшихся от гибели тигров...»

И выйдя на белое ровное поле ключа, она устало и понуро поплелась в людское логово, которое когда-то видела в низовьях Алчана в двух днях пути отсюда.

Но добиралась до людей все трое суток. Она как бы автоматически оглядывала таежный мир с одной стороны дороги и с другой, как неизменно делала прежде. Свое внимание ей пришлось сосредоточить на тех клочках-пятачках, которые ей предстояло преодолеть. Но беглым

взором и затуманенным сознанием Тигрица отмечала, что все реже становится тайга, все плешивее, все развороченнее... И вот ее уже иначе и не назовешь, как искалеченной, изуродованной, разгромленной и оскверненной.

Она узнавала и не узнавала смолоду знакомые ей распадки. Тогда, лет десять назад, были они в густом буйстве громадных деревьев. В чистой, зеленой, тенистой тесноте, полной всякого зверя. Теперь же тот мир великолепных распадков напоминал пока еще живое существо, но с заживо содранной шкурой. Повсюду несусветные завалы искореженных и высохших деревьев, горестно протягивающих ветви к небу, повсюду брошенные на гниение штабеля бревен. И везде лысые склоны, и куда ни глянь — пустыня: ни зверя, ни птицы. И бьет в нос всякая вонь, и воду из дымящейся речки пить противно: отравя.

Она знала, что все это — дело рук человека. Уже не возмущалась, потому что устала. Просто удивлялась: почему мир терпит такое? Почему природа не мстит, не наказывает? И надолго ли хватит ее терпения? И что в итоге станет с таежным миром, если этому терпению не придет конец?

Матильда старалась идти волоками, но они были настолько замусоренными, что конец петли постоянно за что-то зацеплялся и дергал, пронзал всю ее страшной болью и едва переносимым страданием. Но и минуя волоки, идти было не легче.

Возможно, так и не доплелась бы она до людей, но ей в некотором роде повезло: незадолго перед нею прошло здесь какое-то могучее железное чудовище и продавило в еще слабо промерзшей земле глубокий широкий след. До самой глины. Он уже затвердел и Тигрицу удерживал, она же почти в беспомощности брела по нему. Этот глубокий и долгий шрам на теле земли привел ее к людскому логову.

...На севере Приморского края тогда еще жило старое маленькое умирающее таежное село со странным названием Холмы. Может, потому его так называли, что лежит оно вроде бы на спине небольшого возвышения. В нем всего-то десяток черных от солнца, дождей и времени домов в окружении больших огородов с обветшалыми заборами, да еще коровьи стайки, свинарники, курятники. И неизменные, черные же, баньки на задворках. Словом, сохранившийся, но уже обреченный реликт старой деревенской Руси.

На окраине этого маленького села доживали свой век старики Сахаровы. В тот тихий морозный, зимний день хозяин ездил на покос смотреть сено, да что-то припозднил. Услышав хлопок наружной двери и шаги в сенях, возившаяся на кухне хозяйка сначала не обратила на них

внимания. Решила, что наконец-то вернулся ее старик. Но в сенях кто-то топтался, потом вроде бы тяжело лег на пол. «Не пьяный ли какой?» — подумала и открыла дверь в коридор. И обмерла старая: на полу лежал доселе виданный ею лишь на картинках тигр. Огромный, рыжий, в темную полосу. Задетый открывшейся дверью, он спокойно и, как показалось старушке, равнодушно посмотрел через плечо на человека и снова положил голову на пол.

На самом же деле в глазах зверя просверкивало не равнодушие, а мольба о спасении. Это была изголодавшаяся Матильда, с ниточно тонким остатком сил, еще недавно казавшимся неиссякаемым. Она целую неделю страдала в петле и уже не могла остро реагировать на события жизни. Вроде бы в полусне зашла в дом и увидела человека совсем рядом... Она, Тигрица, обратилась к людям за помощью, и это было неслыханно: такой могучий, гордый, свободолюбивый и независимый зверь, и вдруг сам пришел к тем, кого имел все основания люто ненавидеть.

С ужасом и предобморочным криком захлопнув дверь, старушка обратилась за спасением к Господу Богу, но с неба помощь не пришла, и тигр продолжал лежать совсем рядом.

Странное дело: вспомнив о старике, бабка начала быстро успокаиваться и... Но дадим лучше ей, бабе Лене, слово. Вот фрагмент магнитофонной записи ее рассказа, сделанной буквально через несколько дней после случившегося.

«А как же папка, когда он вернется? Откроет дверь, а на него тигра... Надо, думаю, что-то делать... Приоткрыла дверь и гляжу в щелку — лежит тигра, а на шее у ней петля из каната. Спокойно так лежит, вроде спит в своем доме или отдыхает, только дышит хрипло как-то. Поймала я кота своо и в коидор ево — задобрить тигру хотела. Да она на кота ноль внимания, а тот как заорет да как брызнет со страху-то, и на стенку, под потолок... Дрожит там, дико озирается... Взяла булку хлеба, открыла дверь пошире и говорю ей: «На, поешь». Тигра аккуратно взяла хлеб лапами, понюхала, но есть не стала, а на меня посмотрела чудно как-то, жалобно... Думаю, чего-то другого ей надо. Пошла в хату, взяла вареную картоху, выхожу в коидор — ан нет моей тигры! Потом вижу — под лавку залезла она. И смотрит на меня спокойно так, внимательно, и вроде бы сказать что хочет. А голова на вытянутых вперед лапах лежит. Большая, как-то и страшная, и нестрашная, а жуть душу трясет... Я стала разговаривать с ней, а она слушает. Что тебе, говорю, голубушка, надо... А тут мой папка идет. Я кричу ему, что тигра у нас в коидоре, а он не понял. Открыл дверь — да как закричит, как рванет со двора... Давненько таким прытким не вид

ела ево...»

Уже через несколько минут Холмы бурлили в скромную силу своих немногочисленных, в основном старых жителей села, властями заживо списанного и забытого. Эти люди не набросились на пожаловавшего в деревню страшного хищника с ружьями, а лишь крепко подперли его в коридоре наружной дверью, через окно освободили старушку из плена в своем же доме и позвонили на зоологическую базу: так, мол, и так, срочно приезжайте брать живьем, потому как тигр с петлей на шее, по всему виду слаб, и спасти его надо.

Приехали скоро, с большой клеткой и сильными мужиками. Заглянули в щели коридора — лежит. Действительно, с глубоко врезавшимся в живое тело тросом петли. Вооружившись рогульками, как обычно делают при отлове тигрят в тайге, открыли двери, плечом к плечу вошли в сени. Тигр смотрел на них умно, спокойно, просяще. Лишь когда люди начали снимать петлю и страшная резь от этого пронзила зверя от носа до хвоста, он без злого умысла, а просто дернувшись от боли, задел одного из мужиков лапой. Но такого легкого с виду движения оказалось достаточно, чтобы человек отлетел в угол и с грохотом, ломая доски, врезался в стену коридора... Зверь увидел это и, наверное, подумал: «Какие же вы, люди, оказывается, и в самом деле слабые», — и больше к ним не притрагивался.

Тигрица не кричала о своих страданиях. Не скулила. Не ныла. Она для этого была слишком горда и не теряла достоинства ни при каких обстоятельствах. Страдала молча. С виду совершенно спокойная, закрыла глаза, чтобы не видеть, должно быть, своего позора, Матильда дала связать себя и погрузить в клетку. Ее понесли, а затем повезли в грохоте и смраде автомобильной дороги, которую этот зверь всю жизнь обходил стороной.

На зоологической базе сделали все возможное: промыли давно и сильно загноившуюся рану, смазали и присыпали ее лекарствами, и еще что-то делали, но Тигрицу не спасли. Страшное это дело — заражение крови. Мертвые, но все еще золотистые глаза Тигрицы были устремлены куда-то вдаль. В них застыла предсмертная тоска, трудно нам, людям, понятная. Может, она в последние мгновения думала о свободе, беспокоилась об обреченных на гибель тигрятах, а может, и о людях сложный вопрос пыталась разрешить: «Какие из них злые, а какие добрые?..»

А скорее всего она переживала давно и недавно прожитое. Конечно же, для матери нет более важного, чем дети. Но ведь сколько в жизни было яркого, острого, опасного... Радостного и горестного, доброго и злого. И так все печально, так бедственно обрывается.

У нее было много времени для того, чтобы, преодолевая боль и тоску, вспоминать светлые радости и суровые таежные будни. Осознанно вспоминать, в полусонной дремоте или забытии. Вспоминать детство, которое было счастливым, потому что рядом бдила мудрая, заботливая и самоотверженная мать, было с кем играть и познавать строгий, прекрасный и таинственный мир. Вспоминать первые годы одинокой самостоятельности, когда оказывалось очень много сил, ловкости, энергии и здоровья, но так не хватало опыта. Вспоминать два полных круга взращивания и воспитания собственных наследников, и этот последний, печально оборвавшийся на половине. А сколько было всевозможных встреч, схваток, битв! Трудных зим и щедрых, легких зеленых весен и лет. Когда царство над таежным миром было признанным, и когда на него покушались люди. Те самые, которые разрушали и оскверняли недавно изумительный таежный мир.

Но воспоминания эти и размышления с каждым днем слабели и туманились, и наконец настало время, когда из-за страданий не стало ни сил, ни желания и вспоминать, и размышлять, и даже тосковать и сожалеть.

Я подержал в руках ту скрученную и размочаленную крепкими зубами петлю, в которой погибла Тигрица. Трос бурел старой кровью, к нему присохли рыжие, черные и белые волоски. Видел и чучело из Матильды. Сделано оно кустарно плохо. На шее потертость шерсти и изодранность кожи даже не замаскированы, плексигласовые глаза совсем не тигриного рисунка и окраса. С досадой подумал: такой был царственный зверь — и такое из него чучело сляпали.

Тигроловы после рассказывали: «Вышли мы на следы тигрят. Двое их было, уже крепенькие. Ходили почему-то без матери, ее старые следы сильно припорошило. Голодали до того, что грызли гнилушки, обрывали с деревьев мох — лишь бы чем-то животы набить. Дошли было мы до их свежих следов и уже думали на следующий день брать тигрят, да по закону подлости свалилась такая пурга, что два дня из палатки не вылезали. Снегом все завалило, никаких старых следов не осталось. Ходили мы, ходили, да куда там. С тем и вернулись. Погибли малыши, замерзли. Иначе нашли бы их... И куда делась тигрица?»

Я уважаю тигроловов, но мне не захотелось рассказывать им историю Матильды. Эти смелые, сильные люди вряд ли поняли бы мою печаль: в случае, когда тигрица неожиданно бросается на спасение осажденных собаками и людьми тигрят, охотники убивают ее. Такое было не раз. Не раз и я был тому свидетелем. Но об этом не принято говорить.

Такие они разные — тигры

Обычно я пишу о том, чему сам был свидетелем или услышал от людей, заслуживающих полнейшего моего доверия. И потому свои рассказы называю былями. Сочинения и выдумки — не для меня, небылицы раздражают. Особенно если они на таежную тему.

Как профессиональному охотоведу, мне часто и подолгу приходилось беседовать не только с коллегами, но и с промысловым людом, и просто со старожилками. Я получал от них бесценные сведения о том, что было в тайге прежде и что есть теперь. А со временем научился почти безошибочно определять степень правдивости рассказов того или иного собеседника. Ну а те, кого знаю давно, говорят мне только правду.

...Со знаменитым хабаровским хирургом Я. мне посчастливилось познакомиться лет пятнадцать назад, когда появилась необходимость в сложной операции, от исхода которой зависело для меня очень важное: смогу ли я ходить в тайгу или это станет для меня заказанным. Я сначала узнал его как хирурга с золотыми руками, но потом оказалось, что это еще и заядлый, опытный охотник.

Он всегда серьезен, и даже шутит лишь слегка улыбаясь. «Если я не отведу душу в зверовой тайге, — сказал он как-то, — не зарядюсь там вдосталь, в операционной мне будет вроде бы чего-то не хватать, порою не окажется должной концентрации внимания, и мой профессионализм нет-нет да и пошатнется...»

Золото своих рук он недавно продемонстрировал на моей серьезно покалеченной ноге. Потом мы с ним в палате и его кабинете подолгу разговаривали на сблизившую нас тему. А в последний затянувшийся вечер обсуждали газетные сообщения о жутких проделках тигров. На Бикине один из них задавил трех человек и двух из них съел. В верховьях Матая амба зашел и обосновался в сарае, другой же бродил неподалеку. В Соболевском охотхозяйстве «прописалось» аж шесть (!) грозных хищников, вытеснив оттуда законных охотников с лицензиями на изюбра и кабана... Мы разговорились о сложных, часто противоречивых, тигриных повадках. О том, что у каждого тигра есть общие черты поведения, а есть и сугубо «личные», и что один и тот же зверь не бывает одинаковым в разные периоды.

И вот какие таежные были рассказал мне в тот вечер доктор.

«В душе я никогда не считал тигра таким таежным джентльменом, к

человеку испытывающим почтение, хотя молча соглашался с утверждениями наших «тигроведов» о том, что амба людей просто так не трогает и поперек их пути не становится. Увидев свежие тигриные следы, я всегда настораживался, а в ружейные стволы загонял пулевые патроны. Думается мне, что и другие таежники поступают так же, хотя не все в этом откровенно признаются. Иные же при удобных обстоятельствах стреляют, прицеливаясь в самое убойное «полосатое место».

Я всегда с обостренным интересом выслушивал и читал сообщения об отстрелах тигров и частенько сомневался в заключениях «спецов» о том, что гибли эти звери «зазря» от рук браконьеров или просто перетрусивших охотничков. Но вот только никак нельзя было объяснить одно жуткое происшествие: в Приморье хищник задавил бульдозериста прямо у его машины и за ночь съел его наполовину. Вскоре людоеда застрелили: он был в силе и без каких-либо ранений. Потом объявился такой же на Самарге, а через год — на Колумбе...

Однажды в конце ноября привезли мне для срочного оперирования охотника прямо «с тропы». Состояние его было тяжелым: глубоко прокушены плечо, голень и бедро, сломана кость предплечья, когтями разорвана шея под затылком, множественные раны на груди... Несчастье случилось три дня назад, положение пострадавшего усугублялось большой потерей крови... Мы его спасли. Но с тех пор я хорошо знаю, какие страшные раны и увечья способен наносить наш многоуважаемый полосатый «краснокнижник».

А история того происшествия такова. Шел охотник самых крепких лет по домашнему путику, оборудованному на колонков да зайцев вдоль старой лесовозной дороги неподалеку от таежного поселка. Была та ловчая тропа проложена петлей всего на десяток километров, пройти по ней по охотничьим делам удавалось за три-четыре часа. Следовал пушник без ружья, довольствуясь хорошим ножом. И так шел да шел он, сосредоточившись на капканах да свежих следах зверьков. И услышал приближающийся к дороге треск по чаще тяжело прыгающего крупного зверя. Подумал было охотник, что кабана кто-то гонит, и остановился в любопытстве, сожалея, что оставил ружье дома.

Но на дороге в пятнадцати метрах от него выпрыгнул тигр! Вымахнул и застыл, оглядываясь. А увидев человека, заревел, забил лапами по утрамбованному снегу, захлестал по себе хвостом... Насмерть испугавшийся мужик проворно полез на ближний дуб, но зверь решительно подскочил к нему, успел схватить за валенок, прокусил его вместе с ногой, стащил, подмял под себя и стал рвать, издавая утробный

рык.

Достоинно уважения, что несчастный в эти страшнейшие мгновения не потерял себя. Более того, он выхватил нож и ударил им врага и раз, и другой, и еще... И тот его оставил, отскочив на дорогу. Вгорячах охотник поднялся и побежал в сторону села, до которого оставалось уже недалеко. Однако тигр его догнал, снова повалил и опять стал рвать. Оставил жертву лишь когда та перестала шевелиться: несчастному только и осталось делать, что притвориться мертвым.

А не расстался он с жизнью по очень счастливой случайности: в эти трагические минуты по дороге из села стал подъезжать трактор за сушиной на дрова.

Подобных историй к тому времени я знал уже достаточно много, но в большинстве их пострадавшие утаивали главное: они сами спровоцировали нападение зверя, не любящего фамильярного с собой обращения, а тем более преследования и стрельбы. И я однажды спросил моего поправлявшегося пациента: «Скажи честно, ты был в тот день без ружья? Если так, то почему? Ведь есть же оно у тебя наверняка!» И получил ответ: «Есть, конечно... Зря не взял... Было бы со мной — застрелил бы, не считаясь с запретами и наказаниями... Поразвели...» Помолчав, я спросил еще: «Не заметил ли в звере каких-то ненормальностей? Может, дряхлый, увечный, раненый или просто больной?» Мой собеседник не дал мне досказать вопрос и слабо махнул рукой: «Нормальный... Токо тощей... Совсем еще молодой... Зубы белые, как сахар... На ноги очень резвый... Еще не уразумел, однако, что человека надо обходить стороной...» Я уже знал, что этот пострадавший от ран излечится гораздо быстрее, чем от психического срыва и потрясения. И будет он мстить тиграм всякий раз, когда представится возможность. При выписке он в этом откровенно признался, шевеля желваками и скрипнув зубами.

Потом мне в краевом охотуправлении рассказали о деле, связанном с тем несчастливцем. Выезжала комиссия на место происшествия, охотоведы с егерями два дня ходили по следам нападавшего тигра и пострадавшего мужика. Охотник был, как удалось установить, действительно без ружья. Молодой, лишь недавно оставленный матерью и долго голодавший тигр, услышав кого-то, видимо, по неопытности принял его за кабана и бросился на грубое азартное сближение вместо того, чтобы подкрасться незаметно и неслышно, как это принято у тигров. Дуб тот видели и осмотрели, и следы борьбы человека с тигром в двух местах. На снегу вокруг бурело много крови. Ушел тигр тоже с нею, однако сначала она густо заливала отпечатки лап, а с расстоянием ее было заметно меньше. Потом и вовсе не стало...

Было ясно, что раненый тигр теперь для человека определенно опасен, и охотуправление решило его «изъять». Был он молод и худ, и оказались на его плечах глубокие ножевые раны... Знать, охотник говорил правду, и только правду. И не лукавил он, не бахвалился, когда признался, что будь у него в те минуты ружье, застрелил бы агрессора.

Но в том, что всякого встреченного на таежной тропе тигра надо считать «вооруженным и очень опасным», я уверовался после событий, которые останутся в памяти такими, словно вчера случились, живи я хоть тысячу лет.

В ноябре это было. В тайге на Матае. Снег выпал накануне, но холода еще не подступили. Мир был огромный и чистый, высокое небо сияло голубизной, и дышалось мне, и думалось светло и радостно... Время шло к вечеру, но я неспешно расставлял капканы по своей тропе, благо до заброшенной лесовозной дороги было метров триста, а по ней добраться до зимовья можно было и потемну.

Наклонился я к очередному «шалашу», капкан в него осторожненько определил, сухим листом и хвоей маскирую... Мирно, благодно, радостно на душе, как нередко бывает в тайге, когда уже не жарко, но еще и не холодно... Когда вырвешься сюда из суматошного смрадного города, а впереди лишь только начавшийся отпуск.

И вдруг этот благодный покой сначала потревожили, но вскоре стали кромсать треск валежника под тяжелыми лапами и глухое буханье прыжков крупного зверя. Я мгновенно вскинулся и... Ну как бы поточнее выразиться... Обомлел?.. Испугался?.. Ошалел?.. И да, и нет. Однако мое здоровое тренированное сердце застучало учащенно, а вроде бы крепкие нервы натянулись в струну... Впрочем, было отчего: по редколесному склону сопки мчался большущий тигр. Метрах в восьмидесяти. Он прыгал, высоко подняв направленную в мою сторону голову. Прыгал сначала не напрямик ко мне, а по сужающейся дуге спирали, стараясь разглядеть источник беспокойства. А когда увидел меня, поднявшегося и застывшего, резко повернул в мою сторону... Через какой-нибудь десяток секунд он вкопанно остановился метрах в тридцати и стал зло стегать себя хвостом, выдавливая из нутра отрывистый приглушенный рык.

С полминуты мы разглядывали друг друга. Я хорошо видел, что тигр был настроен агрессивно, и понял, что приятного от этой неожиданной встречи один на один посреди тайги ожидать нет оснований. Заложил в правый ствол патрон с крупной картечью, в левый — с жаканом... Сдвинул наперед нож на ремне... И стал прорабатывать разные варианты развития событий в последующие мгновения...

«Скажу тебе, то были напряженнейшие секунды... — от волнения мой собеседник встал и заходил по кабинету, что с ним случилось очень редко. Но взял себя в руки и продолжил уже сидя. — Я видел голову и грудь тигра как бы в упор. Видел его полуопущенную, в гневе вздрагивающую черногубую челюсть и розовый язык, протиснутый между белыми стилетами клыков... И жесткий разлет усов... И ярко вымазанный кровью подбородок тоже разглядел...

Мелькнула мысль: он пировал у свежей добычи и обозлился нарушением его сытого покоя. Подумал, что благоразумнее всего отступить «задним ходом». Но стоило мне сделать три шага и ненароком сломать ногой сухую ветку, как тигр прыгнул ко мне два раза и застыл вместе со мною... Теперь я видел еще и злющее выражение его глаз... И понял, что жизнь свою надо защищать.

Конечно, будь в моих руках самозарядный карабин или, на худой конец, обыкновенная винтовка, я бы пальнул над головой нападающей стороны, но в распоряжении моем имелась всего пара патронов в стволах, и знал я твердо, что за полторы-две секунды, необходимые тигру для того, чтобы достигнуть меня, перезарядить двустволку не успею.

Это я теперь так спокойно вещаю. Даже героически. Тогда же во мне все было натянуто до звона. Страх меня не сковал, нет, я владел собою. Но... В такой обстановке и самое храброе сердце стучало бы не меланхолично, и мысли бы мельтешили как палая листва под шквалом ветра. И была в те минуты одна протестующая мысль: кто сказал, что амурский тигр, если его не спровоцировать, на человека не нападает? А подайте его сюда! И поставьте со мною рядом!

Мне оставалось попробовать отпугнуть этого вражину, во всяком случае побудить оставить меня в покое, иным манером, обойдясь без выстрелов. И я разбойно свистнул, закричал, устрашающе замахал руками... Но не успели эти звуки взвиться над тайгой и сопками, как тигр уже летел в мою сторону. Летел решительно и стремительно. И когда до меня оставалось два тигриных прыжка и полсекунды времени, я выстрелил картечью в грудь и шею амбы. И выстрелил удачно.

Таежный мир еще гремел, а тигр уже взвился на дыбы во весь свой рост и заревел, и замахал передними лапами с выпущенными когтями, завертел головой, словно ее кто-то стиснул. И все же первой моей мыслью была именно эта: какой же он громадный! А с брюха-то совсем не рыжий, а белый в черную полосу. И лишь потом я подметил: поразил зверя удачно, но не смертельно. И стал ловить мгновение для решающего выстрела... Им я пронзил «бандита» сбоку по лопаткам. И он рухнул, исторгая из пасти

кровавую пену.

Мне потребовалось всего несколько секунд для перезарядки стволов, однако когда я поднял глаза — тигра не было. Он успел свалиться в протекавший рядом ключ, и по шуму можно было определить, что зверь тяжело уходит от меня. Я не стал его преследовать, благоразумно решив, что так мне будет легче всего доказать власть преобладающим, кто был агрессором, а кто защищался. Ведь следы на снегу неопровержимо подтверждали, что я всего-навсего оборонялся.

Обо всем случившемся написал я в крайохотуправление и отправил письмо по назначению с шофером лесовоза. Там в правдивости моего заявления усомнились и прислали комиссию. Но и в моих, и в тигриных следах была только правда.

Однако что интересно и немаловажно! Оказывается, то была мать двух почти взрослых тигров. Выводок трапезничал у только что добытого изюбра, самка слышала шум моих шагов и ринулась разобраться, кто же посмел беспокоить мир и покой счастливого семейства.

Ее долго не могли найти — так много там было натоптано тремя тиграми. Решили поначалу, что раны затянулись и оказались не смертельными. Но на второй день «следствия» одиночно шедший егерь услышал за спиною шорох, обернулся и увидел крадущуюся за ним тигрицу. Убедившись, что человек ее увидел, она ускорила приседающие шаги... На прыжки у нее сил не оказалось. Видно, стремилась отомстить если и не прямому виновнику ее несчастья, так хотя бы соплеменнику.

Егерь подпустил ее до десяти метров, дважды выстрелил из карабина поверх головы нападающей, но та не остановилась. Она упорно тянулась к двуногому пришельцу в ее исконные владения с всепожирающей ненавистью и неутолимой жадой мести. Тигрица была на исходе жизни и до последнего мгновения считала людей своими смертельными и непримиримыми врагами. Во всяком случае, я в этом уверен».

Мы долго молчали, потом я попросил рассказчика пояснить свою заключительную мысль, и он охотно это сделал.

«Да я в подобном утверждении уверен! Суди сам. Была она владычицей богатой тайги и имела все для царственной жизни. Но вот пришли мы. И закончился у нее покой, с добычей стало напряженно. Мы никак не хотим и не можем мысленно поставить себя на место тигра, как бы перевоплотиться в него на время, проследить ход его размышлений... Понаблюдать из тигровой шкуры тигриными глазами за людьми. Жадными, расточительными, эгоистичными и жестокими. Использующими разум свой и беспримерную для живого мира мощь во вред природе и себе

самому. Возьми хотя бы уничтожение тайги пилой и огнем. Как это должны «оценивать» ее обитатели? Она ведь для них — дом незаменимый. А мы всех и все подмяли под себя, не имея для этого, строго говоря, каких-либо оправданий... Да, в ту тигрицу я стрелял вынужденно, однако у нее для нападения имелись свои основания. Только мы в силу собственной надменной эгоистичности не принимаем их во внимание. А жаль».

Но все же тигры удивительно разные, — еще раз соглашались мы с доктором. И этаких непримиримых к людям, как та тигрица, гораздо меньше тех, что умеют избегать конфликтных ситуаций с человеком, причем нисколько не теряя собственного достоинства и умения оказывать на все живое, в том числе и двуногих пришельцев, магическое воздействие.

Однако в тот вечер мы вспоминали эпизоды и совершенно необычного поведения тигров, и об одном из них мой многоопытный собеседник принялся подробно рассказывать.

«В тот год я поехал в давно знакомые матайские кедровники с другом своим Борисом на испытанном вездеходном газике. Зима уже ярилась, снега улеглись по колени, ключ, около вершины которого стояло наше зимовье, насквозь пересох и перемерз. И приходилось нам для водопользования топить лед. Садились мы в свою «антилопу гну», по ключу поднимались метров триста, там долбили обильно выступающую на крутяке наледь, набивали льдом молочную флягу и везли ее в избу.

И вот однажды вечером возвращаемся мы с этакого промысла, а на очередной обрыв крутого поворота ключа грациозно выпрыгивает тигр и останавливается как вкопанный, словно специально демонстрируя нам мощь свою и демоническую красоту. Борис автоматически ударил по тормозам, автомобиль по заледенелому ключу проскользил несколько метров и... застыл от полосатого — рукой подать... Ну, если и не рукой, то стволом карабина обязательно.

Так близко тигров я не видел и в зоопарке. Ударом лапы он вполне мог разбить стекла автомобиля, а потом по одному извлечь нас из него и поставить рядом с собою для допроса или забавы, благо для выяснения с нами отношений у него имелось оснований предостаточно, потому что промышляли мы по соседству и наши интересы скрещивались... Ну а если б ему вздумалось вспрыгнуть на непрочную крышу нашей машины? Выдержала бы она? Ведь под два центнера было в шутнике, не меньше! И я тихо сказал своему другу: «Поехали». Он отпустил тормоза, газик медленно покотил под уклон ключевого русла. А тигр... стал сопровождать нас, вышагивая берегом совсем рядом с нами, потому что шириной тот ключ был никак не более шести — восьми метров, колея же накатана

посередине.

Борис включил скорость — тигр перешел на удивительно легкие для этакой громадины прыжки. Голову задрал, пасть открыл, хвост свечой поставил. И всем своим видом как бы говорил: «Да не нужны вы мне, просто поиграть захотелось и познакомиться поближе... Следим-то друг за другом и косимся, почитай, три года, а встречаться глаза в глаза не желаем!»

Уже недалеко от зимовья набитая в снегу колея выползла на отлогий берег и запетляла между больших валежин и корчей. И вот представь себе: продвигается машина вроде бы на толстенное бревно, покрытое полуметровым слоем снега, а за ним уже успел улечься шуткующий тигр. Он плюхнул голову в снежную толщу и весело глазел на нас, приветливо помахивая хвостом... Машина отворачивает в каких-нибудь двух метрах — и амба за бревном встает. Газик покотился по следующей дуге, как бы упирающейся в другое препятствие, а за ним то же самое — «улыбающийся» тигр с небрежно положенной в снег башкой и радостно виляющим кончиком хвоста.

В сотне метров от избы дорога пошла по кустарнику. Ехали мы тихо, вроде бы, наконец, приняв предложение грозного таежного владыки поиграть. Рядом с жильем, из трубы которого исходил голубой березовый дымок, мы стали увереннее в себе, Борис даже улыбнулся: «Он что, и в избы за нами пойдет?» И остановил машину. А зверь застыл, припечатав свой взор к нашим лицам с расстояния не далее четырех метров... И так вот минуту стоим, разглядывая друг друга, другая невозмутимо затикала на приборной доске... И удивительные чувства возникают: и боязно, и завораживающе интересно, а вид тигра странным образом как бы гипнотизирует и повелевает ему подчиняться. Скажи он в те мгновения: «Выходи на построение!» — и мы, наверное, вышли бы...

Впрочем, это я сейчас так спокойно рассказываю, а в те добела раскаленные мгновения и оружие мы изготовили к немедленному выстрелу, и ножи оголили. Шутки шутками, а Бог больше береженого бережет. Однако мы стояли на тормозах, хотя могли бы лихо подкатить к своему жилью, стены которого не дали бы нас в обиду.

И все же когда тигр, сгорая от любопытства, сделал к нам один пружинистый шаг, а немного постояв с приподнятой передней лапой — другой, Борис дал ходу.

В зеркало заднего обзора я увидел, как наш совершенно необычный шутник игриво прыгал совсем рядом с машиной, но когда нечаянно хватил газу из выхлопной трубы, зачихал, закашлял, замотал головой... Тут же

плюхнулся в огромный сугроб и утопил в нем всю переднюю часть тела.

И больше мы его не видели ни в тот вечер, ни в последующие дни, хотя покинули ту тайгу лишь через месяц».

Откровение промыслового охотника

Редко кому доводится увидеть амурского тигра. И не только потому, что густы до непроглядности его обиталища. Обладая чутким слухом и острейшим зрением, он обнаруживает человека куда раньше и поступает по собственному разумению. В сторону отворачивает или замирает, наблюдая за извечным своим неприятелем... Нет, не боится он его, а больше любопытствует или замышляет что. Уж больно горький опыт общения с людьми осел теперь в тигрином подсознании. Теперь! В давние же годы вел себя амба в уссурийской тайге куда вальяжнее и уважения к человеку не испытывал. Именно потому-то я всегда с интересом выслушивал повествования старых бывалых таежников о былых встречах с тигром, выведывая их отношение к этому хищнику.

Однажды застрял я ненароком в избе промысловика с долгим стажем в самой уссурийской глухомани, а после того вот уже какой десяток лет благодарю судьбу за ту таежную встречу. Андрей Ефремович — потомственный охотник. Дед его пришел сюда, на край света, миновав пол-Европы и всю Сибирь. Потом сплавлился на плотках по Амуру, поднимался на лодках по Уссури и Бикину, чтобы заняться, в конце концов, вольным хлебопашеством. Но крестьянства с достатком не получилось: земли не теми оказались, посадки вымокали или выгорали, урожаи уничтожало всякое зверье — от бурундука до кабана и медведя. Волей-неволей пришлось ему обратиться к таежным промыслам.

Многое мне поведал Андрей Ефремович, но больше всего меня заинтересовали его рассказы о встречах с тигром. Хотя бы потому, что было их у него раз в сто меньше, чем стычек глаза в глаза с медведями. У меня — тоже. В точности как и у других, кому довелось вдосталь походить по здешней тайге.

Представьте: зимняя ночь, одинокое от времени, солнца и дождей почерневшее охотничье зимовье, затерянное в горах малохоженого Сихотэ-Алиня. В нем тесно, но тепло и уютно, жестяная печка в углу умиротворенно поскрипывает от жара. Пахнет кашей, борщом, подсыхающим сукном и еще чем-то... А на нарах лежат уставшие за день, но еще не уснувшие двое людей. Один из них тихо и раздумчиво тянет нить воспоминаний, другой же внимательно слушает, не перебивая, даже не переспрашивая. И такие были плавают по избяной темени...

«...Была глубокая голодная осень: ни ягод, ни орехов, ни желудей.

Кабаны рыли коренья и уже в сентябре навалились на хвощи. А вот бурым медведям ничего не оставалось, как охотиться на тех чушек да разрывать бурундучьи и барсучьи норы. И вот однажды, разделявая добытого изюбра, я припозднился и пошел в зимовье напрямик, срезая охватистые петли проложенного вдоль речного берега пути. А спускаясь с очередного перевала, я должен был пройти рядом с давно известной мне большой барсучьей колонией. Такой большой, что тамошние охотники прозвали ее городищем. Подумал: надо осмотреть ее, а потом в удобных местах насторожить капканы, выходить-то поразмяться эти подземники будут до снегов и закрепления холодов. Но еще не открылась глазам та колония, как услышал я исходившее оттуда злое медвежье рявканье. И понял, что топтыгин решил попытать счастья и разговеться вкуснейшей, жирнейшей барсучатиной, но доступ к гнездам землероев оказался ох каким трудным даже для него, могучего медведя. Самоуверенного, напрочь лишенного какой-либо порядочности хозяина тайги.

Барсучье жилье вообще откопать трудно, эти же гнезда были нарыты промеж большущих каменюк, каждый из которых даже и десятку медведей не вывернуть. Дед мой и отец тоже тут когда-то искали форта, да так ни с чем и уходили. А еще больше медведей рылось, но и они тоже удалялись несолоно хлебавши... Вот и этот. Он наверняка чуял живых барсуков, глотал слюни, а добраться не мог.

Увидел я его притихшим, усевшимся на пригорок нарытой земли, обронившим лапы на брюхо и обозленно задумавшимся. До него было не больше сорока шагов, и я захотел его добыть, благо до зимовья оставался какой-нибудь километр хода по приличной тропе.

Но только стал я прицеливаться понадежнее, чтоб одним выстрелом положить, как решительно спрыгнул он с пригорка и принялся с новой яростью вгрызаться в землю, то показывая мне голову, то вовсе исчезая. Ревел, потом по-стариковски кряхтел или обиженно по-детски поскуливал. Решил я подойти к нему поближе и справа, там место было повыше. Но только занес ногу для первого шага, как не дальше чем в двух десятках метрах увидел не замечавшего меня тигра. Он скрадывал этого же медведя, и даже с моей стороны... Я вжался в землю за камнями, порядком растерявшись от неожиданности, и стал соображать, куда бы отступить от греха подальше да обойти это опасное место стороной. Ведь, судя по всему, надвигалось кровавое побоище между царем и хозяином уссурийской тайги.

Конечно же, все мое внимание приковал тигр. То была самка. Небольшая, с намусоленными сосками. Я удивился ее отваге, да еще и

самоуверенности — медведь-то был размером куда больше и силы недоужинной. Это потом я узнал причину ее отваги и решительности: они были построены на строгом расчете своих действий, внезапности нападения, ловкости и стремительности. Тигрица, конечно же, берегла свою жизнь для детей больше, чем для себя, и коли решалась атаковать медведя, знать, были тому серьезные основания и уверенность в победе.

Она подкрадывалась в точности как домашняя кошка: медленно, с замираниями, бесшумно перебирая лапами. Тигрица не спускала с жертвы желтых горящих глаз и определенно просчитывала каждый свой шаг к сближению до дистанции решающего прыжка. Между ними сначала было метров тридцать, но это расстояние быстро и незаметно уменьшилось вдвое. Потом тигрица оказалась за большущим валуном, проползла еще метров пять и медленно взобралась на его пологий верх, ковром распластавшись по нему. И окаменела. Только свесившийся в тыльную сторону конец хвоста нетерпеливо извивался, выдавая волнение.

До ничего не подозревавшего медведя оставалось два тигриных прыжка, но полосатая почему-то медлила. И я понял, что она построила свои расчеты на единственном прыжке. Она или поджидала, когда добыча к ней ненароком подойдет, или искала удобный момент для того, чтобы самой приблизиться. Минута прошла, другая потянулась. От напряжения я и об отступлении забыл, хотя ружье держал в постоянной готовности. И вот оно, подходящее мгновение! Когда медведь уткнулся башкой в вырытую яму, тигрица переметнулась на другой валун в каких-нибудь пяти метрах от потерявшего всякую осторожность «буряка».

...Она прыгнула на него с того валуна. Прыгнула с таким оглушительным ревом, что я совсем обмер. Однако отчетливо увидел ее в прыжке — с широко раскрытой пастью, разведенными передними лапами с выпущенными когтями. Медведь в ту мизерную долю секунды смог лишь обернуться и вздыбиться, а вот лапы разбросить для того, чтобы принять врага в объятия, как в таких обстоятельствах в медвежьей родове принято, не успел. Думаю я, что именно на всем этом и был построен тигриный прыжок. Хищница сильным махом когтистых лап полоснула сверху вниз жертву по ее открытому брюху, тут же нырнула головой между задних вражьих ног по самые свои плечи и резким рывком отбросила бурую громадину через себя, за свой хвост... Не доведись это видеть самому — никому не поверил бы, что эта животина способна так сильно швырнуть вес, превышающий вдвое свой собственный.

...Она прыгнула на него с того валуна. Прыгнула с таким огушительным ревом, что я совсем обмер

Медведь ревел и катался, все больше опутывая себя синими кишками. От ужаса и боли он сначала и не подумал врага своего найти и отомстить, что в медвежьей натуре тоже заложено от рождения. Но на последнем дыхании он отыскал глазами тигрицу и пополз к ней, однако пополз уже с предсмертными замираниями. Она же лежала на валуне, хлеща себя хвостом, в полной готовности к другому прыжку, завершающему. Однако он не понадобился.

Тигрица подошла к своей добыче уже в сумерках. Стояла такая тишина, что я едва дышал, слышал бой своего сердца и каждый шаг амбы по сухому листу улавливал. И не мог решить, что же мне делать. Знал я, что она засечет меня при первом же движении, а обходить то место стороною пришлось бы немалым кругом. Тем более что тигрица была возбуждена и очень опасна.

Тогда охоту на тигра еще не запрещали. Да коли и существовал бы такой запрет, все равно я стрелял бы в зверину. Это теперь талдычат на разные лады: полосатое совершенство, гордость уссурийской тайги, «краснокнижник»! Допускаю, что теперь это и так. А вот стань кто в те минуты на мое место! Да пойми душу и потребности промысловика, для которого тигр, что ни говори, враг и соперник по промыслам! Кабаны от голода еле ноги волочат, а сколько их десятков тигрице надо для собственного пропитания и для быстро подрастающих и ох каких прожорливых тигрят? Три года она вставала поперек моих дорог, да еще муженек ее временами наведывался. Думаю, из десяти охотников в подобной ситуации девять бы в того амбу стреляли. Десятый? Десятый оказался бы с тонкой кишкой. Трус в тигра, когда они один на один, не выстрелит. Ну а коли и выстрелит — промажет на свою голову.

Вот говорят и пишут, что уссурийского тигра наши охотники к тридцатым годам перестреляли как дорогую добычу. Может быть. А может и не быть. Это как посмотреть и оценить. Но я так кумекаю: брали его на мушку чаще как истребителя лаек и опасного конкурента по промыслу, нежели из желания заполучить дорогой трофей... Хотя одно другое не исключало. Да к тому же разве сбросишь со счетов тот немаловажный факт, что совсем немного удовольствия ходить по своим охотничьим тропам, оставляя собственные следы рядом со свежими тигриными, а потом обнаруживать, что этот громила внаглую интересовался отпечатками твоих олочей... Скольких охотников в годы той беспощадной войны тигров и людей этот лютый зверь ограбил, разорил и даже задавил! Сколько собак сожрал в то время, когда она для охотника значила все равно что лошадь для крестьянина в страду... Вот спроси промыслового охотника, кого он

станет стрелять первого, если, предположим, увидит на своем участке сразу тигра, изюбра и кабана? Пусть даже еще и медведя. И каждый ответит: если по правде — полосатого, конечно! И потому-то я в тот поздний вечер взял ту тигрицу на мушку. И было у меня тогда два добрых трофея на один выстрел, да еще в километре от жилья. Такой фарт нашему брату редко когда удастся, и только не знающий сути нашей жизни человек может мне или такому же бедолаге позавидовать... Все в дело пошло, ничего не пропало, потому что ночи приходили уже холодными, с заморозками... Хозяйство свое поправил, жену и стариков в новое одел, сыну велосипед купил, а себе преотличный тройник.

Так что и ты постарайся меня понять и не суди строго. И тогда я не был браконьером, и теперь себя им не считаю... Да, чуть не забыл. Тигрят-то, трехмесячных, мы с соседом через пять дней нашли и поймали, отходили и выгодно сбыли на зообазу. И когда тигров в моих угожьях совсем не стало, намного спокойнее было промышлять и добычливее...

А теперь, — завершал повествование мой собеседник, — поразмыслим вместе. Тигра охранять надо в заповедниках и заказниках, а не в охотугожьях. Как говорится, кесарю кесарево, а богу богово. Не надо за двумя зайцами гоняться или стремиться взять в одну руку то и другое... Ну никак вы не хотите согласиться, что мирное сосуществование между промысловым охотником и тигром невозможно».

Однажды я с Андреем Ефремовичем коротал ночь у костра. Развели мы его поздно, материала для долгого огня наготовить не успели, и потому после чая решили натаскать еще сушняка. И всего в какой-нибудь полусотне метров от табора увидели свежайшие тигриные следы! Конечно же, та ночь спокойной быть уже не могла. Мы много говорили, и больше всего, разумеется, о тигре. И вот еще какую быль поведал мне Ефремыч.

«Никогда не скрывал я, что тигров не люблю. И повторю еще раз: не люблю, как и все таежники. Никакой он не рачительный хозяин, а истребитель нужного людям копытного зверя. И еще об одном напомним: когда тигр обитает в твоих угожьях, промышлять приходится если и не с дрожью в коленях, то, во всяком случае, с постоянным беспокойством. Ночью дверь спокойно во дворик не откроешь. Я вот свой первый страх помню уже подолее сорока лет и не забуду его, наверное. Послушай-ка...

Мне тогда шел двадцать второй год, я только что вернулся из армии, неделю понаслаждался веселой и сытой волей, а потом — в тайгу. Май был в самом разгаре, уже начиналась пантовка. Подновили мы с батей наши «фамильные» солонцы, расчистили вьючные тропы и затаились в ожидании все того же охотничьего фарта... И вот на каком-то счастливом

рассвете завалил я доброго трехконцового пантача. Отец мой в ту ночь сидел в двух километрах от меня. Разделявая свою добычу, услышал я выстрел с родительской стороны. Промазывал он очень редко, понапрасну не стрелял, и решил я, что теперь удача пришла и к нему.

Вообще в крови у нас было такое правило: добычу пускать в дело всю без остатка, даже требуху и кости. Вырубил я панты, освежевал быка, разделал его, потом принялся таскать тяжелые поклажи на нашу базу, которая стояла между моим и батиным солонцами. Костер под котлом с водою развел. Со второй ходки с улыбающимся отцом встретился...

Ухайдакались мы в тот день, но были довольны. Радость окрыляет и располагает к откровенным разговорам. Батя в тот день столько рассказал мне об уссурийской тайге, какой он ее застал в мои лета, что хватило бы для обвинительного приговора тем, кто красоту эту и богатства вырубил во имя мирового коммунизма.

И вот уже вечером, увязав на понягу последнюю ношу от своего пантача, порешил я сбегать на Бикин — искупаться, поплавать, помыться, а заодно разведать, не ходят ли изюбры на водоросли в заливы, и если да, то в ближайшие дни стоило попытать нового счастья с оморочки. У промысловиков ведь тоже частенько день целый год кормит.

Метров триста до Бикина было. Примчался я налегке на косу, глубоко выпятившуюся в речку, и с разгона плюхнулся в воду, от счастья бултыхаясь и вскрикивая ... Минут десять радовался жизни и уходящему дню. Солнце уже скрылось, и небо все больше распалось, вот я и заспешил. И увидел... сразу трех тигров. На кромке леса у основания косы. Два сидели рядом в одинаковых позах — по-собачьи — и меня с любопытством разглядывали, третий же нервно ходил от одного края косы до другого, зло хлестал себя хвостом и недовольно время от времени ревел. То на тех двоих бросал он взгляды, то на меня косился... Я обмер. Сам подумай: ночь — вот она, я чуть ли не голый, без спичек, без оружия и даже без ножа. Больше этакой беспечности после того случая я никогда не допускал. А путь к избе мне был отрезан.

Отошел я на самый краешек косы, уже мокрой от воды, и для начала решил подождать и обдумать ситуацию со всех сторон. Успокаивал себя тем, что в случае чего прыгну в речку. Но это было крайним шагом, потому что от косы бешеный поток устремлялся к другому берегу. Уплыть туда, конечно, можно было, хотя и с риском утонуть. Ну а что дальше? Темень ведь совсем уже придавливала, а ночи были прохладными и сырыми.

Страсти и страхи накалялись. Один зверина невозмутимо, словно и не человек перед ним, прошел по косе в мою сторону метров десять,

равнодушно при этом на меня поглядывая, а два других стали сражаться. Ближний ко мне обернулся к драчунам и прилег, с интересом наблюдая за их занятием. И тут я догадался, что попал на тигриную свадьбу, и на одну невесту претендовали сразу два жениха.

Это уже потом я стал припоминать свадебные картинки да обряды, тогда же весь был в тисках страха. В какую-то минуту оба «кавалера» и «дама», занятые своими проблемами, оказались у основания верхнего края косы, там, где лес начинался, и увидел я возможность ускользнуть по нижнему. Но только туда зашагал, стараясь не шуметь галькой, как тигрица несколькими прыжками преградила мне дорогу, да еще, стерва, на передние лапы припала и хвостом завилыла, вроде бы пошутковать меня приглашая. Мне, конечно, было вовсе не до шуток, и я отступил на исходную позицию.

А соперники конфликтовали все злее. «Да хоть бы задрал один другого до смерти!» — молил я Бога. Но Господь, видно, с иронией подумал: «Все вы меня вспоминаете лишь когда крепко прижмет, а то все в бога мать...» И на мою мольбу ничем не ответил... Рев стоял на всю тайгу и до самого неба. Громилы пасти свои разевали во всю ширь, лапами с выпущенными когтищами остервенело махали. Но крови не было, потому что дрались не всерьез, обыкновенными тумакками и оплеухами. Мелькали такие моменты, что задавить соперника было проще простого — сомкни челюсти на оказавшейся перед мордой вражьей шее — и вся недолга. Но нет же...

Подрались они, разбежались и раз, и другой, и еще. И бывало, этот огромный страшный ком поединщиков на несколько метров ко мне подкатывал, расшвыривая гальку, и мне оставалось единственное: забредать в воду. И стал я, совсем потеряв голову от страха, истово молить Бога спасти меня. Клялся отблагодарить всей жизнью с верой и молениями, обещал изучить и все время читать Библию, иконами обзавестись... И при этом крестился, взирая на небо.

И Бог меня из той беды вызволил... Хотя, может, и отец оказался моим Богом, не знаю... Это особая тема разговора — о Боге-то. Трудная... Дай досказать о своем неожиданном спасении.

... Ночь опустилась тихая и росная. Обеспокоенный батя с фонарем пошел меня искать, потом услышал далекий тигриный рев и, враз обо всем догадавшись, отважно двинулся ТУДА. И под громы сражений вышел он к самой кромке леса у основания той почти роковой косы. Тигрицу он увидел в десятке метров от себя, она сидела к нему спиной, он ее первую и положил. А распаленные женихи так увлеклись своими проблемами, что или выстрела не слышали, или не обратили на него внимания. Я же был возле отца через каких-нибудь тридцать секунд после выстрела... Меня

всего колотило, я обливался слезами и слова не мог вымолвить. Он сказал: «Идем отсюда, от греха подальше...» На это я отрицательно мотнул головой, отобрал у отца винтовку и, обезумев, попер на супостатов... Я стрелял в них в упор и жалел, что кончились патроны. А после этого возмездия рухнул на булыжник.

Это потом я упрекал себя: «Зачем ЭТИХ-ТО?» А тогда я не владел собою. В тайге чаще обычного доводится обдумывать уже случившееся.

А рассказал я тебе это для того, чтобы понял ты и согласился, что в угодьях охотника стрелять по тигру часто он сам и вынуждает. И еще раз я выскажусь: никогда не будет в уссурийской тайге мира между тигром и промысловиком, как бы вы к этому ни призывали и какие наказания ни устанавливали. Хотите охранять этого красавца — открывайте больше охраняемых территорий с запретом всякой хозяйственной деятельности. А в угодьях общего пользования одно из двух: тигр или промысловик. Я это уже говорил, однако иные мысли надо повторять раз за разом, пока они не дойдут до тех, кому адресованы».

Долго я потом спорил с Андреем Ефремовичем, доказывал, что мирное сосуществование между тиграми и охотниками вполне возможно, но он был непреклонным. И я подумал: «Сколько же надо было ему от этой «кошечки» натерпеться, чтобы вот так непреходяще озлобиться».

И все же я стоял на своем. Говорю ему: «Медведь тоже ведь не заяц, от него людей гибнет побольше, чем от тигров. Неужели и к нему ты так же категоричен?» Но Ефремыч уверенно отпарировал и это мое возражение: «Нет! Медведь — не тигр! Мишку просто не надо трогать не умеючи и признавать его право на добытого зверя. А на этих зверей — чушек главным образом — он имеет виды в основном в бескормицу. Опасны шатуны, однако бывают они не каждый год и злобствуют не более двух-трех месяцев. Переждал их — и успокойся. Что же сказать о тигре? Кабан ему нужен постоянно, и тут перекрещиваются интересы амбы и охотника... Скажи-ка, как должен глядеть на тигров промысловик, когда по их милости копытного зверя стало совсем мало, а на оставшихся запрещают охоту ради прокорма хищника? Когда он регулярно жрет свеженину и давит зверей расточительно, охотник же вынужден довольствоваться беличьими тушками да тушенкой. А ведь консервы не только покупать приходится, но и заносить в тайгу на собственном горбу. Стыдоба-то какая: промысловик заезжает в тайгу с тушенкой... М-да-а... Насколько проще было здесь моему отцу, а особенно деду. Нечего становится делать их сыну и внуку. Да-да, знаю, что хочешь ты мне возразить: не только, мол, тигр повинен в оскудении копытного зверя, что и лесозаготовки, и пожары, и

браконьерство... Верно. Однако все согласны, что тигры давят во много раз больше, чем охотники всех категорий... Но главная причина моей неприязни к тигру в другом. Он страшнее медведя. Он оказывает на человека неодолимое психическое влияние. Вот сравни: услышал ты рев невидимого медведя. Ну и что? Остановился, поразмыслил и дальше пошел. А тигриный рык? Сердце к горлу поднимается, коленки вздрагивают... Наши первобытные предки были в числе обычных жертв полосатого, и это хранится в закоулках нашей памяти. И отсюда извечный страх, порою трудно объяснимый, инстинктивный... Но и современный тигр «вооружен и очень опасен». ОЧЕНЬ! Так кому же, какому промысловику интересно с этим страхом мириться? Когда зимой остаются они наедине с тайгой и небом?»

В эти самые мгновения недалеко за нашими спинами хрустнула сухая ветка под тяжелой лапой... Под тигриной, конечно...

Не преступи закон?

Еще вчера западносибирская лайка чистых кровей с необычной кличкой Фея работала, как и все шесть минувших таежных сезонов, умно, смело и старательно. Даже красиво. Работала по всякому зверю — большому и малому, смирному и опасному. И этим, уже дотлевающим ледяной зарею днем, Круглов взял с ее помощью соболя, больше двух десятков белок и подсвинка. И каждому удачному выстрелу, каждой добыче собака радовалась точно в меру хозяйской радости, понимая своего друга-повелителя не просто с полувзгляда и полуслова, но и по шагу, по походке, по дыханию даже. И по тому, как он закуривает и пускает дым, как перезаряжает ружье, как снимает и набрасывает на плечи рюкзак.

Круглову не казалось, что Фея словно читает его мысли и душевный настрой — он в этом был абсолютно уверен и готов был доказать любому скептику на множестве убедительных, по его мнению, примеров и событий. Как доказал однажды многомудрому профессору по части биологических наук, ради избавления от стрессов баловавшемуся ружьишком на кругловском промысловом участке по просьбе директора зверопромхоза не очень удобные для Круглова две недели.

Ночами Фея оберегала покой хозяина, чутко подремывая в устроенной под крыльцом конуре, давая ему знать коротким взлаем лишь о подходе опасного, вроде медведя-шатуна, зверя или незнакомого человека. А теперь как бы ни с того ни с сего заскреблась вдруг в избу, виновато, со странной настойчивостью поскуливая. Никогда такого не случалось, и потому Круглов, подняв брови, открыл дверь, выходя в уплотнившуюся темень, и еще больше удивился, когда собака без разрешения шмыгнула между хозяйских ног в зимовье, выпрашивая извинения повинным взглядом и слабым повиливанием раскрученным из обычного кольца свесившимся хвостом. От еды отказалась, тоже непонятно застонав при этом.

Фея была отважной собакой, хотя, как и хозяин, всегда прекрасно чувствовала меру опасности и на рожон не лезла. Осторожностью она пренебрегала лишь когда охотнику грозила беда. Нападающего медведя не просто рвала за гачи, но, бывало, и атаковала в лоб, отчаянно принимая на себя его ярость. Самоотверженно перехватывала стремительный бросок раненого секача, строго облаивала ненароком или намеренно приблизившегося к ним тигра, сообщая о нем хозяину и предупреждая грозного царя уссурийской тайги о том, что за последствия они не

ручаются. Могла переплыть взбесившуюся в паводок речку, спокойно пережидала сумасшедшую грозу и ветровал. Даже проскакивала полосу низового пожара.

А теперь запросилась в избушку. И когда хозяин, походив вокруг зимовья, прослушал замороженную, смерзшуюся воедино тишь тайги и неба и ничего подозрительного не уловил, вернулся и спросил, в чем дело, ушла под нары и улеглась в дальнем, самом темном и недоступном углу. «Замерзла, — решил Круглов. — Переутомилась или прихворнула». Но и в этом усомнился: холода бывали полютее, болеть ей случалось погибельно, но и тогда в дом не просилась... Или у собак годы тоже берут свое? Годы, годы... Только в легкомысленной песенке они будто бы становятся богатством.

А через полчаса, когда тишину пошевеливало лишь еле слышное посапывание керосиновой лампы да потрескивание печки, Фея вдруг вылезла из-под нар, подошла к двери и чутко наострила уши, нервно шевеля мочкой носа. Круглов положил только что снятую беличью шкурку на колени и посмотрел на собаку. А та медленно и напряженно поворачивала чуть опущенную голову от двери на левый избяной угол, потом прямо в стенку, в другой угол... И опять обратилась к двери, едва слышно шевеля в горле нерешительный рык, которым сообщала о своем вовсе не беспричинном волнении.

Обеспокоился и Круглов. Разряженное ружье висело, как всегда, снаружи под коридорным навесом. Вынув из ящика с боеприпасами пулевые патроны и включив фонарик, он направился к двери, но Фея осторожно взяла в зубы его штаны и потянула назад... Нечто похожее случилось в прошлом году: собака тоже задержала его, ухватившись за суконку брюк, а через несколько секунд, присмотревшись, Круглов увидел возле тропы дремавшего под плотной нависью кедровой кроны тигра. Помнилось охотнику, что в тот день тайгу оглушил густой снегопад, когда все живое любит поспать, и поспать покрепче. А полосатый, как прояснилось через несколько дней, сыто блаженствовал у добытого им секача, и добытого, судя по измешанному снегу и сломанным кустам, в трудной и опасной борьбе... Фея тогда мудро предпочла уведомить хозяина об опасности не лаем, а вот так, тихо удерживая от очень рискованных шагов вперед, определенно понимая, как опасно подойти неожиданно к спящему хищнику у своей добычи.

...Успокоив собаку, как всегда в таких случаях, почесыванием за ушами и поглаживанием лба, Круглов осторожно приоткрыл дверь, снял с гвоздя ружье и зарядил его. Посветил фонариком — ни следов у дворика,

никого и ничего у стены леса. Крикнул: «Кто ходит?» Ответила лишь россыпь эха. Он знал, что эхо — к осадкам. К снегу, значит. И стал планировать работу на снегопадную погоду, продолжая размышлять при этом о странном поведении собаки.

Управившись с неотложными делами и устало укладываясь спать уже глубокой ночью, Круглов отправил беспокойно ходившую по избе и все так же нервничавшую собаку под нары и потушил лампу. Но еще не перелилась его дрема в сон, как покой опять зашевелили постукивание собачьих когтей по полу и тот же нерешительно приглушенный рык все с тем же странным постаныванием. Когда Фея остановилась у черного прямоугольника окошка, Круглов подошел к нему, не зажигая лампу, пригляделся... Белая, залитая полной луной снежная поляна, в пяти метрах от избышки поленница дров, правее — навес для разного скарба, слева помойка, а за ними — темные зубья еловых вершин и кедровых вперемежку с метлами раздевшихся на зиму берез, дубов, ильмов... Тысячу раз им виденное.

Вытряхнув из пачки сигарету, потянулся за спичками и замер: в четырех метрах от окна по снегу беззвучно плыла плотная, резкая тень, исходящая вроде бы из ничего. И лишь когда эта тень застыла, Круглов рассмотрел едва заметного в потоке лунного света тигра. Он не успел понять и оценить обстановку и не пошел еще к ружью, как громада зверя снова растаяла в том мертвом лунном свете, а по снежной белизне поплыла та же тень. Поплыла все так же беззвучно, заворачивая за угол избы.

Окно в ней имелось только одно. Маленькое. Как и во всех таежных строениях.

Круглову чувство страха было ведомо, хотя и с полным основанием слыл он в промхозе и селе охотником смелым и решительным. Но он никогда не давал страху волю. И теперь, ощущая участившееся сердцебиение и не пропуская ком из груди к горлу, он взял ружье, проверил, заперта ли дверь, пододвинул к окну табуретку и присел, не забыв поджечь сигарету, отвернувшись от окошка. Он еще не думал, как разрешить очень опасную и совершенно необычную ситуацию, и торопливо искал объяснения ей.

...Он вырос в таежном селе в семье потомственного промысловика, с детства постиг премудрости охоты, законы и тайны уссурийской тайги и всего в ней сущего. Повадки тигра, как, впрочем, и всех здешних зверей, птиц и прочих обитателей, ему были известны не понаслышке. Следы амбы он встречал на своем участке почти каждодневно и трижды сталкивался с

этим строгим и грозным, тоже потомственным охотником, глаза в глаза. Всех троих мог застрелить, но встречи оканчивались бескровно: Круглов законы чтит строго, за свои немалые лета ни разу не преступив черту дозволенного. А правила охоты для него были законом особым, и он их пунктуально соблюдал вовсе не из боязни расплаты за браконьерство, а по совести честного человека, не считающего, что на его век таежных богатств достанет, а после него, мол, хоть трава не расти.

Да, повадки тигра Круг лов знал досконально. Знал, что у этого могучего зверя в отношении человека тоже есть закон: не тронь двуногого, если он не поднимает на тебя оружия и не покушается иным манером. Закон этот терял силу редко, и почти всякий раз по вине человека, преступившего его черту. Преступившего раз, чтобы потерять после этого всякое желание и даже способность преступать.

В прошлую зиму в кругловских угодьях объявился тигр с вовсе не царственным, более того, лишенным обыкновенного чувства собственного достоинства поведением. Он регулярно ходил по охотничьим тропам, сбивал капканы, съедал приманку, прибирал попавшихся в них зверьков, вынимал из петель зайцев, обглодал туши двух изюбров и кабана, которых охотник не успел вывезти на базу. По всему видно, что зверь этот был старчески немощным или покалеченным, и все же на большее чем мелкое воровство он не решался, обходя охотничьи избушки дальней стороной и умело избегая встреч с промысловиком.

А этот дерзко подошел к человеческому жилью на расстояние прыжка. И подошел не только что, несомненно, несколько часов назад, как раз когда собака сникла и запросилась в избу.

По давнему обычаю, в новогодние празднества промысловики возвращаются в села повидаться с семьями, отмыться-отпариться в бане, сдать в промхоз пушнину и дикое мясо, пополнить продукты, боеприпасы... И не в последнюю очередь профессионально пообщаться. Так вот. Владелец соседнего промыслового участка сокрушенно пожаловался Круглову: тигры одолели. Супружеская пара всеильных обзавелась очередным потомством и повела вдруг себя агрессивно: пугала давно знакомого им охотника ревом, следила за ним, нахально присваивала отстрелянных изюбров и кабанов, даже разоряла лабазы. И ведь вполне сытыми были, хотя чушек сильно поубавилось да и «изюбряков», видать, было негусто. «Должно быть, понимают, что мало ихнего зверья стало, и гонят меня со своих владений как соперника», — заключил сосед.

О другом же рассказал с явной озабоченностью. «В начале этого декабря появился на моих угодьях старый тигр — следы лап шляпой не

закроешь, лежка на снегу под три метра. Уйду из какой избы — разграбит ее, помойку переверорочит... Даже канистру с керосином изжамкал, хотя тупыми зубами не смог прокусить железо. Приманки не успеешь наживить — пройдет по ним и обчистит. А потом вовсе обнаглел. Под утро было. Еще спал я... Сплю, значит, спокойно, и вдруг в дверь как мешком картохи ударило, даже скрипнула моя хата и посуда звякнула. Думал, с чердака что свалилось... Но там не стал я держать ничего, кроме капканов, да и упали те, звук был бы иной. Пошел с фонариком поглядеть, а дверь снаружи так плотно подперта, что и на щелочку не приоткрылась. Уперся в нее посильнее, а с улицы зарычал тигр... Слышал ли ты про такую наглость?»

Разговорившись, вспомнили разное. Там-то тогда-то поселился привыкший к человеку хищник рядом с селом, даже на сеновале устроился, ночами шастал по улицам и давил все, что в лапы и зубы попадалось. По темноте люди в нужник ходить боялись. В другом месте полосатый нахал и днями бродил по дорогам, не таясь людей и не обращая на них, не дающих отпора, внимания. Встречным путникам даже дорогу не уступал. В третьем месте за месяц четверть сотни бычков передавил, а потом понравилось страшилищу загонять появившихся в лесу людей на деревья... Подобное собеседники могли бесконечно перечислять и дальше, но Круглова больше интересовал явно не законченный рассказ таежного соседа: «Ты, Васильич, доскажи-ка, чем закончилось-то». И Васильич вернулся «к тому».

«Рыкнул, значит, наглец. А я обмер: оружие-то, как всегда, за дверью на гвоздях повешено... На цыпочках отошел к столу, присел и стал обмозговывать положение. А что придумаешь, когда в страхе весь? Одну беломорину высмолил, другую, третью. Свет зажечь боюсь. Ножом только и оставалось вооружиться... А когда за окошком чуть светать стало, увидел, что снег валит. Думаю, может, тигр под навесом моей крыши решил от непогоды укрыться? А с другой стороны, сомненье берет: снег часто и везде выпадает, и мало ли от него спасения под выворотнями, валежинами, елями да кедрами. Да и что он тигру, снег-то... Поторкался я опять в дверь — приперта. А надежная она у меня, из плах, в косяк хорошо подогнанная. Окошки небольшие, крыша из березового кругляка. Захочет, думаю, забраться за мною — не получится.

Взял себя в руки, — говорил Васильич, глубоко затягиваясь дымом, — поубавил в душе страху и решил действовать. Поднял чурбак, что сиденьем служил мне, тихо подошел к двери да как шарахну по ней! И тут же заорал погромче да построже. Заорал, сам понимаешь, во всю глотку... Послушал — тихо, налег на дверь — открылась. А он стоит в пяти метрах — здоровенный, как конь, только в ногах пониже, но худющий, шерстью

шелудивый, мослы у холки выпирают, брюхо пустым мешком свисает, а башка размером с бычью, только круглее. Стоит ко мне боком, пригнув к земле голову, а хвостом снег со злобой хлещет... Решил я, что если вздумается ему напасть на меня — не меньше секунды потребуется. Для прыжка же развернуться требовалось... Ну... Это я теперь так тебе рассказываю, что вроде размышлял, обстановку прикидывал. А тогда получилось как бы само собою. Как будто кто очень правильно мною управлял... Отворил я, значит, дверь чуть пошире, порасторопней дотянулся до карабина и — назад. Крючок на всякий случай на дверь накинул. Вогнал в патронник обойму, клацнул затвором и в решимости прикончить одряхлевшего и потерявшего осторожность к человеку, а значит, для всех очень опасного зверя... Секунд пять прошло, ну десяток. А открыл дверь — одни следы в чащобу. Почуял ведь, стервец, мое желание разделаться с ним. Пальнул разок ему вдогонку, обругал покрепче... И все равно спрятался в избу и еще час поглядывал в окно и приоткрывал дверь: не вернулся ли? Нет, не вернулся. Ушел. А на другой день, когда снег прекратился и сдуло его с кустов, проследил нахала. В сотне метров от избы лежал он под корчем, и лежал долго. Потом решил, наверное, что не стоит со мною связываться».

«Где же он теперь хулиганит?» — спросил Круглов. «А вот слушай, — ответил его собеседник. — Доскажу. Неделю после того видел его следы на дальних своих тропах, все тем же воровством он занимался. Прямо в разор ввел! Полтора десятка соболей проглотил, не говоря о колонках да прочей пушнине. Уж не считаю, сколько их не поймалось из-за того, что шалашики разворочены, капканы спущены, а приманка сожрана. Когда озлобление мое дошло до предела, решил наглеца истребить. Как? А петлями. И медвежьи капканы у меня всегда имеются... Взял бы все-таки грех на душу, и надежные местечки для расправы уже подобрал, да хорошо, Бог отвел. Миловал... Поправлял как-то ловушку, рюкзак увязываю для дальнейшего хода и услышал рев двух тигров. Сел, уши на макушку, кожа на спине озябла и мураши по ней заскреблись. В километре они от меня были. Судя по голосам, один из драчунов пребывал в большой силе и ярости, другой же, явно старик, оборонялся. А лежали там владения давнего моего полосатого конкурента, на которые он допускал лишь загулявших тигриц... Тебе приходилось слышать, как тигры орут, когда дерутся?.. Было дело, говоришь? Так не стану рассказывать... А на другой день мою тропу пересек тот несчастный старик. На следах кровь, в снег часто ложился, на лежках красного виделось больше, чем белого. Крепко ему досталось. Ушел в твою сторону, так что жди и бди. И запомни: передняя пятка

тринадцать сантиметров, среднего пальца на задней правой нет, а наискось подушки левой — глубокая косая борозда, вроде шрама. Шаг крупный, но в снег проваливается неглубоко: фигура большая, а легковатая».

Сидел Круглов у окна долго. Курил, вспоминал, обдумывал ситуацию. Лег и пытался уснуть — сон не миловал. Когда же за стеною что-то треснуло и тут же звякнуло, а Фея вскочила и залаяла, оцетинившись по всей спине, Круглов поднялся и уселся у окна, загоняя в рот одну сигарету за другой. На отпотевшее оконное стекло снаружи стали прилипать снежинки, но тут же и таяли. Подумал, вспомнив рассказ Васильича: не улегся бы и под мою дверь...

Держа заряженную двустволку на коленях, Круглов решал проблему: если появится тигр перед окном, стрелять или воздержаться? Может, и меня Бог помилует, отведет от расправы? Васильич в конце того их разговора поведал: «Пошел я к охотоведу промхоза, выложил все как было и спрашиваю: что делать, коли еще раз подопрет? Ликвидировать можно? Тот же мне и сказывает: а спроси себя, законы ведь знаешь не хуже моего. Да сам себе, мол, и ответь... Положено-то, говорит, сообщить об этом властям, получить официальное разрешение на отстрел, который не тебе следует сделать, а специальной группе охотнадзора управления. Недели две потеряешь, а прикончат ли тигра те уполномоченные, бабушка надвое сказала... Помолчал мой охотовед, почеркал какие-то кубики да кружки на газете, да и завершил со мною разговор коротко. Ты же, дорогой Петр Васильевич, говорит мне он, мужик бывалый, башковитый, а вот вопросы задаешь, извини меня, наивные... Есть проблемы, о которых спрашивают только себя, мил человек...»

Так и просидел Круглов у окна, не решив за долгие часы сидения — стрелять или не стрелять. А чуть засветился хмурый снегопадный рассвет, встал и вышел из избы. С ружьем. Фея осторожно потрусилась за ним, пробежала немного в одну сторону и другую, взведя тонкое свое собачье чутье. Потом уставилась в еловый мыс, нацеленный из тайги к избушке в дистанции сотни метров, опять напорщила шерсть по хребту, заворчала и тут же залаяла. Бросилась было туда, но тут же и остановилась, вопросительно оглядываясь на хозяина. Круглов, уже мало мучаясь проблемой, снял предохранитель двустволки и решительно пошел к елям.

... Огромная лежка под одной из них протаяла до земли и крепко пахла тигром. Снежинки ложились в свежие следы громадной кошки и таяли там. Осмотрел Круглов их и решил: да, тот самый и есть, о котором рассказывал Петр Васильевич. Пятка не менее тринадцати, на задней лапе нет среднего пальца. Подумал еще раз: почему бы этому старцу и дверь моей избы

однажды не подпереть своей хотя и немощной, но все же тяжелой тушей?

Он не пошел по следу явно состарившегося и одряхлевшего, но не менее опасного зверя. Быть может, даже страшнее тех, что в силе и категорически избегают человеческих глаз. Стал осматривать его вчерашние и ночные следы, еще заметные под выпавшим снегом. Полосатый «дед», оказалось, рылся в помойке, несколько раз обошел избушку, долго стоял перед ее дверью, растопив лапами сильно умятый здесь прежде снег, пытался добраться до продуктов на лабазе, да не дотянулся.

Оглядываясь, Круглов не увидел собаки. Позвал — лишь высунулась из-под крыльца и снова там спряталась. И этому ее непослушанию было лишь одно объяснение: тигр близко.

Да, был он где-то рядом. И окрепло, наконец, в Круглове решение: иногда нельзя не преступать черту закона. Как сейчас. Обстоятельства так сложились. Самосуд неизбежен. Или я его, или он... Пусть не меня, так Фею. Но ведь нет какой-либо гарантии, что и меня вместе с собакой...

Он натаскал в избу побольше дров, с ведрами пошел к проруби за водой, а спустившись к ней с крутого берега, увидел следы только что прокравшегося вдоль него тигра. Круглов не ринулся назад, но прорубал в лунке лед топором левой рукой, держа изготовленное к немедленному выстрелу ружье в правой. В крепкие свои руки он верил: на спор из своего «ижака» одной рукой утку валил с лета.

А к решимости стрелять теперь прибавилось и озлобление.

Вскипятил чай и позавтракал. Поставил Фею на ступеньку крыльца миску с едой, но та ее лишь понюхала, извинительно вильнула все так же со вчерашнего вечера распущенным кольцом хвоста и уползла в конуру. Не стал сердиться на нее хозяин, потому что хорошо знал: тигр оказывает обезволивающее влияние не только на человека.

Круглов оделся потеплее в валенки и тулуп, незаметно залез на чердак с тыльной стороны избы, замаскировался и затаился, изготовив ружье к немедленному выстрелу. Неторопливо падал снег. В бездыханной тишине было слышно, как шуршат снежинки, сталкиваясь друг с другом, ломая при этом иголки и укладываясь на свой земной предел... Как слабо постанывают и сгибаются под тяжестью их неисчислимости ветки кустов и еловые лапы... Как над далекими горными шапками пошаливает, разминаясь на вольных просторах, ветер-верховик.

Не теряя бдительности, Круглов вспоминал рассказы стариков о том, какая прорва амурского тигра была на грани минувших столетий, и даже в начале двадцатого, как в ожесточенной войне с ним победный клич издали-

таки охотники, как осталась уссурийская тайга почти без своих извечных владык-диктаторов. И уже по своей памяти прояснил, как быстро множилось число тигров после войны, как понимающе принимали запрет охоты на них и привыкали к людям, а с годами многие и нагтели, пренебрегая законом своих прародителей: отныне человек не должен быть добычей, если даже ты потерял силу и способность охотиться положенным твоим создателем и воспитателем манером...

Но через два часа напряженного бдения, когда не стало сил противиться смыканию глаз, Круглов покинул засаду, вернулся в избу и улегся на нары, раздумывая в клубах сигаретного дыма. Теперь лежал он с вызревшим решением разделаться с хищником самому, не теряя дорогое промысловое время из оставшегося месяца до закрытия охотничьего сезона на выход из тайги для получения официальных решений. «Пусть преступлю, — рассуждал он сам с собою. — Но разве не докажу потом, что хищник был очень опасным потому, что сам преступил черту своего закона?.. Возможно ведь, что созрел в нем людоед. Задавил же и наполовину сожрал тигр промысловика в Самаргинском районе... Сколько таких вот, да и куда пострашнее, людоедов, вгоняющих в страх целые народы в южных странах. И сколько их было еще в годы моих дедов здесь... Не поймут или просто не примут мои объяснения власти — пусть слупят определенную законом за самовольный отстрел «краснокнижника» тысячу... Но формальность закона преступлю».

И когда рассудком решение было твердо принято, а совестью одобрено, он позвал собаку в избу и крепко уснул.

Спал Круглов долго. Уже к вечеру, выйдя за порог, он оглядывал серое небо и белый лес, обсуждая варианты и возможности разделаться с хищником. Было тихо, на землю все так же лениво опускался снег. Вышедшая за хозяином собака сбегала к помойке по своим надобностям, вернулась и уселась у хозяйских ног, тоже изучая обстановку и варианты по собачьему разумению...

С ели на мысочке пудрой полетела кухта, потом там недовольно зауркала белка. Жадна была до них и азартна лайка, но тут лишь несколько раз приглушенно взбрехнула, закрутив-таки в полукольцо хвост, как бы нехотя пробежала десяток метров и остановилась, то на ель с белкой глядя, то оборачиваясь к человеку, вроде бы спрашивая, как поступить лучше. И только Круглов подумал, что ни в коем случае, на черта теперь эта пушнина, как Фея куда бодрее отступила к своему мудрому другу-повелителю. Твердо знала она, что тот, сильно уступая ей в чутье, гораздо превосходит в способности оценивать обстановку.

Круглов усвоил с детства: в ненастье белки спят, а уркают и цокают на недруга. И теперь понял: проснулась, увидела тигра и рассерчала цокотунья. Понял и снова пошел к мысу... И опять его обдало густым кошачьим духом. Теперь он увидел здесь не только прежнюю лежку под елью, но и глубокие ямы в снегу, а еще веером отходящие от них длинные прямые вмятины — тигр, нервничая, сидя мял снег хвостом. Злился, должно быть, на человека, дерзко ему воспротивившегося, потому что за долгую по тигриным меркам жизнь множество раз убеждался, как неодолимо велик пред ним страх человека, даже если его природой отпущенную силенку стократно увеличивает оружие.

Но почему же злился? Опустившись над самой глубоко протаявшей лежкой, той, что была ближе других к его жилью, Круглов посмотрел в сторону избы, сквозь ветви с комьями снега разглядел и ее, и чердак под крышей и понял: старик наблюдал за ним, лежавшим в засаде, оставаясь незамеченным. И конечно же, прекрасно понимал как цель неподвижного пребывания охотника в укрытии, так и соотношение сил и возможностей явно не в свою пользу.

Он и на этот раз не пошел по горячим тигриным следам, потому что тоже понимал: преследование тигра по только что заснеженному ельнику чревато большими неприятностями. Круглов хорошо знал коварство этого зверя, его поразительную способность затаиваться, стремительность и силу атакующего броска. Всю свою жизнь Круглов никогда не пел песню безумству храбрых, потому что опять-таки знал, что безумие с храбростью несовместимы.

Он вернулся в избушку и занялся скопившимися за дни ненастья делами, обдумывая при этом способы подкараулить недруга, чтобы расквитаться с ним. А их оказалось немного, потому что ни крепких тросов для петель у него не водилось, ни медвежьих капканов. И среди того немногого, что вызрело в голове у таежника, брало верх самое надежное: сделать засаду прямо на своем следу, уйдя на тропу с собакой, до которых охочи и тигры в расцвете сил, не говоря уже о таких вот, выживших из себя, утративших способность добыть вольного зверя вроде чутких и притких кабана или изюбра, которые вполне могут и постоять за себя — пырнуть клыками или принять на рога. В прежние годы трех кругловских собак задавили и сожрали тигры. Да так ловили их, что те и взвизгнуть не успевали. Что стоит ловкому хитрому хищнику подобраться к лайке, увлекшейся, например, белкой?

Ночью Круглов спал более или менее спокойно, с вечера решив: силой вражине в его избу не ворваться, в окошко тоже не протиснуться. Коли

уляжется тот под дверью — будет стрелять сквозь нее, а подойдет к окошку — влупит через стекло. Накоротке силы дуплета жаканами окажется вполне достаточно и для такого громилы... Да и пусть бы так и произошло: проще будет доказывать неизбежность выстрелов даже по государством охраняемому зверю, когда тот преступил законы таежного сосуществования в условиях обоюдного признанного взаимоуважения.

Лишь в самую ночную глушь прервался его сон: Фея осторожно толкнула его носом в глаз, шаркнула языком по щеке, тут же отошла к двери и там приглушенно зарычала. Не зажигая лампы, Круглов на цыпочках, с ружьем в руках подошел к собаке и толкнул дверь — открывалась свободно. Выглянул, прислушался, пригляделся — мир вокруг избушки был глухим, белым и сумрачным от все такого же ненастного неба. А сучка... прикусила его трико и многозначительно потянула назад: не выходи!

Он не вышел. Сидел у окна и курил, во зле выжимая крепко стиснутой рукой ружейное масло из шейки приклада, мысленно взывая к тигру: ну подойди же, подойди, старичье! Но тот вызов не принял.

...Утро встретило Круглова разорванной синью полураспахнутого неба и послеснежной свежестью. Нутром чувствуя на себе настороженный тигриный взгляд, он как можно спокойнее снарядился в путь, намеренно не интересуясь ни осмотром снега вокруг избушки, ни еловым мысом. И пошел обновлять лыжню по самому «светлому» своему норочьеколоночьему путику берегом ключа, напрочь обезлесенного лесорубами несколько лет назад. А Фея «чистила ему шпоры», чаще оглядываясь назад, чем обследуя, как было всегда, надвигающееся спереди. Видя это, промысловик взял на себя фронтально наплывающее, оставив собаке тыл и фланги. У ловушек задерживался ровно настолько, чтобы обновить приманку. Знал ведь, что старик очень голоден и жадно сожрет любую из них. Даже кусок вонючей норочьей тушки. Но эти потери стоили того, чтобы притупить бдительность врага.

Он рассматривал памятью ту отвесную скалу с пологим склоном в тыльную сторону, что прижимается к тропе на расстояние уверенного выстрела. Там Круглов любил отдыхать, осматривая с высоты окрестности и дали. Вот оттуда и можно было свести с тигром счеты, если вздумается тому идти по лыжне вслед человеку с собакой. Но, не доходя до скалы двести метров, присел, прикинул, что время позднее, и решил засаду устроить завтра, потому как на следующий день он быстрее дойдет сюда по натеренной тропе, да и одеться для терпеливого ожидания требовалось потеплее.

Через километр обратного своего хода настороженно трусившая было впереди Фея замерла, уткнув нос в снег. И оглянулась на хозяина, всем своим видом как бы говоря: подходи и гляди сам, если мне не доверяешь... Но Круглов еще издали увидел вмятины по лыжне и сверкающую искрами только что потревоженного снега наисвежайшую борозду следа тяжелого зверя к кромке леса, куда он свернул, скорее всего заметив возвращающихся в избу. Все шалашики до зимовья оказались разоренными.

Ночью Круглов думал: если тигр не вернется сюда и уйдет подальше, можно будет, пожалуй, и отставить расправу с ним. Кошки умирать уходят из дома. Бог даст, околет зверина где-то и без него, и не ляжет тогда на душу честного охотника грех самовольной расправы... Но опять застучала по полу собака и снова заволновалась, и увидел он в окно, как вокруг помойки проплыла большая тень, а на тыльной стороне свалки зазвякали консервные банки... На рассвете же ахнул: весь снег был густо истоптан тигриными следами, а к еловому мысу стлыла темнела торная тропа... Как же, выходит, зверь был голоден, если грыз трухлявый пенек, пропитанный помоями! Но кого винить за то, что слишком долго жил царь, дойдя до немощи?

...День был ясен, морозен и тих. Уже в одиннадцать Круглов лежал в засаде, устроенной на плоской макушке скалы на ворохе лапника между каменных глыб. Лежал, уткнувшись в полушубок, рядом с Феей, все хорошо понимавшей и вместе с ним осторожно наблюдавшей за четкой лентой лыжни, из-под отвеса скалы невозмутимо тянувшейся к заветному их дому.

Прошел час их бдения, другой. Выбравшееся на свой дневной предел солнце стало чуток пригревать. И Круглов незаметно задремал, потом уснул покрепче, оставаясь в уверенности, что в нужное время собака разбудит. И она разбудила. Вернее сказать, он сам почувствовал ее внезапно обострившееся до нервной дрожи напряжение. Перехватив ее взгляд, он увидел тигра для собачьего бдения непростительно близко — всего в сотне метров. Но приглядевшись к нему, простил собаку: четвероногий старик шел совершенно неслышно, остановившись же, как бы растворялся в редких стеблях пожухлой травы и кустарников.

На глазах Круглова зверь подошел к недавно настороженной ловушке, запустил в ее проход лапу, ловко выгреб капкан и подвешенный за ним кусок рябчика. Капкан звонко щелкнул, но грабитель не обратил на это ровно никакого внимания, потому что давно к этому привык. Проглотив

приманку, он постоял, глядя на уходящую вперед лыжню, и побрел по ней не то лениво, не то устало. Побрел, мягко печатая узор лап по глади лыжни.

Когда он подошел на полсотни метров, Круглов взял его на мушку. Мельком пожалел, что не карабин в его руках, из которого уже можно было выстрелить, послав пулю точно по желанию: в лоб, в грудь или под лопатку. Он все четче видел и голову зверя, и грудь, и лопатку, а через минуту стал различать более мелкое... Да, как и говорил Петр Васильевич, тигр был явно стар: большой, худющий, в лохмах тусклой шерсти. Но заметил еще Круглов облезлый на треть длины густо-синий конец хвоста, бурые незаживающие раны на шее и плечах, приседание на заднюю лапу и старческое подергивание головой с седой мордой.

На траверзе скалы, когда Круглов уже потянул спусковую скобу, тигр вздрогнул и неожиданно проворным прыжком обернулся к ее вершине, явно почуяв опасность. Но было поздно: посадив мушку на его лоб, промысловик выстрелил таким слитным дуплетом, как еще никогда прежде. Перезаряжая ружье, он опустил к нему глаза, а подняв их, увидел зверя завалившимся на спину в снег, месившим воздух лапами и бившим хвостом. Его грудь была обращена к скале, в нее хотелось для надежности послать еще один дуплет, но не стал Круглов стрелять, потому что уронил тигр лапы, потянулся, вздрогнул и застыл. И все же, прежде чем спуститься со скалы, а стало быть, и потерять стреляного из виду почти на пять минут, он еще долго в него вглядывался с изготовленным к немедленному выстрелу ружьем, потому что знал несколько достоверных случаев, когда по всем признакам вроде бы издохший тигр вдруг оживал. Но этот был явно мертвым.

И только потом, поднявшись на ноги, Круглов обратил внимание на Фею: она вроде бы окаменела, выдавая в себе жизнь лишь частым дыханием, вздрагивающим носом и блеском глаз.

Она шла за ним все так же понуро, по-прежнему сзади, пока спускались со скалы и огибали ее, выходя к обрыву. Даже отстала. Показалась неподвижная в снегу туша тигра, Круглов спокойно пошел к нему напрямик, и собака присела. Но когда и к ней пришло убеждение в смерти заклятого врага, ее словно прорвало. Она лаяла взахлеб, визжала, носилась около любимого хозяина, а потом и вокруг поверженного врага. Даже восторженно взвыла, что случалось с нею очень редко. И все норовила вскинуть лапы на грудь и лизнуть в лицо самого дорогого, все понимающего и все умеющего друга.

Круглов долго осматривал тигра. Его выцветшие желтые глаза глядели в небо, и не оказалось в них ничего, кроме усталости и безразличия ко

всему. Мол, пожил и будет, всему свое время, рано или поздно это должно было случиться...

Круглов вспомнил о времени, когда набросал на мертвого старика гору снега, — шел третий час. Хотелось есть, пить, послушать хорошие песни по «Маяку», расслабиться на нарах, сказав при этом свое привычное — «блаженный миг!». Но он просидел у той горы на рюкзаке с теплой одеждой еще не менее получаса, решая мучительную проблему: по праву ли преступил черту закона? И что же это такое — преступить, когда не преступить невозможно? Самосуд, когда не до судей? А если безнравственно это, то в какой мере?

Но глубоко вникнуть в проблему ему никак не давала Фея, которую все не покидал бурный восторг, желание жить и работать как и в прежние годы, и даже еще старательнее.

Она успела дотошно обследовать и пологие, скале противостоящие склоны, облаив там белку, и берега ключа, где загнала под корч норку и отчаянно позвала хозяина... И все километры к избушке носилась собака, искала, поднимала разного зверя, услуживая другу своему единственному, пожалуй, так усердно, как никогда прежде.

И не испытывала она ни малейшего желания войти в хозяйское жилье, привычно предпочитая ему собственный, приятно прохладный закуток под избяным крыльцом.

Не люблю выдумывать рассказы и всегда предпочитаю вымыслу — были. И в этой истории по известным причинам я изменил лишь фамилию действующего лица, его профессию да кличку собаки. А знаю его давно: это интеллигентски честный, во всем мне симпатичный человек, каждое слово которого заслуживает доверия.

Вооруженный нейтралитет

Пролетела первая половина осени, минула пора грустных шорохов листопада с тяжкими вздохами надолго засыпающего леса, и пришло мне время уйти в тайгу на долгие два месяца полевых работ в самой что ни на есть безлюдной глухомани Сихотэ-Алиня.

Обосновался я в полузавалившейся от времени и неухоженности землянке на берегу шумной горной речки, в пятнадцати километрах выше и ниже по течению от своей «базы» поставил палатки с жестяными печками, наготовил дров и стал томительно ожидать снега. Без него охотоведческие исследования, а в особенности учетные работы, практически невозможны.

Однако снега долго не было, ослепительно сияло безоблачное небо, хотя морозы ночами уже лютовали. И сухая трава с листом всхлипывали при каждом моем шаге, оповещая всю таежную живность о появлении человека.

Дабы не терять время, я оборудовал самоловами несколько троп, насторожил капканы на норку и выдру, ибо, во-первых, результаты такого промысла косвенно говорят о распространении и численности зверей, во-вторых же, честно признаться, дают дополнительный заработок к скудному семейному бюджету за счет использования выходных дней и суточного времени сверх рабочих восьми часов. Днями я обследовал «порученную» мне таежную площадь, опять-таки при случае постреливая то белку или рябчика, а то зверя построжее и покрупнее.

И так вот однажды удачно добыл я жирного кабанчика пудов на пять, освежевал его по всем статьям, загрузился ливером, салом и окороками, уложил оставшуюся часть туши на лабазике до следующего прихода и с радостной резвостью зашагал к землянке, благодаря таежного бога за то, что теперь и мне здесь сытая жизнь обеспечена, и солидное «кое-что» останется для дома.

Подходил я к своему жилью уже в сумерках. И еще не доходя до него сотню метров, нутром почувствовал, что кто-то ко мне навевался. А через пять минут убедился, что гость являлся со злом на меня. Лабаз оказался разваленным, но, странное дело, разбросанные продукты тронуты не были. Даже рябчики. Поленица тоже завалилась набок. Висевший у дверей мешок с зимней одеждой был отброшен к речному берегу... И ни единого следа на каменно промерзшей бесснежной земле! Но и это не все. Я подсознательно чувствовал чей-то очень недобрый и сильный взгляд.

Даже определил, что исходит он из кедрового островка, чернеющего в сотне метров от землянки. Идти туда в загустевшей темени было бы неосторожно, и потому я в ту сторону лишь грозно прокричал и пригрозил, что за последствия не ручаюсь. И тут же занялся неотложными делами. Мясо для выстывания подвесил на деревьях, сбегал за водой, сухих и сырых дров натаскал...

Ночь прошла не столько во сне, сколько в бдении и прислушивании к ничтожнейшим шорохам. В глазах всякое мерещилось, в полусонном забытьи какие-то чудовища на меня наваливались. Однако все обошлось без происшествий.

Рано утром сходил я в тот кедровничек, никого там не обнаружил, но увидел вмятые в листовый опад и хвою две лежки крупного зверя, принадлежащие медведю или тигру. А поразмыслив за сигаретой, решил, что конечно же не медведь похулиганил вчера у моего очень неприятельного жилья. Медведь — отъявленный грабитель и ненасытный обжора, он первым делом непременно съел бы мои продовольственные запасы, сваленные с лабаза, а потом наверняка устроил бы погром в землянке. Ну а мешок с одеждой превратил бы в лохмотья.

И оставалось мне предположить, что посетил меня грозный полосатый владыка здешних мест, и приходил он с целью уведомить меня, что негоже вторгаться в чужие владения... Пока что предупреждает незлобиво, но может быть и хуже, коли не обращу внимание на «добрые знаки» особого внимания.

С первыми лучами солнечного света я все же упрятал в землянку мясо и продукты, принес с речного берега ведро песка и притрусил им тропу к землянке, чтобы теперь всякий гость оставил на ней свои следы... А потом поспешил за кабаниной, намереваясь за две ходки к вечеру перенести ее всю к землянке.

И вот очередная неприятность: сооруженный вчера лабазик был развален и пуст. Подумал почему-то: медведь грабанул... Но ведь этот зверюга тут же и принялся бы жадно пожирать украденное, к тому же за ночь он ну никак не смог бы уместить в своем брюхе и половину найденного, а оставшееся завалил бы всяким хламом до следующего пиршества. И спал бы или бдил неподалеку в настолько агрессивном настрое, что вполне мог меня атаковать как непрошеного гостя.

Но подходил я с изготовленным к немедленному выстрелу карабином по раскрученной спирали, внимательнейшим образом выискивая следы и высматривая грабителя, а ничегошеньки не обнаружил. И опять вылепилось предположение: тут дело тигриных лап. Что стоило ему взять в

пасть застывшую полуцентнеровую кабанью тушу и уйти с нею подальше, чтоб вдоволь полакомиться чистойшей вкуснятиной и тем самым еще раз предупредить меня, что нехорошо вторгаться в чужие владения.

Однако презумпция невинности позволяла мне это лишь предполагать. И я решил поискать улики и доказательства. Внимательно огляделся вокруг, мысленно как бы перевоплотился в тигра и тихо зашагал туда, куда уходил бы амба на своем месте. Пошел, конечно, с изготовленным оружием, внимательно оглядываясь по сторонам, а более всего сверля глазами места, по которым предстояло идти. Корчи и большие валежины, за которыми хищник имеет обыкновение затаиваться, обходил стороной, не лез в гущину кустарника и хвойного подроста. И все время старался думать за тигра: куда лучше уйти, чтоб можно было попить поспокойнее, и чтоб вода журчала поблизости, и видеть подход истинного хозяина мяса, коли он надумает поискать воришку.

Я не намеревался скрасть амбу до обнаружения и возможного выстрела по нему, потому что это было невозможно по двум причинам: мои шаги по сухому листу слышались за версту, а стрелять по краснокнижному зверю чревато большими неприятностями. Но мне упорно хотелось его увидеть и выстрелами поверх головы в свою очередь предупредить, что за последствия грабежей я тоже не ручаюсь. Грозно покричать, напирая на «ррр», пробежаться вдогон с подскоками и разведением рук... Был у меня опыт таких предупреждений, возымевших действие.

Но злоумышленника я так и не выследил.

А вот он меня, судя по всему, из вида не терял. Иду через два дня по своему путику, проложенному вдоль хорошо натеренной, засыпанной листом зверовой тропы, и злом исхожу: шалашики с капканами завалены, попавшиеся в них зверьки разорваны, от зайцев, угодивших в петли, оставлены брызги кишок и клочья шерсти. До ночи ремонтировал этот путь. А на другой день точно такой разгром я увидел на другой своей ловчей тропе.

И опять ни единого следа злоумышленник не оставил! Он определенно избегал такой неосторожности, стороной обходя пыльные участки троп. Правда, у землянки, куда еще раз пришел, чтоб опять завалить лабаз и поленницу, а еще и внагляка побаловаться кабаниной, он все же «засветился», оставив четкие отпечатки огромных кошачьих лап на песке, которым я несколько дней назад посыпал выход тропы к землянке.

Чего уж бравировать: близость тигра, пристально за мною следящего, наблюдающего чуть ли не за каждым моим шагом, мягко говоря, угнетала и напрягала. Иной раз я готов был застрелить его, если б он себя показал. Но

увидеть его было невозможно. Слышал треск сучьев под его лапами в чащобах, даже тяжелый дух хищника иной раз в нос ударял, а вот не видел. Словно призрак меня терроризировал.

Утрами по изморози и инею я обнаруживал вокруг землянки свежайшие тигриные следы, и под самой дверью он однажды долго лежал, оттаяв под собою землю... Я переполнялся страхом, а на свои дневные маршруты выгонял себя предельными усилиями воли и убеждениями в том, что амурский тигр строго блюдет «закон мирного сосуществования».

Куда спокойнее работалось бы мне здесь, будь со мною собака. Но он ведь давно бы ее изловил.

Конечно, уже не в первый раз я грубо нарушил технику безопасности, строго-настрога запрещающую находиться в тайге в единственном числе, да еще работать там. Но что поделаешь, если не находится желающих наниматься проводником в горячее время охотничьего сезона, да еще за грошовую оплату... А работать двум охотоведам в паре для экспедиции было расточительно.

Все вроде бы логично и объяснимо. Немаловажно и то, что я, во-первых, с некоторых пор не люблю ходить по тайге с собакой, которая мешает наблюдать, а во-вторых, мне с малолетства мило одиночество и уединение. И все же, как мне недоставало напарника в те дни противостояния с тигром!

Однажды выпер на меня табун кабанов, я облюбовал большую справную чушку и уложил ее одним патроном. И только утих шум умчавшихся свиней, перестало кататься гулкое эхо выстрела между тайгой и небом и рассыпалось прахом, как из недалеко донесся до меня грозный тигриный голос. Амба то негодуяще ревел, то угрожающе рычал, то злобно кашлял, и кровь моя стыла в жилах, сердце билось испуганно и торопливо и вдруг замирало, ноги в коленях подгибались, а спину искусывали невесть откуда взявшиеся муравьи... Потом подступила тошнота... И стал я терять ко всему интерес, растворяясь почти в шоковом равнодушии к синоминутному...

Но нашел все же силы взять себя в руки. Сумел зажечь трясущимися руками спичку и засмолить «долгоиграющую» «Стюардессу», слушая тигриный рев, переместившийся ко мне ближе.

И вдруг меня прорвало нечто до сих пор неведомое, пожалуй, сродни безумству. Я решительно заменил стреляный патрон новым и с отчаянным ревом помчался навстречу тигру. Я во всю силу голоса стыдил его, грозил и вызывал на честный поединок: «Бандюга полосатый! Места и зверя ему мало! Честного человека выживает и обворовывает! А ну, кто кого? А если

я начну тебя выживать? Стервец! Наглец!..» И для большего эффекта пальнул в ту сторону два раза, скручивая гулкие раскаты мощных выстрелов с таким собственным ором, какого горло мое, должно быть, еще не выдавало.

Пробежав этак бурно и грозно с полсотни метров, я остановился и прислушался — тишина стояла такая бездыханная, что, казалось мне, улавливалось поскрипывание земной оси и шорох катящегося по небу солнца... Тигр тоже молчал и наверняка прислушивался, скорее всего, опешив. Видимо, это означало, что если я его и не напугал, то, во всяком случае, удивил и «озадачил».

Конечно, для меня это уже кое-что значило, но теперь было явно недостаточно. И я опять стал грозно кричать, и снова побежал в сторону заклятого супостата, и еще раз выстрелил поверх кедровых крон.

Потом застыл, обратив всего себя в слух. Выкурил две сигареты в полнейшей тишине и с чувством вернувшегося самоуважения пошел свежевать чушку.

Провозился с ней долго, много времени потеряв на подъем центнеровой туши на невысокий настил из жердей, чтоб она лучше выстыла. До землянки было двенадцать километров, до палатки — четыре, и я решил переночевать в ней.

То была вовеки незабываемая ночь ужасов. Мой полосатый приятель ходил вокруг матерчатого убежища с полуночи до утра, то и дело взреывая. Он приближался ко мне, дрожко лежащему за тонюсенькой парусиной, на каких-нибудь два десятка метров и укладывался подремать. Я слышал его вздохи и урчание в брюхе, улавливал сладкое позевывание и довольное мурлыканье... В минуты забытья я «видел», как вплотную приблизившийся к палатке тигр небрежным махом когтистой лапы распарывает ее скат сверху донизу... И мы глядим глаза в глаза...

Он приближался ко мне, дрожно лежащему за тонюсенькой парусиной, на каких-нибудь два десятка метров и укладывался подремать

Кровь в моих сосудах то замораживалась, то сильно билась в такт частым и все же гулким ударам сердца, и при каждом вздрагивала голова... А в ней мелькали зароки вроде: «Да будь она трижды проклята — эта тайга с медведями и тиграми!»

Я был противен себе за страх. Карабин лежал под боком, можно было вылезти из палатки и преподнести вражине еще один урок угроз и предупреждений... И не мог... Или не хотел сердить не столь уж и агрессивно настроенного хозяина положения, тоже решившего меня проучить? Я только курил и курил, и тихо подкладывал поленья в печку, и поминутно взглядывал на часы, которые громко тикали, но стрелки не шевелили.

И я поклялся: увижу — застрелю. Ведь собственная жизнь дороже царственной звериной.

Законников бы на мое место!

Я оделся и вылез из палатки при первых проблесках света. Окаменев, оглядывал каждую пядь леса вокруг себя и напряженно прислушивался ко всем таежным шорохам. Я и в эти минуты горел желанием расквитаться с полосатым бандюгой, если и не пулей в самое убойное место, то сделав его пожизненным инвалидом, на самый худой конец крепко наказать страхом за страх.

Но тигра не было.

Тогда я стал ходить вокруг палатки, все более удаляясь от нее. Видел лежки неприятеля, его экскременты, следы на инее. Убедился, что подходил он к палатке в упор и полежал в пяти-шести метрах от нее, наверняка злорадствуя над моим страхом, который определенно чувствовал...

Теперь я его не мог увидеть. Он ведь прекрасно понимал, что ночью имеет огромное преимущество над человеком, теменью ослепляемым.

Успокоившись, я вскипятил чайник, плотно позавтракал и неожиданно провалился в глубокий сон до полудня. А проснувшись и наскоро перекусив, быстро пошел к добыче минувшего дня, чтобы начать переносить ее к землянке. Но трофея моего не оказалось...

Я на этот раз недолго его искал. Тигр сожрал свиной зад вчера вечером и, стало быть, всю ночь измывался надо мною на очень сытый желудок. Утром он опять крепко позавтракал, оставив мне обглоданное и вывалянное нечто неприглядное.

Я удрученно пошел к землянке, кляня разбойника на все лады и давая себе новые мстительные зароки один грознее другого. Но для их

осуществления мне нужен был снег, чтоб легко было следить и бесшумно ходить.

Снег пошел через два дня.

...Первые крупные мохнатые снежинки с оглохшего, чугунно омертвевшего неба западали тихо и плавно, чуть заметно покачиваясь. Потом их с каждым часом становилось больше, и вот уже густой снегопад в настойчиво ровном темпе окутал весь видимый мне мир белым шорохом, белым мороком, белой немотою. Словно заячьим пухом одевались деревья, будто ослепительными, совершенно новехонькими простынями прикрывались зеленые разливы мхов и валежины, и вроде бы талантливый художник чистейшими белилами придавал своему полотну с осенним лесом иной смысл и другое содержание. Зимнее.

Снег шел день, и ночью он сыпал. И вроде бы ничего на земле не оставалось, кроме этого нескончаемого снегопада. Но вот утро выбелилось такой ясной красотой, чистотой и свежестью, что казалось мне: в этом прекрасно обновившемся, еще не очень холодном мире теперь не будет ни зла, ни обид, ни угроз и страха. И, конечно же, моей вражды с тигром.

Первый день со снегом всегда как праздник. Любуешься кухтой на зелени хвойных деревьев, большими белыми шапками на пнях, белыми таежными тропами... Сколько таких праздников дарит нам природа, а мы их не замечаем. Как не замечаем первую зелень и майскую грозу, слепой дождик и черемуховый цвет, бабье лето и осеннюю раскраску леса... Зори, радуги, полнолунные ночи...

А после того снегопада, как водится, на тайгу обрушился свирепый ветер. Сначала тишину потревожили этикие едва слышимые шорохи, зародившиеся где-то в небе или на горных вершинах. Потом там словно затаенно завдыхало что-то живое, глухо заухало... Качнули головой деревья, шевельнулись, стряхивая снег, кусты, дым из трубы заприжимался долу... И вот уже засвистело, загудело, застонало все вокруг и зарыдало.

Бешено ринувшись с горных хребтов в речную долину, шквал срывал с деревьев пухлые одеяния, зло разбрасывая снег и зачиная сугробы. Деревья застонали и заплакали, захлебываясь ветром и заламывая свои ветви, словно руки в горе. Отчаянно качали они вершинами, словно невыносимо заболевшей головой...

Я радовался и этому снегу, и пурге, но в то же время печалился. Радовался потому, что теперь ходи по тайге и читай по белой тропе повествования и просто зарисовки да сцены из ее многоликой и сложной жизни. А печалился оттого, что не люблю холодов. Намерзнешься за день,

то пропотеешь, то задубеешь... А землянка, как и зимовье, за день выстывает насквозь, что же говорить о палатке. И никто тебя там не ждет, сам разжигай печь, иди за водой, ставь на огонь чайник и жди, когда можно разоблачаться. Об ужине думай, о других неотложных делах... И о завтрашнем дне.

Такая вот работа у охотоведа. Мало чем она отличается от труда и быта промысловика в зимнем сезоне. Но в том ноябре на первом плане значилось выяснение отношений с яро невзлюбившим меня тигром. Прежде мне не раз приходилось встречаться с его собратьями, но такого противостояния не случалось еще. Как не наваливалось подобное и позднее.

Оглядывая белый таежный мир, я злорадствовал: «Теперь каждый твой шаг, друг мой в полосочку, будет для меня свидетельством. Твой контроль за мною станет и моим контролем за тобою, и бабушка надвое сказала, кто кого больше станет контролировать...»

За два дня я восстановил и насторожил свои тропы, потом три дня закладывал и обрабатывал контрольные учетные площадки. Но свежих следов амбы не обнаруживал. Зато на рассвете пятого дня увидел почти теплые отпечатки его лап и вокруг землянки, и у проруби, где брал я воду, а в десятке метров от дверей он долго лежал головою к ней и, как мне казалось, решал сложную проблему: выживать ли этого двуногого из своих владений или плюнуть?

И я помог ему удалиться от меня подальше.

А было так.

Чтоб спать спокойнее и уверенно узнавать о явлении врага в моих некомфортабельных пенатах, протянул я поперек его возможных подходов тонкую крепкую нить на уровне своего колена и вывел ее концы к потолку в землянке, где подвесил обыкновенную консервную банку с камешками. Испытал — бренчит... А в самом узком месте тропы — метрах в двадцати от своего обиталища — насторожил самодельную бомбу под широкой доской таким образом, что наступи на нее — ахнет, шибанет по ногам и подбросит так, что всю жизнь наступивший помнить будет и повторения такого сюрприза ни за какие блага не пожелает. Ну а если вдруг явится ко мне в гости человек с неба — выставил углем начертанные предупреждения в таких местах и количестве, что даже если и захочешь неприятностей — не получишь их.

Как смастерил бомбу? А хитро. Порох в прочной банке, разряженный папковый патрон с капсулом жевело, а точно над ним — острый гвоздь «на взводе», пробитый сквозь ту толстую широкую доску, чуток приподнятую

над банкой палочками карандашной толщины. Вот и вся недолга. Голь на выдумки всегда была хитра.

Всякие варианты событий проигрывал я мысленно и долгими вечерами, и еще более длинными ночами, и на дневных уминаниях снегов. Живо воображал, как сначала брякнет жестянка с камешками над дверями, потом наступит звенящая тишина, потому что тигр замрет, как лягаш на стойке, и станет прислушиваться... А успокоившись, осторожно зашагает по тропе, пронзая землянку глазами и принюхиваясь к мешанине странных запахов, тайге совершенно чуждых...

А я уже всунул ноги в ичиги, набросил на себя куртку, изготовил фонарик и жадно жду своего мгновения со взведенным карабином...

Так все и произошло. На пятый день после предыдущего визита. Банка просигналила в полночь. После взрыва тигр рывкнул и, как я выяснил днем, завалился в снег. А пока он очухивался и поднимался, я уже мчался к тому месту, разрывая устоявшуюся было замороженную тишину дичайшими криками и стрельбой.

Нет, я не желал убивать своего недруга, потому что обозленность моя на него уже выветрилась. Но я хотел преподнести ему такой урок страха, чтоб помнился он владыке всю жизнь. И чтоб появилось в нем если не признание силы, то хоть какое-то уважение ко мне. Да и при желании я не смог бы в него попасть пулей, потому что в ту секунду, когда в луче света зачернела упавшая поперек тропы доска, тигр уже несся по чащобе очертя голову. А я орал ему вдогонку и палил до пятого патрона... Потом в голос засмеялся и изрек нечто для себя афористическое: нет на всей Земле и самых отважных смельчаков, которым бы не было ведомо чувство страха.

А утром пошел по следам проученного тигра. Метров двести он мчался на частых коротких прыжках, круша чапыжник и подрост, натываясь на деревья и корчи. Несколько раз падал и позорно мочился. Потом долго справлял большую нужду, а опроставшись, завалился в снег на чистинке и, наверное, с четверть часа прислушивался к моим владениям, усмиряя дыхание.

Успокоившись, он широким шагом пошел в гору, плюхаясь в снег через каждый полукилометр для передыха и очередного прислушивания в мою сторону — нет ли погони.

Я шел по его следам неспешно и осторожно, хотелось тихо подойти к нему на капитальной ночной лежке и еще раз строго предупредить, что шутки со мною плохи и дальнейших грабежей я не потерплю. Но он зачуял меня загодя и умчался. И это меня вполне удовлетворило. Однако для закрепления своей победы я еще покричал ему вслед, напирая на «рррр».

А потом я несколько раз убеждался, что тот тигр пусть и не стал меня так уж сильно бояться, но обходил дальней стороной. Мы вроде бы заключили договор о ненападении и нашли возможности мирного сосуществования. Он не бродил по моим тропам и следам, к землянке и палаткам не приближался ближе полукилометра. Дважды он подходил к уложенным на настилах добытым мною белогрудому медведю и кабану, но не тронул их.

Однажды я ненароком вышел на недавно задавленную моим соседом и коллегой по охоте чушку. Он только что ел ее, еще горячую, еще не остыв от возбуждения борьбой, однако отошел в гущину елочек при моем приближении. Я вкопанно остановился, умеряя невольный испуг, он же тихо рыкнул. Я ласково заверил его в верности нашему договору и тихо сказал ему несколько успокоительных фраз. Потом развернулся на сто восемьдесят градусов и удалился восвояси собственным следом.

И так себе я нравился в те минуты, что дал новый зарок: вечером употреблю что-нибудь покрепче...

У последней черты

Ясным весенним днем старый тигр вошел в поселок Корфовский, что на границе Большехехцирского заповедника, поднялся на крыльцо крайнего дома, затем проник на веранду, поймал и съел там собаку и улегся перевести дух...

Из февральских газет 2000 года

Да, так и было. Меченый тигр, прозванный так егерями за багровый рубец шрама на щеке, не обращая какого-либо внимания на шарахавшихся от него людей, панически разбежавшихся собак и дико мычавших коров, невозмутимо шагал по дороге напрямиком в большой шумный поселок, уверенно, как к своему обжитому логову, свернул к явно жилому дому и взошел на его крыльцо... И тут же вломился на веранду... Хозяева, открыв дверь на истошные вопли собаки, тут же в ужасе захлопнули ее.

Служба заповедника долго ждать себя не заставила. Единственного в своем роде непрошеного гостя обездвигили «летающим шприцем», чтобы погрузить в клетку на грузовике и определить куда поцелесообразнее. Но даже беглый осмотр лежавшего неподвижно зверя показал крайнюю степень его дряхлости и, стало быть, полную неспособность к естественному тигриному бытию. Одни лишь полностью стертые клыки говорили об этом. И надо было людям выбрать одно из двух возможных решений: усыпить тигра насовсем прямо на месте или отвезти в реабилитационный питомник в предгорьях Сихотэ-Алиня, где содержат неспособных к вольной жизни зверей. И выбрать срочно, потому что дошедший до последней черты бывший владыка уссурийской тайги начал вдруг шевелиться, ибо ошиблись в расчете вводимого снотворного в меньшую сторону.

В странном состоянии оказался тот старец: он четко видел столпившихся вокруг него людей, отлично понимал, что уже давно надо бы покинуть это место, и не мешкая... Но ничего не мог сделать, потому что ни единый мускул ему не подчинялся. Он чуял густой человеческий дух, слышал людской галдеж и разорванный собачий брех, догадывался, что дела его совсем плохи, что он уже не принадлежит себе, но не находил сил для заявления о принадлежности к династии владык даже рыком, от

которого некогда замирало все живое, в том числе и эти люди.

О, этот знаменитый рык владыки уссурийской тайги! Не было и нет в ней существа, которое могло бы спокойно его слышать. В памяти Меченого мелькало бывшее... Из автобуса, остановившегося перед ним, вальяжно возлежащим поперек дороги и поигрывающим хвостом, вывалила возбужденно горланящая толпа двуногих. Но стоило ему рыкнуть, небрежно приподняв голову и приоткрыв пасть, как все исчезли в машине с поразительной поспешностью! Все! Чтоб из нее уже не показываться. Или другой раз: к нему, блаженно почивавшему после обильной трапезы, случайно подошла куча праздно и шумно шатающихся по тайге людей, а после короткого предупреждающего рева не стало вдруг той кучи, и лишь приглядевшись, увидел он троих карабкающихся вверх по деревьям, да еще слышался затухающий треск под ногами убегающих без какого-либо чувства собственного достоинства. Пожизненно помнилось ему и то, как после его рева человек упал от страха в бесчувствии...

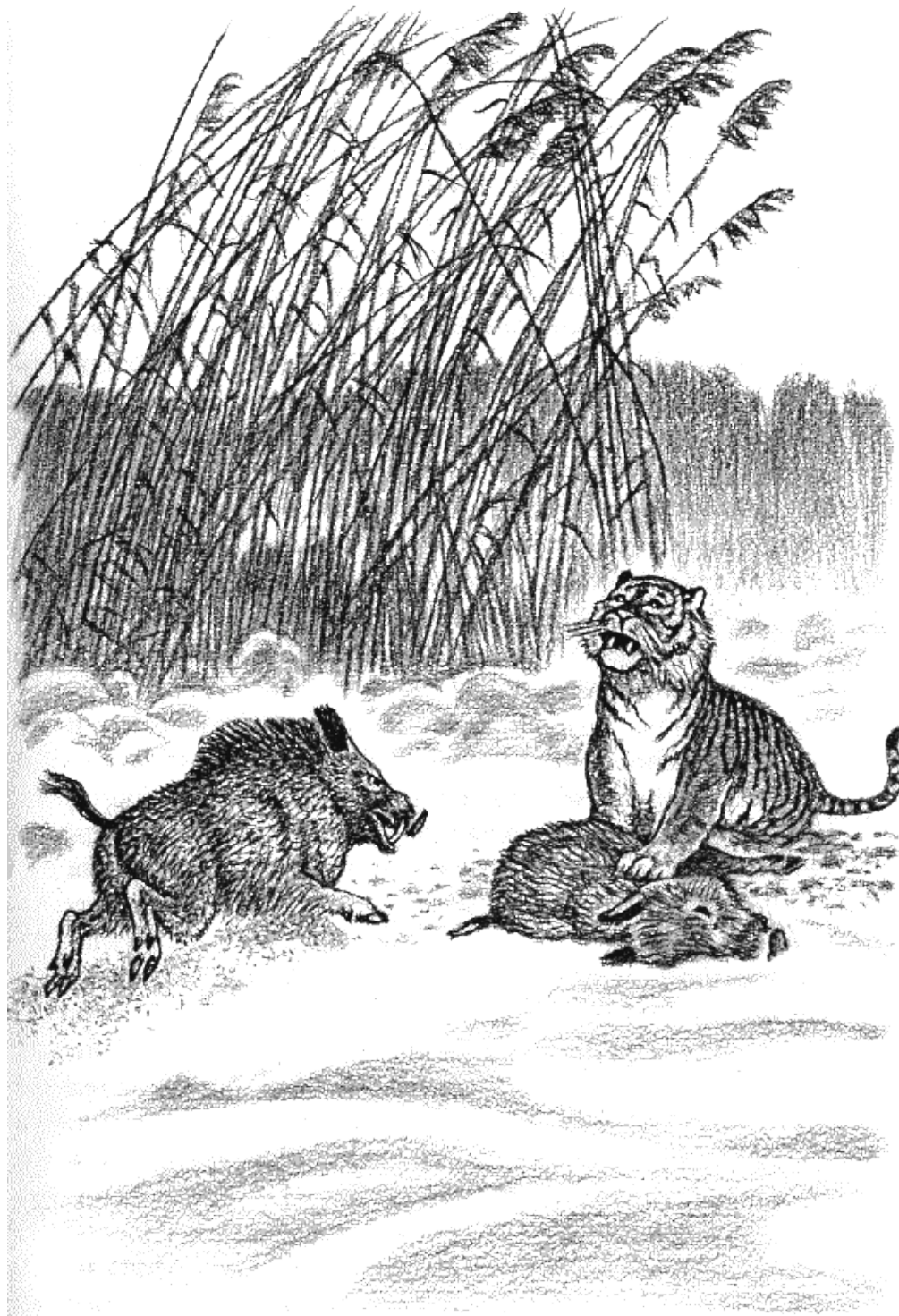
К сожалению, теперь у него не находилось сил, иначе было бы забавно наблюдать за этими двуногими, шут знает по какому праву именуящими себя царями всей Земли.

Он различил рядом с собою явно главного человека, державшего в руках ружье, черный зрачок которого застыл на расстоянии вытянутой лапы от его лба. С юных лет он хорошо знал, что из этого зрачка вылетает мгновенная всесокрушающая смерть, и холодея, спросил у себя: «Неужели прикончат? И так позорно? Без честного боя на равных? Скольких людей мог я задавить, но ведь ни единого не тронул... Или договор о взаимном ненападении ими ни с того ни с сего расторгнут?..»

Человека Меченый знал не хуже своих соплеменников, в чем был уверен. Он всю жизнь соблюдал в отношении с ним завещанный матерью вооруженный нейтралитет, однако, мудро избегая встреч, ничуть не боялся его, при случае же недвусмысленно давал понять, что за непочтение владыка тайги может строго наказать. Причем так строго, чтоб впредь и другим неповадно было.

Ту первую давнюю конфликтную стычку с недоброжелательным существом он и теперь помнил, хотя уже приходилось напрягать память, извлекая из нее события былого, как то и дело обрывающуюся полуистлевшую лиану... Он атаковал свиной табун, приглядев жирную, не старую еще чушку. Уверенно настигнув ее в три прыжка, он сбил обреченную, прикусил за самое «успокаивающее» добычу место на шее сразу за голову, умеряя из последних сил и свою дрожь возбуждения, и отчаянное сопротивление несчастной.

И вдруг на него выпер секач. Один из тех вечно хмурых могучих вепрей, которых любой уважающий себя тигр старается благоразумно обходить стороной. Сам он и в те горячие секунды не тронул бы его, однако возбужденный любовной страстью секач сам ринулся в бой. То сражение было жестоким и тяжким, немало в нем пролилось крови, еще больше шерсти было выдрано, однако победителя не оказалось. В очередной раз разойдясь и переводя разорванное дыхание, нацеливаясь на новый бросок, неприятели все плотнее вдавливались в снег... И остывали... И разошлись, не чувствуя себя побежденными.

То сражение было жестоким и тяжким, немало в нем пролилось крови, еще больше шерсти было выдрано, однако победителя не оказалось

Меченому тогда для выравнивания дыхания и успокоения потребовался час. Погибельных ран не оказалось, кровоточащие он зализал. Важнее было запомнить очередной урок: с секачами равного с твоим роста не только не связывайся сам, но избегай их, даже уходи открыто, но с гордо поднятой головой владыки не просто отважного, но и рассудительного. Осторожность — не трусость, а безрассудная храбрость — удел скудоумных спесивых гордецов, век которых краток. Этому его тоже учила мать, когда в нем царственного гонора уже было полно, а вот опыта — никакого.

Рассуждая таким образом, шел Меченый по неровному красному следу неуспокоенной, вставшей на трясущиеся ноги чушки, не сомневаясь в том, что далеко она не уйдет. Но нежданно-негаданно вышел на этот след двуногий охотник, потоптался возле него и рванул вдогон просящейся в руки почти дармовой добычи. И вот уже за двоими, мгновенно взвинтившись, ринулся и тигр, решительно вознамерившись и собственную добычу не упустить, и грабителя наказать. Выстрелы же лишь подстегнули его.

...Он застал охотника за разделкой нечестно присвоенной, как считал Меченый, чушки. Но и в ярости он не испытывал желания его убить, стремясь лишь наказать постороже, чтоб в другой раз на воровство не тянуло. И он грозно заревел, приблизившись на десяток своих прыжков с открытого места. И этого оказалось вполне достаточно для поспешного бегства своего извечного конкурента по промыслу, а временами и врага.

Того охотника ужас не парализовал, и потому в бега он ринулся, но оружие не бросил. А придя в себя, пристыдив собственную трусость, он стал обороняться, яростно отстреливаясь от преследовавшего его хищника. Однако и отстреливаясь, он напрямик мчался к своей избушке, испытывая большое беспокойство перед быстро сгущающимися сумерками. Но вот еще крепче взял себя в руки и решил расплатиться с полосатым вражиной: затаился за корчем, изготовившись к стрельбе на поражение. А тигр, не теряя рассудочности даже в гневе, распознал его маневр и намерения, тихо обошел тот корч стороной и подал грозный голос за спиной несчастливца, на этот раз еще пуще обозлившись, приблизившись к человеку на пять своих прыжков. И охотник теперь уже натурально сорвался в бега в сторону спасительного жилья.

Преследовал его Меченый до глубоких сумерек, а к темноте гонял с веселинкой, давая о себе знать спереди и сзади, с одной стороны и с другой.

Удовлетворившись наказанием, он вернулся к чушке и с горделивым чувством собственного достоинства наелся жирной сочной свежениной под завязку, и на очень сытое брюхо заснул. Во сне он снова гонял по тайге провинившегося охотника, а неожиданно проснувшись за полночь, решил вдруг свое наказание усилить, чтоб вовсе исчез человек из здешних владений. И пришел к избе в упор, и стал реветь во всю мощь, переходя от одной ее стены к другой, от дверей к окошку. Ревел, вызывая на честный бой. Ревел до первых проблесков зари, явно забавляясь. Но встречать рассвет у людского жилья не стал, нутром понимая, что человек у него посветлу накоротке становится смертельно опасным. Только глупец напрасно рискует жизнью. С молоком матери, когда он еще не был Меченым, одной из первых усвоилась заповедь: «Человек сам по себе слаб, но в его оружии огромная сила. Не надо его бояться, однако обходить стороной следует».

Но все же сколько было случайных мирных встреч с неповинными людьми! В том числе и таких, когда по недоброму стечению обстоятельств он давно нещадно голодал, и вдруг представлялась возможность обрести двуногую добычу без труда и боя, без риска для собственной жизни! Вот хотя бы в тот памятный осенний день...

С до безобразия разжиревшим и давно знакомым ему лохматым косолапым верзилой он ненароком встретился на узкой тропе. Дорогу не уступил ни тот, ни другой. Сражались ожесточенно и долго, измучили друг друга до полуживого состояния. И расползлись в разные стороны. Раны были опасными. Именно после того сражения стал тигр Меченым. Отлеживался владыка много дней и сильно ослабел, потратив запасы до последней жиринки. И никак не возвращались силы для поисков добычи.

А однажды к нему, немощно лежавшему под выворотнем, опрометчиво подошел человек с тяжелой ношей терпко пахнувшей свежей свинины за спиной. Подошел, низко опустив голову, на три шага, а увидев неожиданно поднявшегося перед ним тигра, завалился в страхе и странно замычал, закатив глаза под лоб и разинув рот... Ну что стоило опустить лапу на ту голову и разом обрести много-много наипервейших харчей?.. А он пошел прочь, помня материнский завет: «Человека без причин не трогай».

О, как часто он видел вблизи ничего не подозревавших людей! Одиноких, в паре и в толпе. И детей без надзора взрослых! Как легко он мог «брать» их трофеями и жить вполне безбедно! Но ведь не тронул ни разу! И неужели теперь, оказавшись в столь позорно беспомощном состоянии, он не получит от людей столь же благородного миролюбия?

И не только людей не трогал он, но и принадлежавших им животных. Видел безнадзорно блуждавших по тайге коров — и обходил их стороной. Встречал беспечно пасшихся лошадей — и не искушал себя охотничьим азартом добытчика. Бывало, попадались ему далеко от людских поселений жадно жировавшие на желудях и орехах свиньи — домашние родичи таежных кабанов, и он их как бы не замечал. Даже на давно пустовавшее брюхо не замечал! Разве не знают об этом столпившиеся здесь двуногие, считающие себя властелинами тайги рангом повыше тигров? Или, может быть, все перетягивает непримиримая нетерпимость тигров к собакам, с которой и он не мог совладать?

Да, псов он люто ненавидел. Ну никак не находилось в нем сил и терпения оставлять без внимания этого преданного людям услужливого раба, по части охоты большого мастера. По загадочному зову предков все слои и разновидности кошачьих племен во веки веков находились в состоянии непримиримой войны со всеми слоями и разновидностями собачьих, и он не был в этой закономерности исключением. Да, собственно говоря, и не хотел выглядеть белой вороной. Уж одно то, что гнусный пес бесцеремонно облаивал его, царствующего владыку тайги, скажем, с безопасной противоположной стороны широкого распадка или с другого речного берега, заслуживало гнева и ненависти...

Но было в этих неприязненных отношениях и нечто другое, тоже загадочное: отведав раз собачатины, тигр уже не упускал возможности насладиться ею в другой. И ведь не только во вкусе дело! Собачатина владыку странным образом возбуждала, и проявлялась в нем этакая необоримая зависимость от ее наличия.

И потому он, слышав собачий лай, устремлялся на него, оставляя даже свежий след изюбра или кабана. И потому шел на песий запах, если даже он исходил от жилья двуногого охотника. Шел, заведомо рискуя жизнью. И по той же причине жадно искал возможность незаметно схватить собаку из-под хозяйских ног и тут же радостно скрыться с нею. Чтоб как можно быстрее насладиться таким тигриным наркотиком, зависимость от которого родилась вместе с ним. Неистребимая, неизлечимая, в определенной мере сладостная.

И не потому ли он нашел в себе силы и нахальство задавить и съесть пса на крыльце этого сельского дома несколько часов назад, куда пришел в последней надежде продлить свою старость? И не оттого ли теперь вот в эти страшные минуты все псы поселка собрались поодаль и радостно брешут, безошибочно чуя смертные мгновения своего извечного, теперь потерявшего всякую силу, врага?

Он прожил по тигриным меркам долгую жизнь. Счастливое детство и становление на собственные ноги прошло в роскошной уссурийской тайге в горах Сихотэ-Алиня. Но в свои сроки мать, отдав все возвращению, воспитанию и обучению детей, зачала в себе очередное потомство, дочь оставила при себе для передачи материнского опыта, а сыну строго велела искать собственные угодья и приступить к самостоятельной жизни. Еще более решительно подтолкнул к этому его вечно хмурый отец, не терпящий присутствия в своих владениях самцов — пусть даже молодых и с родной кровью. И он ушел из мира своего детства в поисках свободного таежного угла.

Долго он его не находил, потому что все было занято и обжито соплеменниками, весьма ревниво охранявшими свою территорию. Обычными были из-за нее драки, нередко приходилось поспешно удаляться без потасовок и крови. И так получилось, что уходил он раз за разом от этих махровых собственников в сторону изреживающейся, зверем беднеющей тайги, да все в сторону устало опускающегося к земле солнца. Однажды, обойдя большое озеро, оказался он в никчемном для тигра редколесье посреди болот и марей, где стоящими для солидного хищника трофеями и не пахло.

Однако в малом ему повезло: заметил он крутобокую сопочку на унылой равнине и взобрался на нее для обзора местности. Собственно говоря, с этого часа началась его вполне самостоятельная более-менее приличная жизнь. И потому так случилось, что с вершины разглядел он острым кошачьим взором на пределе окоёма крутые синие края горизонта, нутром почувствовал, что вспучили его горы, покрытые настоящей тайгой, и решительно направился в их сторону, как бы бросив жребий на людской манер: быть или не быть.

Он шел, не сворачивая в стороны, двое полных суток почти без отдыха. И чем дальше уходил от родительских мест, тем скуднее становился лес, тем чаще попадались люди и следы их разрушительной деятельности. Но и цель дальнего похода обнадеживающе прояснялась: по верхним контурам того синего горизонта обозначалась жесткая щетка хвойного леса, синь постепенно зеленела, и веяло настоящей тайгой...

В начале третьих суток упорного похода он переплыл ночью быструю речку и зашагал по крутому склону в гору. Сначала шел по скучным осинникам и березнякам, потом стали попадаться ели и кедры. Да все чаще, чаще. Уперся в густо пахнущую кабанями тропу... Увидел огромный наклонившийся пень, под которыми у тигров принято оставлять метки, и уловил запах тигрицы. Обрадовался ему так сильно, как никогда еще во

всей своей молодой жизни.

То было знамение его судьбы. Он оказался на заповедном Хехцирском хребте под большим городом с севера, с трех сторон окруженном гиблыми марями и бесплодным листовенным редколесьем. Тигров здесь когда-то было много, однако давным-давно они исчезли под натиском жадного человека. А одинокая молодая тигрица при счастливейшем стечении обстоятельств появилась здесь годом раньше. Он разыскал ее на другой же день, и обоюдной их радости не было конца.

Иного местожительства вдвоем и желать не приходилось: настоящая тайга, богатая зверьем, да и мешающих жить сородичей нет поблизости. Но их главное счастье состояло в том, что был Хехцирский хребет строго охраняемой территорией, на которой не просто запрещалась охота, но и жестко ограничивался доступ всякого праздного шатающегося люда. Здесь по казенным делам хаживали лишь государевы блюстители таежного порядка, ревностнее всего охранявшие крупного зверя.

В медовый месяц молодожены держались дружной парой. Вместе охотились, вместе трапезничали, вместе отдыхали. Изюбров и кабанов водилось полно, и потому жизнь воспринималась праздником.

Но забеременевшая тигрица со временем все чаще уединялась, как это и положено по законам тигриного бытия, однако супружеские связи не обрывались. К появившемуся потомству отца она не подпускала, опять-таки как это принято у тигров, и не только у них. Но при том его добычей не гнушалась, он же охотился куда старательнее. А быстро повзрослевших трех детей-красавцев сложной науке жить учили сообща. И вот всей семьей успешно промышляют, радуются жизни и безоговорочной власти над заповедной хехцирской тайгой.

Они скоро поняли, что с гор на равнину спускаться незачем, потому что там находились совсем другие территории — неохраняемые, и потому скудные, разным людом густо заполненные, от одного горизонта до другого простреливаемые. Уразумели и то, что в горах они для особых и редких там людей как бы неприкасаемые, и даже персонально охраняемы. Тех, которые там регулярно ходили, они быстро запомнили и угадывали издали, потому что много раз, затаившись, пропускали мимо себя совсем близко. И никогда при этом не испытывали искушения сделать человека легкой добычей. «Разве этого не знают столпившиеся вокруг люди? И этот строгий начальник с ружьем, готовый выстрелить в упор и наверняка?» — со смертной тоской подумалось несчастному старцу.

Да, тигры и люди долго жили здесь во взаимном уважении, хотя те и другие прекрасно понимали силу соседствующей, условно противостоящей

стороны. Егеря знали, что тигр опасен, и фамильярничать с ним — упаси боже! Потому прямых встреч с ними избегали, из ненароком возникавших конфликтов уходили первыми, добычу полосатых не трогали, и даже не мешали тем охотиться.

И не просто из уважения и прямой обязанности беречь охраняемых законом. С появлением тигриной семьи мало-помалу, но напрочь исчезали издавна обитавшие здесь волчьи стаи, от разбоев которых «красная» заповедная живность из кабанов и изюбров несла тяжкие потери, во много раз превосходящие «отход» этой живности на царский стол теперь. Не стало и из года в год множившихся бродячих одичавших собак, сбивавшихся в большие и малые стаи, разбойничавших похлеще волков, промышляя все живое, начиная от зайцев и кончая вепрями и оленями.

Но не знали тигры-новоселы главного: люди восприняли их поселение в заповеднике как благодать особого ранга, и стали они тут куда более уважаемыми, чем почетные граждане огромного города, бескрайностью открывавшегося глазам не только с горных вершин, но и со скал северных склонов Хехцира. Быть может, потому его единой подружке посчастливилось дожить до появления прапраправнуков, ему же — до столь глубокой старости, что не просто напрочь исчезли зубы, а монарший камзол покрылся плешинами и сваялся. Мышцы же задеревенели до такой степени, что не мог он просто спрыгнуть с невысокого уступа на опрометчиво подбежавшего под него поросенка и придушить его беззубой вялой пастью, не мог перемахнуть через валежину в свой рост, не мог догнать дворняжку. И это для недавнего царственного владыки было трагедией. Царя не должно кому-либо видеть в немощной дряхлости. В горах Сихотэ-Алиня такого не бывает. Такое случилось в заповедной тайге Хехцирского хребта.

Да, с Меченым это произошло. И было для него столь позорно, унижительно, что жалел он о том, зачем так долго жил, хотя возможностей достойно и вовремя умереть было предостаточно. Трижды насмерть сражался с медведем-верзилой, повадившимся в голодную для него пору ходить по тигриным следам, и не просто в поисках остатков трапез, но и в наглых устремлениях присвоить чужую добычу, а то и придавить полосатого наследного принца-малолетку. Дважды расползались едва живыми, в третьей же битве он изловчился выцарапать медведю оба глаза и тем удовлетворился, хорошо понимая, что слепой враг не жилец, а тем более не грабитель. Но ведь мог биться до последних судорог неприятеля и своего победного клича. Нет, не любил Меченый испытывать судьбу, потому и дожил до столь глубокой старости. О чем теперь глубоко сожалел.

Впрочем, умирать никто никогда не хотел, в том числе и те, кто сетует на слишком затянувшуюся жизнь.

Грозные столкновения с людьми все же бывали, и в некоторых он мог умереть героем, но все так же не хотел лишней раз рисковать. В начале своего угасания, когда жизнь только что покатила под уклон, но силы и энергия оставались еще на высоте, увидел он однажды с лежки на скальном уступе, как по его следам, оцетинившись оружием, идут трое двуногих с явно агрессивными намерениями. За подобное ему пришлось дважды крепко наказывать охотников-одиночек, и еще раз — выслеживающих его в паре. Наказывал просто: делал большую петлю, затем затаивался сбоку вблизи своего следа, и когда преследователи подходили совсем близко, не чуя беды, с ревом бросался на них и в мгновение ока укладывал лицом в снег. Бил лапой крепко, но кровь не проливал и жизни не лишал. Для удовлетворения гордыни ему вполне было достаточно того людского ужаса.

А вот подобного урока троем не преподал: посчитал, что один из них все же успеет выстрелить. И скорым шагом ушел за перевал от греха и риска подальше. Теперь ему за тот расчет было стыдно. То давнее он считал проявлением трусости. Что, если бы кто-то из тех охотников пристрелил его? Окажись та пуля роковой, смерть была бы достойной, и не катился бы он в последние старческие годы к своему концу в постоянном стремлении избежать опасности, ничем не рисковать, а только абы как поест и подольше поспать в полном покое, напрочь забыв о своей Единственной и наследниках.

Но странное дело: не владея мускулами, чего никогда не случилось прежде, Меченый сохранял ясность ума и способность к воспоминаниям. Вот и теперь, в плотном кольце людей, он перебирал прожитое... Чем тяжелее наваливалась на него старость, тем чаще он тосковал по ушедшей молодости. Да, с годами прибывало мудрости и умения жить безбедно и уверенно, и все же тоскливее вспоминались юные годы, когда мускулы играли, кровь кипела, хотелось как можно больше любви, власти и признания своего превосходства у соседей по обителищу. Пусть была та молодость излишне самоуверенна, дерзка, пристрастна к крайностям и излишествам в промыслах. Но зато как прекрасно ощущать в себе могущество и неутомимость, позволявшие жить, нимало не задумываясь об экономии добытого пропитания... Теперь же приходилось то и дело открывать в себе те черты характера, о которых когда-то и не задумывался: угрюмость и неприветливость, нерешительность и боязливость, скупость и несправедливость в отношениях с сородичами. И вот ведь как оказалось: чем меньше оставалось здоровья, тем сильнее хотелось жить полноценно,

не умирая каждый день понемногу.

Только в старости Меченый в полную силу познал трагедию любой жизни: природа убивает силу, но оставляет желания. Как хотел он теперь любви! А любовной силы не было. Как мечталось ему все с той же, как и много лет назад, ловкостью найти, скрасть и настигнуть достойную владыки добычу, взять ее в головокружительном прыжке, положить могучим ударом лапы и давком железными челюстями! Ему часто снилось, что он опять профессионально принимает таежную дань. словно наяву, он мастерски подбирается к очередному объекту медленными неслышными шажками, то и дело замирая... Но вот убыстряет шаги, удлиняет их... Переходит на стелющийся бег... И, наконец, взрывается стремительными прыжками, становясь подобным желтой молнии!

На этом бурном завершении охоты, когда он летит с широко разведенными передними лапами с выпущенными когтями и раскрытой пастью, сон обычно обрывается... И с такой горечью воспринимается явь пережившего свое вымученного, высохшего и задубевшего тела...

И все же так хотелось ему пожить теперь! Немножечко! С высокого места наглядеться на таежные просторы на все свое долгое небытие, что ждало впереди. Умудриться добыть последнюю косуленку и насладиться горячей кровью на предстоящий бесконечный пост. Понежиться под горячим солнцем, глядя в небесную синь в снежных сугробах облаков, чтоб вечно помнить жар солнца и красоту неба все в том же «будущем»...

Неужели эти люди не могут понять, что долгим своим пребыванием в их заповеднике он трижды заслужил право на снисхождение?

Медленно к нему стала приходиться способность владеть собою. Он все отчетливее воспринимал людской галдеж, пошевелил одной лапой, другой, чуть выпустив когти... Приподнял голову... И в это мгновение самый ближний к нему мужик, судя по всему главный, клацнул ружьем и направил зловещий черный зрачок в его ухо. Меченый закрыл глаза: ему было хорошо ведомо, что это означает.

Смерти он не боялся, хотя ее приход не приносил ему радости. Слишком много четвероногих соседей по тайге с легкой душой лишал он жизни всего лишь собственного пропитания ради, множество смертей видел в упор. И ни одна из них не приносила его жертвам чего-то, кроме ужаса...

Но Меченый в эти предсмертные мгновения ужаса не испытывал.

Да-да! Умирать не хотел! Желал пожить еще чуть-чуть. И ничего страшного, если это «чуть-чуть» достанется ему в немного унижительной для вольного владыки форме. И мечтал сказать об этом тому, кто коснулся

черным зрачком оружия его уха. Сказать о том, что не просит забот о себе и только одного желает: чтоб отпустили его в тайгу. Чтоб принял он естественную смерть в родных обиталищах, достойную его гордого, сильного и независимого прошлого.

Он не знал, что люди его уже «приговорили», посчитав, что самостоятельно жить тигр никак не сможет, а заботиться о безбедной старости до последнего конца одряхлевшего хищника никто не захочет. Нынешняя Россия — не какая-нибудь Дания, где отдоившихся коров, например, содержат на специальных фермах еще много-много лет, а потом достойно хоронят, и не подумывая о мясокомбинатах.

Выстрел в самое ухо Меченый не воспринял — настолько тот был силен, мгновенен и оглушителен. Он словно закачался на плавных волнах большой реки, ласково уносящих его неведомо куда. Ему стало легко и приятно, одолевал благостный сон. Сладко засыпая, он видел себя здоровым и могучим властелином таежного мира, перед которым трепетало все живое, в том числе и эти люди, сгрудившиеся вокруг него. Но он и теперь их не трогал, до последнего мига помня преподанное ему матерью когда-то: «Мирный человек для тигра должен быть неприкасаемым».

И тигры шутят

Да, могуч и ловок, отважен и умен, и в то же время строг этот владыка уссурийской тайги. Он очень наблюдателен, быстро усваивает опыт и вырабатывает новые привычки, верно оценивая складывающуюся обстановку. И вовсе не без оснований считается он венцом творения в мире животных. Но одни называют его свирепым и беспощадным и, пожалуй, самым опасным хищником на Земле, другие же именуют джентльменом животного мира.

Люди поклонялись этому великолепному по мощи, красоте и смелости божеству с незапамятных времен. У аборигенов культ амбы не утратил свою силу и по сей день, при встрече с ним они падают на колени и с дрожью в голосе истово молятся владыке гор и лесов и всего в них сущего.

На всю жизнь запоминается его мощный, ни с чем не сравнимый гипнотизирующий голос, ну а при виде самой суперкошки, особенно вблизи, человек забывает обо всем. Ему кажется, что в мире осталось в живых двое: он и тигр.

Однако в этом заключается далеко не вся правда о тигриной сущности. Она гораздо сложнее и переменчивее. Конечно же, у всех тигров есть общие черты поведения. Но каждый из них имеет свой собственный, причем ярко выраженный характер, обуславливающий его повадки и индивидуальный образ жизни. Даже один и тот же царственный хищник может быть то до наглости смелым, то до робости осторожным, ленивым или стремительным, беспечным или до мелочей предусмотрительным. И потому-то вроде бы при одних и тех же обстоятельствах тигры ведут себя по-разному. Вспомните, мы об этом уже говорили, но важное иногда приходится повторять.

Верно считается правилом, что амба настолько осторожен, что подолгу живет рядом с людьми и остается незамеченным, причем эта осторожность граничит с таинственностью. Но ведь осторожность украшает любого смельчака. Трусость и благоразумие — не одно и то же. Тигр незримо уступает дорогу человеку по праву более сильного и уверенного в себе... И вдруг он как бы преднамеренно демонстрирует тем же людям свою красоту, мощь и отвагу.

Да, этот воистину царь зверей чаще всего бывает строгим и суровым. Однако ему вовсе не заказаны обыкновенное любопытство, добродушная покладистость и — подумать только! — даже склонность к играм и

забавам! И не только между собою, но и с... человеком. Причем не с дрессировщиками под куполом цирка, а под таежными сводами.

В это трудно поверить, но достоверные таежные были — яркие тому свидетельства.

* * *

Тогда мой экспедиционный отряд охотоведов обследовал юго-восточные отроги Сихотэ-Алиня, плавными волнами скатывающиеся к Японскому морю. Там испокон веку была высокая плотность населения копытного зверя, особенно изюбра и кабана. И неудивительно, что к середине шестидесятых годов прошлого столетия расплодилось немало тигров. Так много, должно быть, сколько застали их здесь первопроходцы безлюдной уссурийской тайги лет сто назад.

Всякого наслышались мы тогда о проделках амбы, в основном, конечно, о кровавых и страшных. О многих из них мне уже приходилось рассказывать. И вот настал черед совсем противоположной, удивительной были, которая абсолютно не укладывается в ставшие привычными представления об этом хищнике.

...На краю Тумановского зверосовхоза, что издавна и успешно разводит экзотических пятнистых оленей, приютилось небольшое село со странным названием Крещатик. О том, что однажды на окраине этого села тигр вздумал поиграть с молодой женщиной, мне поведал зверовод совхоза. И был его рассказ столь необыкновенным, что надо было мне самому убедиться в его правдивости и уточнить подробности... Я еще тогда записал его, но записи ждали своего часа тридцать лет.

...Ее зовут Наташей, ей тогда было двадцать два года. Жила в собственном доме с усадьбой на сельской окраине. Муж, двое малых детей. Домохозяйка. Сразу за огородом начинался редкий осинник с березами, а через сотню метров он переходил в настоящий лес.

«Там в то лето было полно подосиновиков, и ходила я за ними часто, — начала Наталья свой рассказ, удобно усевшись на крыльце дома рядом со мною. — Одна ходила и с детьми — как придется. Ходила как в собственный огород. И вот однажды увлеклась я россыпью красноголовиков, опустила на коленки и обо всем забыла. И вдруг сзади раздался странный и довольно громкий звук, что-то вроде «уфф-уфф». Почувствовала тяжелый кошачий запах. Ничего не понимая, я от страха

вскочила и обернулась. И тут же обмерла: рядом со мною стоял страшный тигр. Но стоял как-то уж очень спокойно, даже жмурился вроде бы от какого-то удовольствия, как это делают наши сытые, всем довольные васьки и мурки, особенно когда их гладят.

Потеряла я себя, наверное, на несколько секундочек, опомнилась же, когда это полосатое страшилище, во внимании раскрыв глаза пошире, сделало ко мне медленный шаг и стало тихо тянуть лапу к моей ноге, еще раз «уффкнув». И тут же я закричала на весь мир и ринулась к дому... Никогда так истошно не орала, никогда так быстро не бегала, никогда не испытывала такого ужаса, как в ту минуту. Ни до, ни после того. И, думаю, такого уже не случится, живи я хоть сто лет или в точности повторись та встреча завтра.

Никогда так истошно не орала, никогда так быстро не бегала, никогда не испытывала такого ужаса, как в ту минуту

Лечу я к дому, прыгаю через всякие препятствия, визжу, а тигр мчится рядом, то с одного моего бока, то с другого. Прыгает легко и как-то небрежно, и все «уфф-уфф», вроде бы фыркает. А на его морде ну никакой злости не написано. Наоборот! Мне и теперь кажется, что он приглашал меня поиграть и обиделся за то, что не приняла я его предложение.

Но ужас меня все равно не покидал. Куда там! А ведь самое страшное впереди... Прыгнула я через куст, да силы не рассчитала, зацепилась ногой за его ветки, пролетела «ласточкой» метра два-три, ударилась о землю и потеряла сознание. Сколько это продолжалось — сказать не могу. Может, несколько секунд, а может и минуту. Но твердо помню, что, открыв глаза, первым делом увидела рядом с собою тигриные лапы. Увидела — и снова зажмурилась. Все, думаю, жизнь кончена, сейчас хищник возьмет в свою пасть мое вроде бы бездыханное тело, понесет в лес и примется там меня есть.

Но тут мой ужас сменился полнейшим равнодушием ко всему. Ничего не болело, ничего не хотелось, хотя все видела и слышала, тигриный дух носом ухватывала. Наверное, так и бывает при шоке... Но вот откуда-то из недалеко долетел до меня дочкин крик: «Мама! Где ты?» Словно бомба подо мной взорвалась и высоко подбросила! Снова ужас меня охватил, из горла вырвались новые крики, и с ними я опять ринулась к дому. А тот полосатый нахал все так же играючи рядом со мною бежит, «уффкает», мягко бьет хвостом, и даже пару раз меня им задел.

Опомнилась только тогда, когда влетела во двор и захлопнула за собой калитку. Обернулась и увидела, что между моими и тигриными глазами не более метра, причем почти на одном уровне, потому что зверь застыл с высоко поднятой головой. Забор у нас вон какой невысокий, он мог его запросто перепрыгнуть, но не двигался с места...

Я увидела на крыльце своих детей, схватила их и — в дом! Подошла к окну, а тигр как стоял — так и стоит, только на морде какое-то недоумение. Вроде хотел объяснить, что зла не имел, а хотел всего лишь поиграть.

Теперь-то я могу твердо сказать, что тигр со мною просто забавлялся. Может, и в самом деле играть приглашал? Об этом вам судить. Только я твердо уверена: хотел бы он взять меня как добычу, сделал бы это раз сто. Но ведь не тронул! И у калитки стоял, глядя на меня, стоящую у окна в доме, пока соседские собаки не забрехали и сосед на крыльцо не вышел... Он, кстати, тоже может рассказать, как тигр уходил от моей калитки в свой лес неторопливо и спокойно, то и дело оборачиваясь на окна моего дома... Сосед прибежал ко мне, стал спрашивать, а я упала на стул и дар речи потеряла... Фельдшера вызывал...

В те дни я частенько прокручивала в своей памяти встречу с тигром, и странное дело: вспоминались даже мелочи, на которые я вряд ли могла в ужасные мгновения обращать внимание. Я и теперь вижу незлобиво жмурящуюся тигриную морду, спокойно моргающие веки, лениво приоткрытую пасть... Вспомнила, что лапу к моей ноге он протягивал со спрятанными когтями... Что почти натурально смеялся, прыгая рядом со мною...»

* * *

Однажды у костра на берегу горно-таежного Хора познакомился я с рыбаком средних лет — спокойным и рассудительным, располагающим к доверительным беседам. Услышав его фамилию, спросил: «Так это с ваших слов краевая газета напечатала душещипательную заметку о том, как на вас, едущего на мотоцикле по проселочной дороге, набросился матерый тигр с самыми агрессивными намерениями, но вы сумели оторваться от него на большой скорости?»

Мой новый знакомый несколько смутился и, не сразу найдя нужные слова, коротко ответил вопросом на вопрос: «А что, не верите?» — «Сомневаюсь, — объяснился я. — Видите ли, тигр вряд ли бы промахнулся, прыгнув на вас из придорожных кустов. Вы же не мчались сломя голову по лесной грунтовке. Но если он и не рассчитал первый прыжок, второй был бы точным наверняка. Но главное мое сомнение в другом: зачем вы ему понадобились?»

Отвечать Виктор О. — а так он мне представился — стал лишь после того, как почистил и опустил в котелок со сварившейся картошкой дюжину хариусов и повесил над огнем чайник.

«Знаете ли... Вижу, лапшу вам на уши не повесишь. Да, собственно, я и тому журналисту не хотел этого делать. Мы с ним тогда за бутылкой у меня дома долго говорили о всяких встречах с тиграми, их повадках. И о том «нападении» на меня — тоже. А вот заметку он состряпал придуманно. В действительности же «инцидент» выглядел так... Я и в самом деле катился на мотоцикле, и катился на небольшой скорости, потому что после дождя на дороге стояли лужи и надо было между ними маневрировать. Ехал я с на редкость удачной рыбалки, мечтал предстать перед женой таким героем, настроение благодушное. И тут — это «вдруг»! Большой, но, судя по очень яркой раскраске, молодой тигр выпрыгнул на дорогу в десятке метров впереди меня. Оказавшись на ее середине между двух

больших луж, он как-то странно припал в мою сторону на передние лапы при поднятом заде и вроде бы приготовился принять меня вместе с мотоциклом в свои объятия... Так, во всяком случае, мне показалось. А в те полторы секунды, которые мотоцикл «нес» меня к тигру, я ничего не смог сообразить и решить, кроме как дать полный ход и промчаться мимо зверя через лужу. Развернуться я не успевал, да и не сумел бы этого сделать, не столкнувшись со зверем посреди дороги и не свалившись в одну из луж...

Тигр очень внимательно, и не без любопытства, глядел, как я несусь к нему, но не увидел я в нем никаких агрессивных намерений. В то мгновение он мог запросто опрокинуть меня на землю небрежным ударом лапы... Не обозлился он и за то, что я сильно его обрызгал. Через секунду, обернувшись, я увидел, что полосатый вытирает морду лапой.

На том бы событии и завершиться, но случилось совсем неожиданное. Ликуя от своей ловкости, я снова обернулся, на этот раз обстоятельнее, и... полетел вверх тормашками: под переднее колесо попал камень, мотоцикл рвануло вбок, и я не удержал руль в руках. До тигра было около полусотни метров.

Вгорячах, не обращая внимания на крепко зашибленные руки и ноги, я поднял мотоцикл и стал его заводить, а он даже не чихал. А тут нога отказала, и стоял я на одной, держась за руль поставленного на откидной упор мотоцикла. Тигр же, верно оценив мое положение и приведя себя в кое-какой порядок, медленно зашагал ко мне... Я стоял, скованный моментально скрутившим меня ужасом и болью в разбитом теле, и совершенно обалдело смотрел на приближающегося амбу. Оставалось только подводить итоговую черту под жизнью... Но какие там итоги!.. Врут все писаки, утверждающие, что в последние мгновения перед смертью вспоминается чуть ли не вся жизнь, да еще и осмысливается. Я же теперь могу утверждать: даже если ты в смертельные секунды утратил рассудок и потерял себя, все равно инстинкт самосохранения берет тебя в «свои собственные руки». А иначе разве бы я заковылял к дорожной обочине за палками для опоры на глазах у идущего ко мне тигра? Решил все-таки уходить от этого страшного места, а не стоять в безвольном ожидании «будь что будет». Ковылял, охая и вскрикивая от болей, не спуская глаз с подошедшего метров на пять тигра...

Я так и не вспомнил в деталях его поведение рядом со мною, в сознании запечатлелось лишь то, что я ковылял, а он с той же скоростью шел рядом и как бы что-то хотел мне издевательски или шутливо сказать, не то посоветовать... Вот эта моя седая челка четко обозначилась в шевелюре в те самые секунды, а потом и в минуты... Не знаю, сколько их

прошло и сколько бы еще было, когда Его Величество Случай не послал бы мне навстречу для моего спасения санитарный уазик, да еще с врачом и медсестрою. Они успели увидеть моего грозного «конвоира» и остановились в полусотне метров. И онемело ждали, когда я до них доковыляю, хотя амба, поняв, что события закручиваются, прервал затянувшееся представление, невозмутимо спустившись с дороги в лес».

После затяжной паузы я спросил: «Скажите, Виктор, а об этом вы тому корреспонденту рассказывали?» — «Да, — ответил мой случайный собеседник. — Он это и на магнитофон записал. Сказал, что сие станет сюжетом его первой повести, с которой он ворвется в литературный мир».

И уже когда мы выпили по стопке, что весьма желательно перед настоящей ухой, сваренной на костре у реки, я задал еще один вопрос: «И как же вы оцениваете поведение того тигра?» И получил короткий четкий ответ: «Да забавлялся амба... Без злых намерений».

* * *

Не менее забавны и интересны свидетельства незлобивого отношения тигра к человеку. Даже миролюбивого. Вот эти.

К бараку лесорубов повадился под покровом ночной темноты приходить тигр. Судя по следам на снегу, был он особенно крупных размеров. Ходил вокруг строения, интересовался оставленным под небом имуществом, в том числе техникой, запрыгивал в кузова автомашин. Несколько раз укладывался отдыхать чуть ли не у самого крыльца. Но на глаза людям не попадался.

И вот пришел черед смешному, хотя и немного грустному... Как-то перед сном, в полном разгаре тихой, светлой, морозной ночи один из мужиков вышел на минутку из насквозь прокуренного жилья подышать свежим воздухом. Справил малую нужду, полюбовался полной луной, немного походил туда-сюда, всласть громко позевал: ааа-эээ-хэхэхэ... И вдруг увидел совсем рядом тигра, сидящего на собачий манер без какой-либо маскировки и с любопытством в упор его разглядывающего.

Тот мужик сначала окаменел, потом с белым-белым лицом и вывалившимися из орбит глазами с ревом ворвался в барак и, бросив дверь настежь раскрытой, нырнул под нары. Загалдели его друзья, вытащили из-под лежанок, спрашивают, что случилось, воды предлагают испить. А бедолага лишь мычит и тычет пальцем во все еще открытую дверь... Вышли — и увидели очень спокойно удаляющегося тигра. Судя по следам,

«того самого».

Всего на два дня потерял тот несчастливец дар речи, но вот уже несколько лет удивляется: «Он же мог меня придавить десять раз, но даже не подумал...»

Через две недели после того трагикомического события лесорубы нашли неподалеку от своего барака труп большого, вконец одряхлевшего тигра, умершего определенно от старости. По всем признакам это был именно тот амба, повадившийся приходить к людскому жилищу, тем более что эти посещения оборвались.

Конечно же, со стершимися до основания клыками, затупившимися когтями и утраченной стремительной силой он не мог поймать ни кабана, ни изюбра, ни любого другого дикого зверя. Но задавить и утащить в тайгу человека ему ничего не стоило.

А вот не тронул же...

* * *

В таежном районе Сихотэ-Алиня работники лесхоза возвращались на тракторе декабрьским вечером с лесосеки. И вот облюбовали на дрова лежащую метрах в двадцати от дороги огромную, недавно поваленную ветром сухостоину. Свернули к ней, подъехали, остановились. И уже открыли двери кабины, как увидели не далее пятнадцати метров спокойно поднявшегося из-за валежины тигра.

Первым делом наши герои проворно захлопнули двери и заворуженно помолчали... Потом, отдышавшись, стали кричать на нахального зверя, не постеснявшегося при свете дня предстать перед людьми, к тому же отвечающими за порядок в лесах, в такой непозволительной близости. А тот замер и внимательно слушает, и вроде бы старается понять смысл явно ему адресованных слов... Когда же те принялись громко стучать металлом по металлу, определенно намереваясь напугать владыку тайги, с чувством уязвленного достоинства... пошел на сближение с ними. Голову вытянул, шаги делает то плавные, а то застывает. Не рычит, клыками не угрожает, хвостом злость не демонстрирует, но с полной очевидностью откровенно любопытничает.

В тракторе народ сидел третий, и потому в руках людей в немедленной готовности к использованию появилось оружие. В высокой железной кабине чувствовали они себя в безопасности. И вот решили принципиально: кто кого — владыка тайги или властелины планеты всей.

Тракторист включил первую скорость и направил свое лязгающее железом, чадающее черным дымом чудовище на бело-рыже-черно-полосатое сверхсущество. А оно застыло, не проявляя каких-либо признаков волнения или беспокойства, и уж тем более страха. Всем своим видом оно как бы говорило: достоинство — прежде всего.

Когда расстояние между ревущими, превышающими полсотни, железными лошадиными силами и одной спокойной тигриной сократилось до нескольких метров, амба легким, но мощным махом небрежно отскочил в сторону и снова застыл. А через несколько секунд лег в снежную целину, бросив задние ноги плашмя, передние вытянув перед собой, высоко и гордо подняв явно улыбающуюся голову и пронзая людей гипнотизирующим взглядом.

Да, в тракторе сидели люди бывалые, но к тому же благоразумные и достаточно добронравные. Стрелять краснокнижного зверя они не стали и соревнование «кто кого» прекратили, решив, что тайга тоже живет по удивительно краткому, но бесконечно мудрому закону «каждому свое». Развернулись на одной гусенице, прибавили ходу... А тигр несколькими игривыми прыжками поравнялся с дурно пахнущим, противно рычащим, совершенно чуждым зеленому таежному миру чудовищем с такими же двуногими существами. Потом он встал на задних ногах рядом с могучим кедром, подняв голову на трехметровую высоту, а передние лапы еще выше, определенно стараясь разглядеть людей как можно ближе.

Через несколько секунд они могли бы посмотреть друг другу в глаза с метрового расстояния, однако нервы тракториста не выдержали, он резко отвернул в сторону и ударил по педали скорости... А начальник разрядил обстановку своевременной мыслью: «Ближе к селу есть сухостоины получше...»

Тигр же, словно окаменев у того могучего кедра, провожал глазами пришельцев в его владения.

* * *

Как-то зимой возвращался таежной дорогой в поселок автобус с лесорубами. Курили, мирно беседовали, устало дремали. И вдруг из-за пологого поворота вывернулся матерый тигр. Примерно в сотне метров. Машину он увидел, конечно же, сразу, но как шел навстречу, так и шел. Не останавливаясь и в придорожные кусты спрыгивать, как обычно делают в подобных обстоятельствах тигры, явно не намереваясь.

Поскольку шагал он посередине неширокой дороги, шофер сначала притормозил, а вскоре и вовсе остановил автобус. Тут застыл и тигр, внимательно разглядывая людей за лобовым стеклом их машины и прислушиваясь к приглушенному галдежу. А через растянувшуюся минуту преспокойно лег, словно специально демонстрируя и равнодушие свое к людям, и бесстрашие. Распластав передние лапы и подобрав под себя задние, он лениво шевелил хвостом, вроде бы без особого интереса поглядывая на автобус и прильнувших к стеклам людей, не в пример ему с жадным любопытством прикипевших глазами к такому неожиданному импозантному гостю.

Минута прошла, другая... Вот и пятая проскользнула в небытие. Бригадир воскликнул: «Не до темноты же стоять!» И тихим голосом велел шоферу трогать, погромче фыркая и взрывая мотором.

А поскольку тигр лежал посреди дороги, объехать его было невозможно, оставалось надеяться, что он все же отойдет в сторону, уступив наконец упорно надвигающемуся на него железному чудовищу. И эти людские надежды он оправдал.

Признанный всем миром владыкой, полосатый с достоинством отошел к обочине дороги, потом как бы растворился в кустах... Но тут же явился людям в новом образе. Он непринужденно вспрыгнул на большой корч и застыл на нем, как конь со знатным всадником на постаменте. И это всего в двух десятках метров от людей, вываливших из автобуса.

От избытка чувств лесорубы дружно замолчали, пожирая глазами необыкновенное зрелище, повторения которого никому и не мыслилось. А тигр привычно разглядывал их, потому что видел далеко не в первый раз, сам оставаясь незамеченным.

И вот, вроде бы удовлетворив свое любопытство, амба лениво спрыгнул со своего «постаamenta». Спрыгнул он в сторону затаеженных сопков, вроде бы намереваясь туда уйти. И на смену молчаливому созерцанию у лесорубов враз пришли эмоциональные оценки увиденного. Причем все говорили и никто не слушал. Жадно дымили куревом, размахивали руками, а некоторые смельчаки пошли посмотреть на следы типично кошачьего «рисунка», но размером никак не меньше каски.

И вдруг все разом стихло: на дорогу выпрыгнул тот же полосатый шутник, но выпрыгнул теперь сзади автобуса, метрах в двадцати. Выпрыгнул и остановился, вперив в толпу глаза... И вот шагнул к ним...

Лесорубам потребовалось совсем немного времени, чтобы заскочить в автобус. А шофер включил скорость. Четвертую.

И все же эти мои короткие рассказы о забавных встречах с тиграми надо считать редкими исключениями из правила.

Последняя встреча

Недавно в Хабаровск приезжал гастролирующий по стране зоопарк, а вернее — обыкновенный зверинец. Содержались его «артисты» в столь тяжких условиях, что и писать об этом трудно. Но нет сил сдержать в себе слово о двух из них — о тиграх.

На тесной железной клетке висела фанерка с пояснением: «Уссурийский тигр. Молодым пойман в приморской тайге». Остановился перед ней. Затягивалась непогода, посетителей было мало, я подошел к зверю почти в упор: наши головы разделяли полтора метра. Тигр лежал каменным сфинксом, по его морде хлестал дождь, но он его не замечал. Он сосредоточенно глядел вроде бы на меня и что-то хотел спросить и сказать.

Я замороженно уставился в его золотистые, полные почти человеческой печали и задумчивости глаза, пытаюсь прочесть в них мысли плененного юнцом и возмужавшего за решеткой царственного зверя... И вдруг с дрожью в сердце понял, что смотрел он СКВОЗЬ меня в горные дали, не достаивая самого каким-либо вниманием. И вся его мысль заключалась, очевидно, в воспоминаниях о свободной, как ветер, матери, о мощных потоках зеленой таежной лавы по бесконечному простору гор, о пухлых снегах, шумных реках и всяких соседях по вольной жизни. Он, конечно же, хорошо помнил о том, что успел узнать, увидеть и ухватить молодой крепкой памятью до той поры, как был прижат в снегах Сихотэ-Алиня к мерзлой земле крепкими рогульками и прочно связан двуногими властелинами планеты всей. И что он теперь мог думать о них? И обо мне — тоже.

А в другой клетке метался здоровенный тигрище. Ему было тесно, он делал всего три-четыре шага в одну сторону и коротким рывком на задних лапах поворачивал в другую. Он был строен и высок на ногах, его голова больше львиной, а под покрытой золотистым волосом кожей играла слоновья сила.

Эта сила жаждала вольного простора, но не было ей применения, и безысходность нерастроченной энергии душила предназначенного к свободной жизни зверя изо дня в день, судя по фанерке на клетке, уже восемь лет.

Великан минутами замирал и поверх противоположного ряда клеток следил за плачущими тучами с темными исподами и снова метался, опустив голову, а потом опять глядел в небо и тоже что-то хотел спросить и

сказать. И совсем не трудно было догадаться, что они, эти заключенные тигры, хотели спросить и сказать.

Они жаждали свободы, но железные клетки размером всего в два тигриных туловища были крепчайшими, всюду смрад... Царственные создания природы, униженные человеком.

Чего же я хочу? Не неволить их? А заодно всех им подобных? Выпустить на свободу? Да нет, можно обойтись без этой крайности. Но хотелось, чтобы обходились эти звери без вонючих клеток, без тесноты и унижений. Клетки — для воров, насильников и убийц, а для наполеонов нужны острова в океане. Или лесистые просторы, огороженные надежно и незаметно.

Я уверен, что со временем тигров, как и равных им великолепных созданий природы, будут деликатно содержать только на обширных естественных землях в полувольных условиях. Дикие животные станут жить там почти свободно, в сытости, чистоте и иметь возможность ощущать полноту существования. Людей же, желающих полюбоваться на них, станут возить по этим паркам в специальных автобусах, а то и по подвесной дороге на безопасной высоте. Смотри, любуйся, фотографируй...

Мысль эта не оригинальна, за рубежом такие парки уже давно существуют.

Амурский тигр

Экологический портрет

Этот старожил уссурийской тайги отличается от пяти других подвидов, уцелевших к нашему времени на просторах Юго-Восточной и Южной Азии, наиболее крупными размерами, необычайно крепким телосложением с мощной передней частью туловища, сильными ногами и массивной головой. Он по праву считается самым могучим наземным хищником планеты. Судите сами: вес взрослых суперкотов достигает почти четырехсот килограммов при длине тела от носа до корня хвоста без малого три метра. Правда, таких гигантов теперь совсем мало, однако трехцентнеровые борцы тяжелого веса все еще властвуют в дебрях Сихотэ-Алиня.

Но и «среднеразмерные» владыки внушают благоговение и вполне естественное желание держаться подальше от них и не связываться: представьте себе зверя с длиной туловища двести двадцать сантиметров и высотой в плечах сто десять... При двухсоттридцатикилограммовой массе... Правда, тигрицы на одну треть легче и процентов на двадцать короче своих повелителей, к тому же они заметно стройнее.

Но и это не все. Наш громадный, грозный полосатый герой замечателен еще и вот почему. Вполне возможно, что это самый красивый и совершенный хищный зверь из всех живущих, а быть может, и когда-либо существовавших на Земле. В нем сочетаются огромная сила, виртуозная ловкость, стремительность в нападениях и выносливость в переходах. Простота нравов тигру вовсе не свойственна, но его выдержка и невозмутимость вызывают почтительное уважение.

Тело полосатого властелина состоит из крепчайшего скелета и до совершенства натренированных мускулов. И нет ничего удивительного в том, что матерый тигр со стокилограммовой добычей в зубах способен не просто легко шествовать по тайге, но и бежать, и прыгать, и взбираться на кручи. Для него не составляет особого труда уволочь лошадь или корову на сотни метров, а с кабаном в пасти перемахнуть через забор. В литературных источниках об этом звере нередко можно прочесть такое:

«Тигр взял в зубы девятипудового кабана, как охотничья собака берет подстреленную утку, и понес на крутую гору, не задевая за землю».

Тигр легко лазает по кручам и отлично плавает, причем свободно

преодолевают даже такие громадные реки, как Амур. Забуреломленная тайга его не страшит, однако ходить он предпочитает по зверовым тропам и лесным дорогам, вдоль рек, по льду, по гребням хребтов с хорошо просматриваемыми склонами. В движении он спокоен и нетороплив, а вместе с тем скор и умел. Ходит наш герой легко, непринужденно и весьма грациозно, голову нередко держит полуопущенной, словно о чем-то глубоко задумавшись, и при этом высматривая следы. По лесу тигр передвигается удивительно бесшумно, то и дело останавливаясь для изучения обстановки. Любит взбираться на скалы, обрывы и другие «высокие точки» и подолгу там лежать или сидеть, обозревая свои владения. Особенно на сытый желудок.

Как охотник тигр считается наиболее совершенным. При поисках добычи полагается в основном на удивительно острое зрение и тонкий слух. Отлично видит ночью. Обонянием он как бы не наделен, но, тем не менее, добычу чует за сотню-другую метров, а запах следов улавливает даже через несколько часов после прохода животного. Ну а «орудия его промысла» — зубы и когти — по мощи и ловкости не менее смертоубийственны, чем, скажем, пасть крокодила или акулы.

Это один из самых умных зверей. Он необыкновенно хитер, способен оценивать сложившуюся обстановку и предвидеть события. У него развитая интуиция, прекрасная наблюдательность, крепкая память. Во всех его действиях просматривается своеобразная продуманность, граничащая с разумностью в человеческих понятиях.

Несмотря на кажущуюся свирепую беспощадность и кровожадность, амурский тигр довольно добродушен и миролюбив, чего нельзя сказать о его бенгальском или индокитайском собратьях. И к человеку он вполне терпим, «взаимодействуя» по принципу: «Нас не тронешь — мы не тронем, а затронешь — спуска не дадим». Более того, иногда этот грозный хищник проявляет желание позабавиться с перепуганным человеком, и даже как бы приглашает его поиграть... Однако и при этом он остается потенциально опасным, причем поведение его далеко не всегда предсказуемо и объяснимо.

Он довольно чистоплотен и постоянно приводит себя в порядок, при этом облизывает волос и чистит его лапами точно так же, как и наши домашние мурки. И все же у него сильный, неприятный, типично кошачий запах, и чем старее и крупнее особь, тем крепче она пахнет. Нет на земном шаре другого зверя, запаха которого боялось бы все живое больше, чем тигриного. Из десятка самых отважных собак, смело атакующих даже матерых медведей, не более двух выдерживают «дух» тигра. Хищник

отлично знает это свое слабое место и потому при скрадывании замеченной добычи стремится зайти с подветренной стороны.

Амурские тигры в сравнении с южными сородичами довольно молчаливы. Молча набрасываются они и на добычу. Лишь в случае сопротивления жертвы, скажем, умеющих постоять за себя медведей и кабанов-секачей, хищники стремятся парализовать их ревом — громким, протяжным и жутким, от которого кровь стынет в жилах, волосы вздыбливаются и разум мутится. Обозленные тигры рычат глухо и вроде бы тихо, в ярости же издают знаменитый кашляющий рык, от которого замирает не только все живое, но, кажется, и деревья, и сопки, и даже небо.

Однако умиротворенный и довольный тигр в сообществе соплеменников мурлычет почти как кошка, только куда громче. В испуге глухо ухает, при желанных встречах издает своеобразное «уфф, уфф», что означает приветствие. Заневестившаяся тигрица при поиске друга сердечного ревет своеобразно и азартно. А вот тигрята так реветь не могут, и даже мурлыкать. Лишь в полугодовалом возрасте они начинают приветствовать возвратившуюся мать, сильно и громко выдыхая воздух и взреывая.

Мимика тигра богата и разнообразна. Его настроению соответствуют и размеры почти черного зрачка: чем злее этот зверь, как, впрочем, и многие другие, чем агрессивнее и решительнее, тем сильнее расширяется зрачок. Хвост тоже определенно и недвусмысленно выражает настроение и намерения хищника. В спокойном состоянии он опущен, с плавно загнутым кверху концом, кстати, всегда черным. У злящегося и волнующегося зверя он извивается в горизонтальной плоскости, при изготовке к нападению — в вертикальной. Атакующий тигр как бы описывает приподнятым над спиною хвостом конус. У яростного хищника уши прижаты, а шерсть на загривке вздыблена.

Тигр — истый приверженец горных кедрово-широколиственных лесов, являющихся также излюбленным обиталищем кабанов с изюбрами. И нет для него места краше, чем знаменитая уссурийская тайга. Всевозможные лесные «неудоби», а тем более безлесье — не для него. Размеры же «персональных» владений определяются обилием потенциальных жертв: чем их больше — тем меньше площадь территориальной собственности. У взрослых самцов она достигает восьмисот, даже тысячи квадратных километров, у самок — триста-четырееста. Но чаще амурские тигры довольствуются площадью угодий в два раза меньшей.

Участки усердно маркируются и ревностно охраняются. И все же при использовании территории тигры не столь между собою враждебны, хотя

известны случаи жестоких побоищ хозяев с пришельцами. Гораздо чаще приходилось встречать в одних и тех же обиталищах и двух-трех самцов и столько же самок, не проявлявших признаков нетерпимости. В норме же на просторном участке самца законно проживают две-три тигрицы.

Распределение амурских тигров по современному ареалу и по сию пору изучено лишь приблизительно. В удобных, богатых копытным зверем местах этих хищников и теперь много — в среднем по одному на сотню квадратных километров. Располагаются они на южном Сихотэ-Алине, по Бикину и Уссурке, в средней части бассейна Хора и на Мухене. На северном же Сихотэ-Алине и его восточном макросклоне от Самарги до Тумнина этих зверей гораздо меньше.

Природой им предопределено жить оседло, и чаще всего где владыка тайги родился и вырос, там и закончит свою бурную жизнь. Бродяжничество свойственно изгоям да молодым самцам, ищущим свое место под солнцем. Однако и «состоятельные» тигры иногда предпринимают дальние вояжи. Правда, временные. Скажем, при массовых откочевках кабана, в многоснежье, исчезновении покоя, обширных затяжных пожарах. Но, путешествуя, они все время мечтают вернуться в родные пенаты.

«Нелюдимость» для амурского тигра характерна в гораздо меньшей степени, чем для полосатых собратьев из жарких стран. Детоубийство, там весьма распространенное, у «северян» случается редко. Это происходит в основном во время больших снегов и при истреблении копытных животных, когда хищники нещадно голодают.

А вот в неволе поведение тигров, всегда сытых и ухоженных, резко отличается от повадок диких собратьев в их собственных владениях. Цирковые амурские тигры, например, не только миролюбивы, но и меж собою дружны. Причем самцы испытывают к тигрятам удивительную привязанность. Тигрицы с готовностью выкармливают детенышей другой самки, даже если чужие малыши имеют значительную разницу в возрасте с их потомством.

Ну как тут не вспомнить: бытие определяет сознание. При полном достатке жизненных потребностей всякое существо дружелюбно, и наоборот. При обилии дичи, хорошей погоде и отсутствии беспокойства и вольные тигры покладисты, им даже не чужд альтруизм. Расшифровывая следы на снегу, неоднократно приходилось убеждаться, что одну крупную добычу поедало несколько тигров. Хозяин трофея запросто приводил «на мясо» своих соседей, не говоря уж о «женах», выкармливающих детенышей.

И все же... Все же территориальность у наших героев выражена четко и строго. Участки охраняются, а их границы обозначаются продуктами жизнедеятельности, выделениями анальных желез, почесами головой, царапаньем коры деревьев когтями, поскребками в точках отправления естественных надобностей. Метки обычно наносятся на заметные предметы: большие пни, выворотни и камни, скальные обнажения, одиночные деревья...

Усерднее всего собственность метится там, где чаще встречаются соседи — в приграничной зоне, разумеется. Но и в спокойной, уединенной обстановке тигр постоянно, как бы автоматически, на всякий случай, заявляет о себе как о независимом удельном князе, не терпящем каких-либо посягательств на территориальную неприкосновенность. И это не блажь матерого собственника — здесь кроется глубокий биологический смысл: каждый должен знать и свое место, и своих соседей. И тут важно напомнить мудрое правило из жизни дикой природы: «бездомные» тигры, как и большинство других зверей и птиц, и не только они, на семью прав не имеют и в размножении не участвуют. Именно такие несчастливцы неприкаянно бродяжничают в поисках собственного «угла», забредая далеко за пределы ареала. В этой связи не представляют загадки периодические появления тигров не только в низовьях Амура или Амгуни, но и на Баджалском, Становом хребтах и даже в Якутии, Приохотье, Забайкалье...

А вот собственным домом на своей территории тигры обзавестись не считают нужным. Разве что тигрицы перед родами облюбовывают места для логова во всевозможных нишах, пещерках, под каменными карнизами, выворотнями, сильно наклоненными большими деревьями... Лишь бы была защита от осадков и ветра. Самцы и бездетные самки отдыхают где придется, хотя и они имеют десяток-полтора временных убежищ, которыми пользуются периодически. Для отдыха они сравнительно удобны, особенно в непогоду. Но важно отметить другое: тигры любят отдыхать так, чтоб мир был виден от края до края. Взберитесь на карниз крутой горы или на высящийся над тайгой останец — и обязательно найдете там следы многократного пребывания царственных персон в черно-бело-желтую полосу.

Бодрствует тигр в основном в темное время суток, хотя дневные походы и охота для него не редкость, особенно зимой и в летнее ненастье. Жару этот зверь не любит и пережидает ее в тени и прохладе на обдувах, у воды, в глубоких каменных нишах и пещерах. Хоть и южного происхождения наш герой, но от жары ему спастись гораздо труднее, чем

от холодов, от которых надежно защищен толстым слоем жира и теплой шубой. Потому-то в самые жаркие месяцы этот хищник уходит в хребты, в истоки рек, к морю. Часто и с наслаждением купается, подолгу лежит в воде.

Ходить он определенно не любит, хотя при необходимости может совершать далекие и быстрые переходы, иногда преодолевая за сутки до пятидесяти километров. Правда, такие вояжи очень редки и вызваны экстремальными причинами. Но пройти за ночь четверть сотни километров — явление обычное. Такие вылазки тигры любят совершать после порош и небольших снегопадов, когда по следам всякое существо обозначает себя и выявляет соседей по обиталищу.

Утверждению некоторых «тигроведов» о том, что тигр — природный бродяга, — не верьте. Ходит он ровно столько, сколько требуется для того, чтобы иметь корм, убежище, брачного партнера, жить в безопасности и в комфортных условиях. Особенно мало ходит кормящая тигрица. Да и у кота в силе средний суточный ход редко превышает десять — пятнадцать километров.

И вот еще что интересно отметить. Этот грозный могучий зверь ходит не только мало, но и не слишком быстро. На суточном переходе средней протяженности насчитывается одна-две длительные лежки и восемь — десять кратковременных. Прошел километр — прилег. Более того, он часто останавливается и изучает обстановку. При подъеме в гору отдыхает через двести — триста метров, а на крутых склонах и того чаще.

А вот поспать наш герой горазд. Крепко поживает он, когда наестся до полного отвала, а рядом гора несъеденного «продукта». Да еще если не холодно и не жарко, обдувает ветерок, ласкает солнце... Тоже ведь испытывает радость полноценной жизни. Особенно когда есть спокойный завтрашний день без проблем в питании.

Устали? Но что же поделаешь, в рассказах о животных трудно избежать скучных мест. Важно не увязнуть в мелочах. А потому поговорим теперь о куда более интересном: как промышляет царь зверей и чем трапезничает. Хищник ведь, и очень даже прожорливый, из мяса предпочитающий жирную сочную свеженину. Привередливый. Расточительный.

Начнем с напоминания о том, что на участке у всякого тигра есть постоянные излюбленные маршруты переходов и зоны охот. Особенно часто и с явным удовольствием эти профессиональнейшие промысловики ходят по зверовым тропам, запущенным лесным дорогам, просекам... По стрелкам водораздельных хребтов, чистым речным берегам, не захламленным вековым кедровникам и дубнякам... Сказать короче — ходят

там, где легче это делать и где вероятнее всего найти и «взять» добычу. Хозяин великолепно знает свои наследственные владения и каждодневную обстановку в них. Он прекрасно чувствует свое место и в совершенстве ориентируется на пажитях таежных.

Охотящийся тигр идет особенно тихо и совершенно бесшумно, с частыми остановками. В точках с хорошим обзором застывает этаким изваянием и самым внимательнейшим образом изучает уголья. Всматривается, вслушивается, принюхивается... Замеченную жертву умело и предельно осторожно скрадывает, стремясь подобраться к ней как можно ближе и настигнуть несколькими стремительными прыжками. Бросок этого первоклассного охотника — как вспышка желтой молнии. Представьте скорость живой груды железных мускулов в пятнадцать — двадцать метров в секунду! Единственного мига ему достаточно, чтоб достать добычу несколькими большими частыми прыжками и завершить охоту решающим броском. Куда дольше приходится отдыхать от возбуждения и перенапряжения. Остывать. Успокаиваться. Настраиваться на долгую обильную трапезу.

Но тут требуются некоторые важные уточнения. Мне довелось обследовать по следам свыше полусотни нападений тигра на жертву, и не оказалось среди них даже двух аналогичных. То затаившийся хищник поймает неосторожно вышедшего на него зверя одним-двумя большими, длиною в пять-шесть метров, прыжками, то бросится на другого, подобравшись к нему на два-три десятка метров более короткими, но очень частыми прыжками, то рванет вдогон обнаружившему опасность... И характер завершающей точки в каждой атаке был своеобразен.

А бросается он на жертву почти в любых условиях местности — сверху, снизу, со скалы или обрыва, в косогор. Ему во что бы то ни стало нужно завершить охоту быстро. А знаете почему? Нет, не отгадаете. Как это ни странно, но этот вроде бы совершеннейший охотник быстро устает. Его атакующий бросок продолжается не более десяти — пятнадцати, а в редких случаях до двадцати пяти секунд.

В погоне за убегающим зверем тигр мчится в угон или наперерез. Успех заключительного этапа тигриной охоты решают крошечные мгновения. Если алчущему свеженины удастся подкрасться к несчастному на восемь — десять метров, секунды жизни жертвы сочтены. А вот при дистанции атакующего броска более двадцати метров его удачное завершение определяется несколькими факторами: заметило ли животное подкрадывающееся страшилище и насторожилось, в каком положении относительно него в эти роковые секунды находилось, кто первым ринулся

в бег, какова была местность, глубина снега. Предположим, на расстоянии около двух десятков метров пасущийся кабан располагался рылом в сторону своего заклятого врага и увидел того на прыжке... Спасти ему не удастся: потеря всего полсекунды на разворот обрекает его на гибель. Бросок хищника на пасущегося в тридцати метрах изюбра или кабана обычно завершается успехом, если копытное увидело его уже в прыжке: жертва запаздывает набрать спасительную скорость бега. Но если ей все же удастся развить максимальную стремительность, тигр преследование прекращает уже через полсотни, реже — сотню метров погони. Однако при глубоком снеге кабана он догоняет и на большей дистанции, чего не скажешь об изюбре. Этого крупного оленя тигру «взять» труднее, чем таежную свинью.

А настигнутую жертву этот виртуозный охотник убивает умело и быстро. Небольшую валит ударом лапы, как, например, косулю, кабаргу или собаку. Подсвинку или теленку ломает позвоночник, перекусывает горло или шею у затылка. Крупным же зверям вспрыгивает на спину, заворачивает голову, ломает позвонки... Жуть. Но крошечное счастье обреченного состоит в том, что мучается оно совсем недолго, иной раз и понять не успевает, что с ним происходит.

Остудившись и успокоившись, тигр перетаскивает добычу в удобное место, чтоб вольготнее ему было и поспокойнее.

Уж что-что, а поесть наш владыка мастак. От косули за несколько часов блаженства оставляет копыта и кишки. Пятидесятикилограммового подсвинка ему достает всего на пару дней. Обожает жир и объедает его в первую очередь. И потому упитанный кабан — голубая мечта тигра. Никто, кроме кабана, лучше не знает, что такое тигриный аппетит и его гастрономические наклонности. И жирную медвежатину царь уссурийской тайги уплетает — за уши не оторвешь. Но особое пристрастие питает к собачатине.

Крупную добычу хищник имеет в среднем через четыре-пять дней, но нередко и через сутки-другие. Случается ему добыть и несколько голов в день. Зато вволю потрапезничав несколько суток, наш герой погружается в долгий сон, а потом может такое же время спокойно поститься, экономно расходуя накопленный в изобилии жир. Ему вовсе не обязательно «садиться за стол» ежедневно и с людской педантичностью. Проголодался — идет охотиться, всласть отъевшись — беспробудно спит.

Так сколько же съедает этот «краснокнижник»? За сутки взрослый суперкот в среднем потребляет двенадцать — четырнадцать килограммов мяса, тигрица — около десяти. Но это вовсе не значит, что столько мяса им

требуется. Едят ведь, как говорится, от пуза. А уменьши эту прорву продукта вдвое — не помрут. Даже не отощат.

Как и для большинства других хищников, умеренность в добывании корма для тигра ни в малой мере не характерна, и он редко когда упускает возможность успешно поохотиться, если и сыт по горло, и еще полно несъеденного. Известно много примеров, когда этот мясоед в избытке сил давил в день до пяти-шести изюбров и кабанов, причем нередко к этим жертвам не возвращался. И потому-то коэффициент использования добычи у властелина всего живого не превышает половины.

И последнее по поводу питания нашего грозного и всеильного красавца. За год «среднестатистический» зверь добывает сорок — сорок пять кабанов, двадцать пять — тридцать изюбров, трех медведей и до двух-трех десятков более мелких животных — косуль, кабарог, барсуков, собак...

Не утомились? Не задремали? Тогда займемся делами семейными.

Свадебная пора у тигра к какому-либо определенному времени года приурочена слабо и размыто. И потому выводки с новорожденными приходится встречать в любом месяце, даже в лютых зимних.

Несмотря на то, что на участке тигра-самца, как правило, живут две-три тигрицы, постоянство в отношениях между полами этому виду вряд ли свойственно. Скорее, оно условно. Заневестившаяся самка отдается любому найденному ею кавалеру. Одному, потом другому. Бывает, за будущей матерью ходят несколько кандидатов в отцы, азартно выясняющих третьего лишнего. Дерутся, иногда ожесточенно. Однако не до смерти. Даже не до крови. Скорее всего, это вовсе и не драки, а ритуальные турниры на силу. И право на потомство завоевывается весьма малой кровью, что для столь могучих зверей при совершеннейших орудиях умерщвления просто удивительно.

Длится свадьба две-три недели. Новобрачные в это время, естественно, крайне возбуждены, своеобразно урчат, фыркают, валяются. И даже играют, подумать только! Но радости эти не долги, и сменяет их обыкновенная проза жизни. Врозь, разумеется. Тигры — гордые одиночки. Они не любят, когда им мешают жить один на один с тайгой, и только с нею.

А через сто — сто десять суток тигрица дарит миру двух-трех, реже одного или четырех наследников собственной мощи, красоты и власти. Роды происходят в уединенном логове в самых глухих местах. Логово это не утепляется, и подстилка в нем весьма примитивна, но оно обязательно сухое и защищено от ветров. А неподалеку непременно должна быть вода.

Новоиспеченная мамаша первую неделю от своих ненаглядных почти не отходит, согревая их, облизывая, кормя и помогая облегчиться. Котята весят всего-то около килограмма, они беззубы, глухи и слепы. Но как стремительно врываются в жизнь эти будущие великаны, силачи и властолюбцы! В недельном возрасте они уже видят и слышат, у двухнедельных прорезаются зубы, а месячные бурно изучают окрестности гнезда. С двухмесячными мать начинает проводить небольшие экскурсии по участку и приучает полосатиков есть мясо, продолжая вволю кормить их молоком. Весят они в это время до пяти килограммов, однако уже через месяц утраивают этот вес. Полугодовалые нагуливают до тридцати килограммов, имеют размеры овчарки и покрыты настоящей тигриной шерстью черно-бело-желтого окраса. Отныне и до дней последних эта знаменитая полосатая шкура будет им и шубой, и маскхалатом, и мантией величия.

Мать усиленно кормит детей своих, терпеливо воспитывает и старательно учит жить строго по-тигриному. Главная ее забота — обучить молодых найти и «взять» добычу. С полугодовальными она подолгу охотится, годовики способны и сами добыть себе корм. Ну а полуторагодовалый молодняк уже во всем подобен матери. У него пока нет лишь родительского опыта и мастерства, да и силы еще не те, не те... Но все слабее становится связь с матерью, слабее. К самостоятельности рвутся.

Впрочем, мать этим не печалится. Она в это время все больше подумывает об очередном сватовстве. Природой ей строго-настроено наказано приносить потомство раз в два года. А коли оно трагически гибнет в младенчестве, немедленно зачинать другое. Именно тигрицы «отвечают» за размеры приплодов, оставляя заботы о жизнестойкости потомства своей сильной половине. Благодаря стараниям тех и других годовой приплод у амурского тигра составляет двадцать четыре — двадцать шесть процентов, а прирост поголовья — с учетом смертности и молодняка, и взрослых — может достигнуть шестнадцати процентов.

Именно благодаря хорошей плодовитости так бурно росло поголовье наших тигров в послевоенное время, достигнув почти полутысячной отметки к середине восьмидесятых годов, несмотря на систематическое злостное браконьерство, легальный отлов тигрят и отстрелы по разрешениям властей.

Да, могуч, отважен и властен тигр. А вот его жизненный путь недолог. У цирковых и зоопарковских хищников признаки старения наступают с пятнадцати лет, живут же они до двадцати пяти. Всего-то? Наисчастливейшие долгожители достигают тридцатипятилетнего возраста,

да и то в благодатных условиях зоопарков и питомников. Век же вольных тигров куда короче, и редко кому из них счастливится дожить до естественной старости... Впрочем, в этом есть и своеобразное достоинство.

Врагов у амурского тигра совсем мало: бурый медведь да человек. Сражения с медведями довольно обычны. Тигр в расцвете сил чаще всего давит этого заклятого врага, но от него нередко гибнут тигрята и их матери.

В непростых взаимоотношениях этих гигантов более агрессивным является именно медведь, причем ввязывается он в драку поздней осенью во время голодных сезонов. Более всего это свойственно шатунам. Тигр же нападает в основном на некрупных косолапых, будучи заведомо уверенным в победе. Этот хищник вообще никогда никого не атакует безрассудно. Например, опасных вепрей и матерых сохатых он обходит стороной, и правильно делает. Умен и отважен тигр, а вот «безумство храбрых» для него малохарактерно, и он редко когда рискует жизнью. Лишь тигрица в защите своего потомства готова на все и жизни не пожалеет.

Завершим же мы этот рассказ взаимоотношениями царя зверей с двуногими властелинами планеты всей. А были они напряженными, часто трагическими, испокон веку. В Южной Азии они остаются в общих чертах такими же и теперь. Однако амурский тигр к людям в настоящее время относится гораздо почтительнее и осторожнее, чего не скажешь о бенгальской и индокитайской подвиговых формах. В Индии и в настоящее время тигры загрызают ежегодно около пятидесяти человек.

Важно еще раз отметить, что до освоения и заселения Амуро-Уссурийского края Россией, начавшегося с середины XIX века, нападения амбы на человека, особенно на аборигенов и китайцев, было явлением обычным, и здешние люди боялись панически этого многочисленного тогда хищника. За год от него гибло несколько десятков, в иные лета — сотни людей, и многократно больше домашних животных. Еще более дерзкими были тигры в сопредельных провинциях Китая.

Однако повадки уссурийского тигра в отношении к людям резко изменились после трудного и долгого восстановления его едва не погибшей популяции в тридцатых годах XX века. Он как бы переродился. Более или менее удовлетворительное объяснение этого феномена видится в том, что к тридцатым годам уцелели самые осторожные тигры, избегавшие всяких встреч с людьми, в какой-то мере понявшие, что двуногие — сильнее их. И именно такие особи со временем «основали» генетическое ядро восстанавливавшейся популяции.

Тигр как был, так и остается зверем смелым, а вместе с тем у него

прибавилось осторожности. Человека он не трогает, хотя и не боится. Человек для амурского тигра как бы неприкосновенен, и это стало правилом с редкими исключениями. За последние шестьдесят лет достоверно известно десять случаев неспровоцированного нападения хищника на людей, из которых частично было съедено пять.

Однако защищаясь, тигр нападает на человека довольно часто. Не боится он его, но любопытства к себе не переносит. Смертельно опасными становятся раненые и преследуемые хищники. Но поразительно другое: тигру скрасть и убить человека проще простого, тем не менее до смерти он его, как правило, не давит. Чаще всего крепко ударит, укусит, поцарапает. И уйдет, как бы предупредив, что может быть и хуже.

Анализируя ход событий в случаях нападения тигров на людей, часто приходишь к выводу: да, этот зверь действительно психически высокоразвит и среди диких животных вполне может считаться интеллектуалом. Впрочем, к такой мысли уже давно пришли цирковые дрессировщики.

Амурский тигр в современной возродившейся популяции как бы предложил человеку вооруженный нейтралитет и по мере сил строго его соблюдает. Человек же его нарушает сплошь да рядом. И именно поэтому снова приходится спасать удивительного зверя, самого элегантного, отважного и могучего наземного хищника планеты, оказывающего на людей при встречах в дебрях уссурийской тайги воистину магическое воздействие. И каждая из них остается в памяти нетленной до дней последних.

Как те, о которых рассказывается в этой книге.

Если вы встретили тигра

Теперь этих царственных хищников на Сихотэ-Алине довольно много: до четырех с половиной сотен. Уже вряд ли когда их станет больше, хотя для этого немало мероприятий планируется и проводится, в том числе и дорогостоящих, с привлечением средств зарубежных природоохранных организаций. Однако сохранение существующего неопределенно долго поголовья владык уссурийской тайги на достигнутом уровне многое значит. И каждый любитель попутешествовать по их владениям с замиранием сердца имеет реальные шансы встретиться с одним из них глаза в глаза. А любая такая встреча сулит не только умопомрачительный всплеск эмоций и память на всю жизнь, но и вполне реальные опасности.

Современный амурский тигр для человека не столь страшен, как его субтропические собратья. И к нам он относится куда уважительнее и осторожнее, чем амба времен Пржевальского и Арсеньева или еще более дальних. И тем не менее случаи нападений этого хищника на людей в наши годы не считаются сенсационными. Мне не раз приходилось разбираться в причинах и обстоятельствах таких несчастий, и каждый раз, с несколькими исключениями, я убеждался, что случаются они потому, что люди не знают или забывают в общем-то простую истину: хотя тигр человека старается не трогать и обходит его стороной, он всегда был и остается опасным зверем, и поэтому при неожиданных встречах с ним нужно строго соблюдать определенные меры благоразумия. О них и речь.

Прежде всего, необходимо навечно усвоить и запомнить то главное и неизменное, что составляет тигриную сущность, где бы и когда этот стопроцентный хищник ни обитал.

Тигр чудовищно силен, и в то же время он ловок, стремителен и даже грациозен. Ударом лапы он валит насмерть громадного быка, а давком челюстей перекусывает самое толстое горло дикого животного. В поединке под сводами южноазиатского неба и более слабые родичи нашего амбы одолевают буйвола и даже слона с живой массой в несколько тонн. А в атакующем броске он стремителен, как сокол: представьте себе скорость полтора-два десятка метров в секунду... зверя весом в полтора-два, а то и три центнера.

При столь огромной мощи и ловкости этот совершеннейший из совершенных прошлого и настоящего хищник обладает чуткими органами восприятия внешней среды, особенно слухом и зрением. Даже в

кромешной тьме и густых зарослях он идет неслышно и уверенно. Легко улавливает звуки на ультравысоких и инфранизких частотах, для нас недоступных. И есть у него некое шестое чувство, с помощью которого он легко предугадывает намерения беспечно шагающего по тайге человека, и не помышляющего об опасном соседстве.

Но этот отважный силач осторожен и скрытен, и храбрость его не бывает безумной. Выдержка же удивительна. Умеет он и великолепно маскироваться: затаившегося тигра трудно заметить даже вблизи. Появляется он и исчезает как призрак, открытые места старается бесшумно обойти. И неудивительно, что людей он почти всегда обнаруживает первым и издали. Обнаружив, любопытничает и подолгу за ними наблюдает. Бывает — и следит, ничем себя не выдавая. Старается определить, по какой надобности человек появился в его владениях, надолго ли, и не имеет ли намерений поохотиться на его исконную добычу — крупного копытного зверя.

Тигр молчалив. Лишь во время гона его голос можно услышать в течение суток неоднократно. Кем-либо обозленный, он рычит хрипло и глухо, а при желании кого-нибудь запугать — ревет. Рев этот громкий, протяжный и страшный. Иногда он заканчивается несколькими короткими звуками. В ярости издает кашляющий рык, который буквами можно условно передать так: «у-ааа-унг, унг-унг-ваа-нг-нг...» На человека этот жуткий голос, особенно в ночной темени, оказывает парализующее воздействие. Иные, тайгу особенно не знающие, от страха теряют сознание, мечутся в безрассудстве, за ружье хватаются, если оно, конечно, имеется... И желают одного — побыстрее убраться из этой тайги.

И мой первый совет касается ружья. Никогда не поднимайте его на тигра. Не только потому, что этот зверь охраняется законом — не ставьте себя на край жизни. В состоянии волнения и страха стрелок никогда не бывает метким, раненый же тигр, даже если он за несколько минут до выстрела был вполне миролюбивым, становится злым, агрессивным и мстительным. Обиды и зла он не прощает и помнит пожизненно. А мстить тигр умеет.

Очень опасным он оказывается и тогда, когда замечает, что человек идет по его следам. В стремлении избавиться от преследования и расплатиться за причиненное зло он, сделав петлю, затаивается около своего следа на расстоянии одного-двух прыжков. Его атакующий бросок — как полет сокола. От него не увернуться и не спастись... Но в эти критические мгновения надо полностью довериться странной повадке амурского тигра: подмятого под себя человека, даже причинившего ему

боль и зло, хищник редко давит насмерть, удовлетворившись строгим наказанием. Разумеется, если подмятый бедолага не пускает в ход нож и не делает другие безрассудства, вроде попытки выковырнуть тигриный глаз. Самое благоразумное в подобной критической ситуации — притвориться мертвым, амба успокоится и уйдет.

Но давайте же по порядку.

Внезапная встреча с тигром всегда опасна, даже если он первым «показал себя». И потому избегайте ходить в тайгу в одиночку, особенно с собаками, которых все тигры стремятся во что бы то ни стало поймать. И не старайтесь ходить в тигриных обиталищах бесшумно.

Шагая по лесу, всегда внимательно рассматривайте звериные следы. Тигриные узнать легко: «рисунок» у них типично кошачий, размер с мужскую кисть руки с согнутыми пальцами — сантиметров пятнадцать — восемнадцать, в диаметре — до двадцати. Даже старые следы свидетельствуют о том, что вы оказались в тигриных владениях, свежие же должны твердо убедить, что тигр близко и, вполне возможно, уже видит вас, слышит и полон внимания. Человек для него в тайге безразличным никогда не бывает.

Зимой любой след замечается как бы автоматически, а вот по черной тропе их приходится искать. Надо внимательно всматриваться в песок под ногами, во влажную почву, пыль...

Но кроме отпечатков тигриных лап о его присутствии много говорят специфические метки, которыми хищник метит свои владения и заявляет о себе сородичам. На зверовой тропе или лесной грунтовой дороге можно увидеть старый и свежий помет, обильно перевитый волосом съеденных жертв. Или поскребы — когда зверь задними лапами загребал свои экскременты.

Если вы заметите приметный предмет вроде отдельно стоящего большого пня или камня, старого дерева, корча или скального обнажения, подойдите к ним и обследуйте. Обитай тигр в этих местах, он обязательно метил бы ориентиры мочой и выделениями прианальных желез, причем практически при каждом проходе. Эти метки, будь они там, вы зафиксируете сразу же — хотя бы по характерному неприятному «кошачьему духу».

И еще. На отдельно стоящих неподалеку от тропы деревьях тигр имеет привычку точить когти, встав на задних лапах во весь рост и стремясь поцарапать кору когтями передних как можно выше. Так он заявляет не только о том, что живет здесь и потому другим тут делать нечего, но... и о размерах своих.

Если полоснуло вас четкое свидетельство обитания тигра где-то совсем рядом, напрягите слух свой и зрение, замрите на минуту-другую, потом присядьте. В собственные руки себя возьмите. Мобилизуйте всю волю. Убедите себя в том, что амурский тигр неспровоцированно на человека нападает очень редко. Внимательно осматривайтесь вокруг и прислушивайтесь. Подозрительные места вроде корчей, валежин или густых кустов старайтесь обойти не ближе десятка метров.

Если вы ненароком подошли к полусъеденной туше крупного копытного зверя — уходите прочь, не мешкая и судьбу свою не испытывая, забыв о поговорке насчет дележки по принципу от многого немножко... Немедленно, но без паники и без испуганных воплей, уходите «задним ходом» от тигра у своей добычи и возле логова с котятами. Не пытайтесь выяснить, на кого раскаркалось воронье: скорее всего, оно слетелось к крупному хищнику, трапезничавшему у своей добычи. И тут важно подчеркнуть особо: у добычи бурый медведь многократно опаснее тигра. Самыми лютыми являются раненые звери и голодные — у только что пойманной жертвы.

Ну а если встреча все же состоялась? Да еще глаза в глаза?

На это очень знаменательное событие в вашей жизни вы должны себе твердо заявить: коли тигр позволил себя показать человеку так близко, нет у него агрессивных намерений, в противном случае он бы легко избежал этого, оставаясь незамеченным до рокового прыжка.

Остановитесь. Себя успокойте. Резких движений не делайте. Ничем, в том числе и руками, не размахивайте, а тем более не кидайте. Лучше тихо и спокойно (вроде бы!) заговорите. Смысл слов ваших полосатый, разумеется, не поймет, но тон их произношения ему многое скажет. И так вот, беседуя, уходите «задним ходом». Да упаси боже глядеть тигру прямо в глаза! Смотрите на его плечо или грудь, даже на ноги, следя за мордой лишь краем глаза. Потому что в мире зверей прямой взгляд в зрачки означает вызов. До него ли вам в эти раскаленные мгновения?

Лучше постарайтесь следить за настроением тигра. Мимика у него богатая, четким индикатором является хвост. Чем возбужденнее зверь и злее, тем шире его черный зрачок, а конец опущенного хвоста нервно извивается. В состоянии же благодущия хвост становится дугой или свечой, при этом суперкот может и тихо промурлыкать нечто кошачье или издать негромко и мягко доброжелательное «уфф, уфф». А то и приляжет, откровенно любопытствуя, даже как бы приглашая к более тесному контакту.

Но такое для столь грозного царя зверей бывает все же редко. Чаше он

строго глядит и всем своим видом велит вам уходить. Это вы поймете и без моих разъяснений.

Тигр отлично чувствует, боитесь ли вы его откровенно или пытаетесь держаться на равных. Не бравируйте и страха своего не стесняйтесь. Нет человека, который бы в этой ситуации не ощутил ком в горле и дрожь в коленях. Потом, вспоминая все это, вы будете улыбаться. И много-много лет повторять: «Что значила бы моя жизнь, не испытай я тех ужасных мгновений?»

Но пятились вы, пятились... И вот помчались сломя голову — нервы ведь не стальные. Ну и бегите! Но знайте: тигр может захотеть догнать вас и пробежаться рядом. Ему иногда хочется поиграть с перепуганным человеком, оказавшимся вдруг таким слабым и незащищенным. А вам не до игры. Не старайтесь проворно вскарабкаться на дерево — при желании тигр вас там достанет. Лучше одолейте речку. Зажгите пучок травы, смолянку или бересту, пустив дым в черно-бело-желтую голову с пивной котел... Хорошо иметь на такой случай дымовую или сигнальную ракету, чтобы пальнуть ее в ноги опасному шутнику. Этому полосатому или в другой раз — бурому медведю.

С особой резвостью удаляйтесь от тигриного выводка! И помните: если вы его вовремя не заметили и тигрица бросилась на вас — она не нападает, а защищает свое потомство. Прогоняет. Ну и внемлите ей. Только не срывайтесь с места в карьер. Опять-таки сначала попятьтесь, внушая обеспокоенной маме: «Больно нужна ты мне... Со своими...»

Лишь когда придет уверенность, что напятились вдоволь, пробежитесь. С улыбкой можно даже прикрикнуть на царицу уссурийской тайги: «Не вздумай еще раз оказаться поперек моих таежных троп! Не то...»

И все же не искушайте терпимость тигрицы. Знайте: она еще долго будет следить за вами, о чем вы и подумать не удосужитесь. Так что отложите чаепитие на часок спорого хода. И радуйтесь: этот день незабываем, вы познали высочайшую степень страха, не опозорив себя. Вы испытали магическое воздействие тигра, и теперь он вам знаком не понаслышке. Теперь и вы можете советовать, как вести себя при встрече с владыкой уссурийских дебрей.

Без тигра мы все обеднеем

Вместо заключения

Нельзя остаться равнодушным к только что прочитанному гимну амурскому тигру Сергея Кучеренко. В каждом рассказе — гордость за великолепного зверя и сострадание к его несчастьям. И ни одной неверной ноты — правда и только правда. Лейтмотив книги — тигр уважает права человека, но просит не забывать, кто в лесу абориген по праву наследства. Как же сохранить прекрасную кошку в уссурийской тайге? Как не нарушить хрупкий баланс, установившийся между опасным хищником и вооруженным охотником?

Хабаровчане и приморцы помнят «нашествие тигров» в середине восьмидесятых годов прошлого столетия. В 1983 году численность кабанов резко сократилась из-за эпизоотии, затем глубокие снега подкосили поголовье изюбров. Голодающие хищники начали выходить к населенным пунктам, нападая на собак и скот, создавая реальную опасность для людей. В 1986 году пришлось отстрелять или отловить 43 тигра, кроме того, немало их погибло от истощения и от браконьерских пуль. Государство российское тогда впервые осознало проблему — надо не только охранять краснокнижных зверей, но и контролировать ситуацию. Ведь не готовы оказались к «нашествию»: не было ни снаряжения для обездвиживания хищников, ни обученных охотников. Разрешений на отстрел конфликтных тигров приходилось ждать из Москвы по два-три месяца.

Тем не менее жизнь заставила создать при управлениях охотничьего хозяйства и оснастить специальные группы по контролю крупных хищников. После организации Госкомэкологии эти функции были переданы специнспекции «Тигр», которая многие годы успешно занималась тигриной проблемой при постоянной поддержке Всемирного фонда дикой природы, Общества сохранения диких животных и фонда «Феникс». Но грянула очередная реформа, и снова никто не несет ответственности за тигра в тайге. «Тигры» практически расформированы, охотуправлений больше нет, созданные структуры Росприроднадзора не имеют ни штатов, ни денег на выполнение обязательств России по сохранению мирового наследия... Полезны советы бывалого таежника, как себя вести при встрече с тигром, но необходима государственная система по разрешению конфликтных ситуаций в отношениях между хищниками и

людьми. Проблемы 1980-х не должны вновь обостриться.

Каждый год я опасаясь: вдруг завальные снега, вдруг снова эпидемия чумы у кабанов! А мы не готовы. Нашествие тигров в поселки, бесконтрольный расстрел их, резкое изменение отношения населения к хищнику в негативную сторону — все наши десятилетние усилия по стабилизации популяции и экологическому просвещению пойдут насмарку. Поэтому Всемирный фонд дикой природы призывает государственные структуры предпринять наконец меры для выполнения утвержденной ими же еще в 1996 году стратегии сохранения амурского тигра в России.

Нужен Государственный центр мониторинга тигра при Дальневосточном федеральном округе с тремя-четырьмя мобильными бригадами в наиболее «тигриных» районах. Причем бригады эти не должны нести инспекторские функции, их задача — собирать информацию по численности зверей, фиксировать, где и какие выводки обитают, все случаи гибели зверей и, конечно же, по первому зову выезжать для оказания помощи местным жителям в случае конфликтной ситуации. Люди должны верить, что государство не оставит их наедине с нарушающим их привычный ритм жизни опасным хищником, должны доверять сотрудникам этих бригад, которые приезжают не составить протокол на местного охотника, а отпугнуть потерявшего осторожность тигра или отловить его и перевезти подальше в тайгу. И, в крайнем случае, ликвидировать старого или больного зверя.

Центр в Хабаровске обеспечит анализ собранной информации, оперативно выдаст необходимые разрешения. Наконец, поддержит ежегодные учетные работы, которые пока ведутся в основном за счет зарубежных фондов. Амурский тигр — мировое достояние, но судьба его вручена Российскому государству и нам с вами — жителям Амурсо-Уссурийского края. Только от наших совместных усилий зависит выживание великолепного зверя, без которого планета и все мы обеднеем.

А пока — выполняйте проверенные опытом советы Сергея Петровича Кучеренко, уважайте право тигра на его тигриный дом. В случае же конфликта — сообщайте по телефонам краевых подразделений Росприроднадзора: в Хабаровске — (4212) 30-54-49, во Владивостоке — (4232) 43-77-79(93), или звоните во Всемирный фонд дикой природы — (4232) 41-48-68.

Юрий ДАРМАН,

директор Дальневосточного отделения Всемирного

*фонда дикой природы — Россия (WWF), кандидат
биологических наук*